САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ ПОЛИТОЛОГИИ

На правах рукописи

РУСАКОВ Сергей Сергеевич

Эволюция стратегий анализа власти в политической философии Мишеля Фуко

23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель: Радиков Иван Владимирович
профессор, доктор политических наук

Санкт-Петербург

2017

ВВЕДЕНИЕ..... 3

ГЛАВА 1. ФОРМИРОВАНИЕ ПОДХОДОВ М. ФУКО К АНАЛИЗУ ВЛАСТИ.....24

1.1. Теоретические предпосылки формирования подходов М. Фуко к анализу власти.....26

1.2. Взаимопроникновение концептуальных подходов к власти французских постмодернистов и взглядов Фуко.....55

ГЛАВА 2. СТРАТЕГИИ АНАЛИЗА ВЛАСТИ 81

2.1. Макрофизика власти и ее объективация 87

2.2. Микрофизика власти и ее субъективация 111

ГЛАВА 3. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ГРАНИЦЫ И ПРИМЕНЕНИЕ ФУКОДИАНСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ВЛАСТИ 159

3.1. Концептуальные рамки философии власти М. Фуко.....159

3.2. Анализ власти в повседневных практиках в пространстве гетеротопий 191

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 210

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....218

Введение

Актуальность темы исследования

М. Фуко разработал целый ряд оригинальных теорий и методов изучения феномена власти. В своих многочисленных произведениях он показывает, что власть можно изучать не только с различных ракурсов, но и прибегать к анализу практик, которые отдалены от власти в наибольшей степени. Демонстрируя различные подходы к анализу феномена власти, М. Фуко сформировал комплекс инструментов, которые помогали ему находить эффекты власти в различных социальных и политических институтах. Его взгляды во многом формировались в диалоге с традиционной политической философией, но в тоже время общим лейтмотивом его произведений была власть как множественность отношений силы, как стратегия действий, как возможность и необходимость сопротивления ей. Касаясь проблемы концентрации власти в руках персоналий или отдельных социальных институтов, французский мыслитель был твердо убежден, что власть осуществляется и замыкается на самой себе и ее невозможно найти в определенном месте, поскольку она размыта, дисперсионна и циркулирует внутри самых разных институтов общества. Действие власти и противодействие ей - это две основные переменные, которые поддерживают ее существование и динамику. Власть пронизывает общество во всех сферах (в тюрьмах, школах, казармах и т.д.) и определяется М. Фуко как соотношение сил, иногда как их противостояние, но не как прямое отношение подчинения одного субъекта над множеством объектов. Субъект является для М. Фуко одновременно и целью всех исследований и камнем преткновения в философской системе.

В 2011 году была проведена конференция, посвященная 20-летию сборника «Эффект Фуко». В ней принимали участие не только авторы самого сборника, но и те, кто за последние годы сформировал аудиторию исследований ментальности правления (governmentality) или искусства управления. На конференции, в частности, говорилось, что сегодня можно не только “инструментализировать его

теорию для собственных исследований, но и попытаться в меру сил закончить или хотя бы продолжить заниматься тем, что, возможно, было частью его общего замысла”[1]. Это говорит о том, что интерес к творчеству М. Фуко сейчас не только остается высоким, но и постоянно возрастает. Более того, существует научно-академическая платформа, которая дает возможность авторам представлять свои исследования, которые выполнены в духе фукодианства, продолжают или развивают его отдельные тезисы, а также концентрируются на оригинальных исследованиях, используя научный инструментарий М. Фуко. Этой платформой является журнал “Foucault Studies”, который выходит два раза в год и каждый номер развивает отдельные направления учения французского философа.

На данный момент, о значительно расширяющемся круге фукодианцев говорит также и то, что по уровню цитирования М. Фуко занимает первое место. К примеру, можно зафиксировать рост цитируемости работ М. Фуко в период с 2007 по 2015 годы, который значительно превосходит ближайшего соперника – французского коллегу, П. Бурдье[2]. Учитывая, что при жизни М. Фуко имел меньшее интеллектуальное влияние, можно сказать, что именно в посмертные десятилетия международное научное сообщество признало универсальность и широкую востребованность фукодианской теории и в настоящее время его изучение актуально.

Российское научное сознание, тем временем, до сих пор не выработало систематического и зафиксированного понимания идей М. Фуко. Это связано, во-первых, с тем, что его идеи пришли в Россию из США и принесли с собой уже сложившийся, искаженный опыт восприятия (исключением является лишь работа “Слова и вещи”, переведенная в 1977 году, являющаяся едва ли не единственной работой о М. Фуко, которую отечественное научное сообщество восприняло самостоятельно, без интерпретаций извне). Американские ученые, следовательно,

---

1 Руднев, Ю.В. Два тела Фуко. Очерк современного состояния Foucault Studies / Ю.В. Руднев // Полития, 2015. - № 4. - с. 48-68

2 Там же.

предложили нам большую часть современных интерпретаций французского ученого, которые иногда имеют серьезные отклонения. Во-вторых, важно понять, что именно англоязычная рецепция работ М. Фуко, на настоящий момент, формирует академический канон, задает идеологические, методологические, тематические образцы для его исследователей в различных частях научного мира. Основной проблемой отечественных ученых, в таких условиях, является невозможность проведения исследований, которые бы не были отмечены опытом англоязычной интерпретации. Любое изучение работ М. Фуко неминуемо будет находиться под воздействием исследовательской призмы, изобретенной в зарубежном научном сообществе.

Проблемы также возникают на уровне перевода. К примеру, в современной русскоязычной литературе о мыслителе до сих пор не сложилось единого концептуального языка. Традиция перевода отсутствует не только на семантическом, но даже на фонетическом уровне. Большую проблему вызывают такие понятия как governmentality, foucauldian, Foucault Studies и др. Между тем, методологические особенности и направленность современных англоязычных исследований, посвященных М. Фуко, определяются задачами, отличными от тех, что ставит перед собой “традиционная академическая наука, к которой, прежде всего, привыкли в России”[1]. Это приводит к тому, что российские исследователи до сих пор не представлено ни одним автором в журнале Foucault Studies (а, следовательно, и не относится к этому академическому течению).

Необходимо также отметить, что французское научное сообщество давно потеряло свою инициативу по продолжению или реактулизации идей М. Фуко. Английские и американские ученые, по ряду целому ряду причин, интересовалось работами М. Фуко гораздо активнее при его жизни и на сегодняшний момент продолжает поддерживать интерес к нему и его творческому наследию. Это выражается как в количестве выпущенных сборников последних работ М. Фуко, которым во Франции уделили меньше внимания, чем в США, так и в количестве

1 Там же.

публикаций, в которых авторы используют или развивают подходы французского исследователя[1].

Актуальность работы также обусловлена проблемой эволюции анализа власти в творчестве М. Фуко. Его концепция выходит за пределы структурализма как некого интеллектуального течения начала и середины XX века. Его творческий путь – это эволюция от чистого структуралистского подхода к археологическому (генеалогическому) методу, который он сам разработал. В ранние годы своего творчества, М. Фуко был нацелен на то, чтобы выстроить дисциплину, которая бы изучала исторически изменяющиеся системы мышления, которые определяются господствующим в цивилизации способом отношений слов и вещей. В более поздние годы он рассматривает дискурсивно-речевые взаимодействия, которые он определяет как фундамент, формирующий цивилизацию, общество и культуру. Таким мы видим творческий путь М. Фуко благодаря сложившимся представлениям об его этапах творчества. Имеющаяся этапизация творчества французского философа слишком обширна и не позволяет акцентировать внимание на ее отдельных аспектах. Он занимался эпистемологией, философией науки, историей идей, философией власти и анализом античных работ. Необходимо исследовать его так, чтобы при этом не смешивались те сферы интересов, которые поглощали его в разные периоды творчества. Следовательно, актуальным будет разработка такой этапизации творчества М. Фуко, при котором вскрывались бы изменения его взглядов именно на власть и ее анализ.

Также актуальной является разработка и реконструкция целостной концепции власти М. Фуко, которая позволила бы в наиболее совершенном виде интегрировать его очевидные представления о типах власти и работе механизмов властных отношений, а также отдельные, неявные концепты, которые он разрабатывал в разное время и преподносил в своих исследованиях с совершенно неожиданной стороны. Подобные концепты (паноптикум, гротеск власти,

1 Donzelot J., Gordon C. Governing Liberal Societies – the Foucault Effect in the Englishspeaking World / J. Donzelot, C. Gordon - Foucault Studies, 2008. - No. 5. - pp. 48-62

гетеротопии) как правило, не упоминаются или затрагивают вскользь, а иногда и вовсе выпадают, оставляя за собой интеллектуальный вакуум в восприятии идей М. Фуко. Понятие концепт автор использует в делезианской трактовке, т. е. как особый философский механизм, «который отсылает к некоторой проблеме, к проблемам, без которых он не имел бы смысла и которые могут быть выделены или поняты лишь по мере их разрешения». Каждый концепт имеет свою собственную историю и пересекается с другими концептами, которые ранее решали схожие задачи, и является результатом взаимодействия своих составляющих[1]. В целом, все концепты М. Фуко подходят под это определение.

М. Фуко, под тем или иным углом, изучал только один объект – власть, которую он непременно соотносил со знанием. Он по-другому понимал соотношение власти и знания, настаивая, что их взаимодействие является и неким дискурсивным и вещественным отражением власти как сущности. Современная история лишь подтверждает то, что идеи М. Фуко актуальны, а его оценка роли знания – справедлива, поскольку на рубеже XX и XXI веков из всех источников власти – военной силы, финансовой мощи, социального статуса и т.д. - основным стало именно владение информацией и контроль над знанием или даже, сознанием. Однако необходимо отметить, что существующие исследования и большое количество работ, посвященных его идеям, не могут разрешить одной важной проблемы, а именно — определения области применения некоторых его идей. Многие авторы высказывали свое мнение о том, что М. Фуко радикально переосмыслил и изменил наши представления о власти, но надо также понимать, что в XX веке была целая плеяда мыслителей, которая не менее серьезным образом повлияла на представления о ней. Именно поэтому, актуальным является не только пересмотр его представлений о власти, но и установление их особой, возможно новой, области применения и точки приложения сил, которые высвободили бы потенциал его методов анализа.

---

1 Делез, Ж. Гваттари, Ф. Что такое философия? / Пер. с фр. и послесл. С Зенкина. - М.: Академический проект, 2009. - 261 с. - с. 21 - 43

Сам феномен власти нельзя рассматривать без привлечения широкого, социального, культурного и исторического контекста, с которыми работал М. Фуко. Состояние института власти напрямую зависит от состояния социальных, общечеловеческих отношений на определенном этапе развития цивилизации. Изучая власть, мы вынуждены, в погоне за ее шлейфом, исследовать всю многомерность и неоднозначность определенных историко-цивилизационных особенностей мышления людей и их сознания. Власть - одна из тех категорий, которая отражает существенные и закономерные связи и отношения людей в целом. Ее невозможно полностью, исчерпывающе раскрыть лишь с точки зрения права, политики, морали или экономики, которые представляют собой только отдельные аспекты этого многогранного и целостного феномена. М. Фуко, безусловно, это понимал, и, размышляя о власти, принимал во внимание и тот способ мышления, который присущ человеку западной цивилизации в определённые исторические периоды.

Таким образом, научной проблемой является не только более акцентированное, на определенном аспекте, исследование творчества М. Фуко, но и построение такой концепции власти и такого уровня его понимания, которая бы охватывала и сплетала максимально возможное количество идей, концептов, рассуждений этого широкомыслящего автора и позволила наилучшим образом определить ту нишу, в которой его метод анализа власти был бы наиболее эффективен и полезен.

Степень научной разработанности и проблемы исследования

Теория М. Фуко стала объектом внимания различных исследователей по двум основным причинам. Первая - концептуальная несовместимость его теории с другими учениями. Фундаментальность фукодианской критики социальной и политической рациональности западных обществ предельно четко обнаружила линии разрывов, как с традиционной мыслью, так и с идеями «новых левых» мыслителей. Это выражается в том, что французский мыслитель с сомнением относился как к прогрессистской идеологии освобождения, так и к идеям

консервации порядка как некой трансцендентной и одновременно имманентной социуму и политике категории. Такая позиция является причиной обвинения М. Фуко в политическом радикализме (Ю. Хабермас) и теоретическом пессимизме (Р. Рорти).

Вторая причина состоит в том, что мысль М. Фуко демонстрирует яркий пример кризиса западной мысли и критической рефлексии над ней. Это связано с проблематизацией таких понятий, как «власть», «государство», «управление», «прогресс», «демократия», «права человека», соотношении институционального и неинституционального факторов в определении феномена политической власти, о социально-политической маргинальности групп, агентов и стратегий политического действия и т.д. Подход М. Фуко позволяет теоретически по-новому проанализировать весь спектр социально-политической проблематики.

Зарубежное философское сообщество уже при жизни причислило его к числу классиков гуманитарной мысли, в то время как российские исследователи только недавно ввели в широкий научный оборот концепции теории французского мыслителя. Исследования, посвященные М. Фуко, как отечественных, так и зарубежных авторов можно классифицировать следующим образом.

Во-первых, это комплексные работы, которые раскрывают различные аспекты творчества французского мыслителя. В России к этой группе относится большинство авторов, среди которых можно выделить Н.С. Автономову[1], В.А. Подорогу[2], З.А. Сокулер[3], В.Н. Фурса[4], А.В. Дьякова[5], И.П. Ильина[6]. В

---

1 Автономова, Н. С. Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках (Критический очерк концепций французского структурализма) / Н.С. Автономова - М.: Наука, 1977. - 269 с.

2 Подорога, В.А. Власть и познание (археологический поиск М. Фуко) // Власть: Очерки современной политической философии Запада. М.: Наука, 1989.

3 Сокулер, З. А. Знание и власть: наука в обществе модерна. — СПб. РХГИ, 2001. - 240 с.

4 Фурс, В. Социально-критическая философия после «смерти субъекта» / Сочинения. В 2-х т. Т. 1. — Вильнюс: ЕГУ, 2012. - 434 с.

5 Дьяков, А.В. Мишель Фуко и его время. СПб.: Алетейя, 2010. — 672 с.

6 Ильин, И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И.П. Ильин. - Москва: Интрада, 1996. - 253 с.

зарубежной библиографии таких исследований не меньше - Ф. Гро[1] (описание «истории безумия»,), И.-Ш. Зарка[2] (исследование теории власти Фуко) и А. Кремер-Мариетти[3] (изложение «археологии знания»), К. О'Фаррел[4], К. Гордон[5]. Кроме того, существует множество работ, которые развивают или пересекаются с отдельными элементами учения М. Фуко. В частности, исследуя вопросы утопий и гетеротопий, необходимо обратить внимание на С. Элдена[6], М. Дэхена[7] и. М. Фаррара[8]. Среди отечественных исследователей можно отметить В.А. Гуторова[9], О.В. Беззубову[10], А.Ф. Филиппова[11], А.Г. Квята[12].

Во-вторых, исследования, которые анализируют и позитивно оценивают вклад Фуко в гуманитарную мысль, подчеркивая его оригинальность, критическую направленность, новизну методов, и используют его идеи для разворачивания своих собственных исследований. Здесь среди отечественных авторов следует упомянуть В.П. Визгина[13], С.В. Табачникову, Н.М. Смирнову,

---

1 Gros, F. Foucault et la folie / F. Gros. - Paris, Presses Universitaires de France, 1997. - 136 p.

2 Zarka Y. C. L'autre voie de la subjectivité / Y.C. Zarka. - Paris, Beauchesne. – 2000.

3 Kremer-Marietti, A. Foucault et l'archéologie du savoir: présentation, choix de textes, bibliographie / A. Kremer-Marietti. -Seghers, 1974. - 243 p.

4 O'Farrell, C. Michel Foucault / C. O'Farrell. - SAGE, 2005. - 200 p.

5 Gordon, C. Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings, 1972-1977 / C. Gordon. - Pantheon Books, 1980. - 270 p.

6 Elden, S. Space, Knowledge and Power: Foucault and Geography / S. Elden. Routledge, 2016. - 390 p

7 Dehaene, M. Heterotopia and the City: Public Space in a Postcivil Society / M.Dehaene, L. De Cauter. - Routledge, 2008. - 360 p.

8 Farrar, M. Building the Body Politic: Power and Urban Space in Washington / M.E. Farrar. - University of Illinois Press, 2008. - 183 p.

9 Гуторо,в В. А. Античная социальная утопия: Вопросы истории н теории / В.А. Гуторов. - Л.: Издательство Ленинградского университета, 1989. — 288 с.

10 Беззубова, О.В. «Другие пространства» Мишеля Фуко: современные стратегии интерпретации / О.В. Беззубова // Вестник гражданских инженеров. - 2011. - № 2 (27). - с. 199–204.

11 Филиппов, А.Ф. Гетеротопология родных просторов / А.Ф. Филиппов // Отечественные записки. - 2002. - № 6–7. - с. 48–62

12 Квят, А.Г. «Все будет иначе»: городской пикник как гетеротопия / А.Г. Квят // Вестник Томского государственного университета. - 2014. - №388 - с.65-75.

13 Визгин, В.П. На пути к Другому: от школы подозрения к философии доверия. М.: Языки славянской культуры, 2004. - 800 с.

А.Ф. Зотова. Среди зарубежных авторов — П. Биллуэ, П. Вейн, Ж. Делез, П. Вейн, П. Адо, Д. Замора, Н.Фрейзер, Ж. Донзло, П. Миллер.

Отдельно необходимо сказать о целой плеяде англоязычных исследователей, таких как Д. Фабион, К. Гордон, Г. Бурчелл, С. Элден, Т. Лемке, П. Поттон и др., которые являются представителями журнала “Foucault Studies”. Этот журнал является на сегодняшний день единственным изданием, материалы которого сфокусированы на идеях М. Фуко и репрезентируют коллективный взгляд одной из самых многочисленных групп исследователей, изучающих и использующих его теорию в своих трудах. Важным для понимания обстоятельством является и то, что именно англоязычная рецепция работ М. Фуко на сегодняшний день является в мире доминирующей. По сравнению со своими французскими коллегами, английские и американские исследователи обладают большими наработками по анализу творчества М. Фуко и сформировали более полное представление об его наследии и продолжают развивать свое понимание его работ. Это говорит о том, что, изучая творчество М. Фуко, необходимо в первую очередь анализировать англоязычные работы, так как именно они находятся в авангарде сложившейся на данный момент интернациональной рецепции его идей и развития фукодианства в целом. В первую очередь это связано с тем, что “первая волна” последователей М. Фуко, которые его популяризировали и актуализировали, уже потеряла свое влияние. В основном она состояла из его друзей и коллег (Ф. Гро, Ж. Делез, П. Адо, П. Вейн, Д. Эрибон, М. Бланшо). В настоящее время можно вновь отметить возрастающий интерес к М. Фуко, но уже представленный нам, в основном, вышеперечисленными англоязычными авторами (в редколлегии журнала всего два француза – Ф. Гро и Д. Сеглер), которых можно обозначить как представителей “второй волны” фукодианцев. С начала 2004 года, журнал “Foucault Studies” выпускал всего один номер в год, но с 2008 года выпускается не менее двух в год, что подчеркивает возрастающий интерес к учению М. Фуко.

В-третьих, необходимо обозначить противников М. Фуко, которые критикуют его в разной степени. Некоторые представители этой группы

выступали против его частных идей в ходе дебатов, другие – доходят до полного неприятия его способа мыслить. Среди наиболее ярких ее представителей — А. Рено и Л. Ферри, критикующие политическую теорию М. Фуко за ее антигуманизм (частая претензия для авторов этой группы) и считающие ее одним из наиболее радикальных примеров постмодернистского мировоззрения, а также Ю.Хабермас, П. Бурдье, Ж.- П. Сартр, Н. Хомский, Ж. Бодрийар, Р. Рорти, Ф. Лентриккиа, П. Дьюс.

В целом, на настоящий момент, крупнейшим в мире специалистом по М. Фуко можно назвать С. Элдена, который является одной из ключевых фигур в журнале “Foucault Studies” и автором монографии “Foucault's Last Decade”[1]. В отличие от многих других исследователей, его работы включают в себя подробный анализ не только книг, но и лекций М. Фуко. Указанная работа посвящена исследованию различных техник признания и их эволюции, описанных в его работах М. Фуко в период с 1974 по 1984 год. Т. Лемке также представляет этот журнал и в своих трудах продолжает развивать концепт правительственности и биополитики[2]. В 2015 году Д. Замора своим исследованием[3] создал серьезный резонанс, вновь поднимая тему неолиберализма в мысли М. Фуко, и попытался утвердить его как неолиберального идеолога. Интересной работой является монография российского исследователя, С. Хоружия, которая посвящена пересмотру анализа античных и раннехристианских текстов, который проделал М. Фуко[4]. Многие работы последних лет были посвящены концептам, разработанным М. Фуко в поздние годы – Т. Дирберг применяет концепт парресии к современным демократиям[5], Э. Смит применяет концепт гетеротопий к анализу взаимосвязи текстов, символов и пространств в

1 Elden, S. Foucault's Last Decade / S. Elden. - John Wiley & Sons, 2016 - 272 p.

2 Lemke, T. Biopolitics: An Advanced Introduction / T. Lemke, M.J. Casper, L.J. Moore. - NYU Press, 2011 - 158 p. ; Lemke, T. Foucault, Governmentality, and Critique / T. Lemke. - Routledge, 2015. - 144 p.

3 Zamora, D. Foucault and Neoliberalism / D. Zamora, M.C. Behrent . - John Wiley & Sons, 2016. - 152 p.

4 Horujy, S.S. Practices of the Self and Spiritual Practices: Michel Foucault and the Eastern Christian Discourse / S.S.Horujy. - Wm. B. Eerdmans Publishing, 2015. - 207 p.

5 Dyrberg, T. Foucault on the Politics of Parrhesia / T. Dyrberg. - Springer, 2014. - 141 p.

христианских катакомбах[1], а Х. Тейлор выстроила генеалогию субъекта признания в западном обществе, начиная с эпохи античности и до наших дней на основе исследований М. Фуко[2]. Безусловно, фундаментальными работами последователей М. Фуко являются: “Эффект Фуко”[3], вышеперечисленные “Власть-знание” К. Гордона и “Мишель Фуко” К. О’Фаррел, а также работа Х. Дрейфуса и П. Рабиноу, являющаяся попыткой реконструировать его методологию исследований[4]. Журнал Foucault Studies тематически меняется от номера к номеру и, до сегодняшнего дня, ни один из них не был посвящен проблемам эволюции анализа власти, что говорит о пока еще несформированном, в академическом дискурсе, мнении на этот счет и / или об отсутствии необходимости проблематизации этой темы.

В России на данный момент также недостаточно исследована проблема эволюции анализа власти М. Фуко, равно как почти полностью отсутствуют комплексные исследования политологических и философских аспектов мысли французского философа[5]. Единственной попыткой использовать его опыт для России и, одновременно с этим, вызвать интерес к нему была осуществлена в 2001 году[6], но с точки зрения изучения фукодианского анализа власти, эта работа интереса не представляет. В 2010 году, тем не менее, выходит книга А.В. Дьякова[7], которая рассматривает не только биографию французского философа, но и детально рассматривает различные концепты М. Фуко и их пересечение с концептами других французских мыслителей XX века. Среди других работ можно

---

1 Smith, E. Foucault's Heterotopia in Christian Catacombs: Constructing Spaces and Symbols in Ancient Rome / E. Smith. - Springer, 2014. - 203 p.

2 Taylor, C. The Culture of Confession from Augustine to Foucault: A Genealogy of the 'Confessing Animal' / Taylor C. - Routledge, 2010. - 312 p.

3 Burchell, G. The Foucault Effect / G. Burchell, C. Gordon, P. Miller. - The University of Chicago Press, 1991 - 299 p.

4 Dreyfus, H.L. Michel Foucault: Beyond Structuralism and Hermeneutics / H.L. Dreyfus, P. Rabinow - Routledge, 2014. - 256 p.

5 Дьяков А.В. Мишель Фуко и его время. СПб. : Алетейя, 2010. — 672 с. – с. 601

6 Мишель Фуко и Россия: Сб. статей / Под ред. О.В. Хархордина. — СПб.; М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2001.— 349 с.

7 Дьяков, А.В. Мишель Фуко и его время. СПб. : Алетейя, 2010. — 672 с.

выделить ряд диссертаций, которые посвящены проблеме осмысления власти в творчестве М. Фуко. В диссертации “Теоретические и методологические основания анализа политической власти в постмодернизме: На материале работ французских мыслителей второй половины XX - начала XXI века”[1] К.Ю. Аласания рассматривает М. Фуко в контексте постмодернизма и исследований политической власти, в меньшей степени акцентируя внимание на проблемах субъекта и субъективации, которыми Фуко активно занимался в поздние годы. “Проблема власти в трудах Мишеля Фуко”[2] Т. Этьенна носит скорее описательный характер, проводится детальный разбор каждого произведения М. Фуко, однако при этом, к примеру, отсутствует упоминание о концепции паноптикума. В работе “Дискурс М. Фуко как методология анализа современных социальных институтов и процессов”[3] П.Е. Кириллов уделяет много внимания анализу дискурса, власти и их соотношению, однако в ходе исследования его вектор внимания уходит в сторону образовательных практики и институтов тем самым, минуя вопросы политической власти и власти в целом. Диссертация под названием “Соотношение политики и рациональности в политической теории М. Фуко”[4] О.О. Вишневского является самой проработанной с точки зрения литературы и теоретического анализа, однако развивает идеи М. Фуко в привязке с рациональностью, при этом не акцентирует внимание на проблемах бессознательного, на теории субъекта и субъективации и сводит всю теорию власти к сфере политического. Также необходимо отметить интересную этапизацию, которую автор предлагает использовать в контексте изучения М. Фуко через призму рационализма. Работа А.Ю. Ашкерова “Человеческая

---

1 Аласания, К.Ю. Теоретические и методологические основания анализа политической власти в постмодернизме :На материале работ французских мыслителей второй половины XX - начала XXI века: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01 / К.Ю. Аласания - М, 2006. - 147 с.

2 Томпсон, Э. Проблема власти в трудах Мишеля Фуко: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01 / Э. Томпсон - Ростов-на-Дону, 2001. - 134 с.

3 Кириллов, П.Е. Дискурс М. Фуко как методология анализа современных социальных институтов и процессов: дис. ... канд. философ. наук: 09.00.11 / П.Е. Кириллов. - М, 2006. - 139 с.

4 Вишневский, О.О. Соотношение политики и рациональности в политической теории Мишеля Фуко: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01 / О.О. Вишневский - М, 2005. - 197 с.

идентичность как проблема политической теории: На примере рассмотрения античного политического человека”[1] уделяется внимание анализу практик власти М. Фуко, но в целом нацелена на изучение политической идентичности и не концентрируется на отдельных концептах автора. С.А. Шашков, в работе “Эволюция социально-философских концепций М. Фуко и К. Касториадиса”[2] демонстрирует глубокий анализ социально-философских идей М. Фуко, выделяет предпосылки формирования его идей и дает характеристику его понятийному и концептуальному аппарату. Существуют и другие, хорошо проработанные работы, такие как “Государственно-правовые взгляды Мишеля Фуко”[3], “Концепции разума в современной французской философии: М. Фуко и Ж. Деррида: контекст полемики”[4] и “Научно-педагогическая концепция П.М. Фуко”[5], но они касаются тех идей М. Фуко, которые не нацелены на формирование единого представления о концепции власти. В этих исследованиях используется социально-философский или юридический анализ, и они могут служить примером детальных исследований отдельных аспектов творчества М. Фуко.

Таким образом, последние годы показывают, что в рамках российского научного сообщества, творчество М. Фуко до сих пор не является специальным предметом исследований большого числа ученых, которые заинтересованы теоретическим рассмотрением проблем власти. В целом ряде работ, где М.Фуко упоминается как теоретик власти, описательной составляющей уделяется гораздо больше внимания, нежели аналитике. Многие концепты французского философа,

---

1 Ашкеров, А.Ю. Философские проблемы современного социально-антропологического познания: дис. ... д-ра. филос. наук: 09.00.01 / А.Ю. Ашкеров - М, 2005. - 459 с.

2 Гашков, С.А. Эволюция социально-философских концепций М. Фуко и К. Касториадиса: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / С.А. Гашков - СПб, 2009. - 192 с.

3 Доровских, В.И. Государственно-правовые взгляды Мишеля Фуко: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.08 / В.И.Доровских - Ростов-на-Дону, 2009. - 142 с.

4 Голобородько, Д.Б. Концепции разума в современной французской философии :М. Фуко и Ж. Деррида: контекст полемики: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / Д.Б. Голобородько - М, 2006. - 217 с.

5 Матвиенко, Т.Н. Научно-педагогическая концепция П.М. Фуко: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Т.Н. Матвиенко - Волгоград, 2012. - 166 с.

такие как паноптикум, концепт субъективации, концепция власть - знания, пастырская власть и т.д., часто не принимаются во внимание потому, что напрямую не связаны с политической властью. В данных работах редко рассматривается то, как отдельные концепции власти повлияли на М. Фуко, а также практически нет попыток по-новому переосмыслить этапизацию творчества М. Фуко. Как в западном, так и в отечественном академическом сообществах, целостным исследованиям эволюции анализа власти М. Фуко недостает оригинальности и подключения менее релевантных, по отношению к проблемам власти, концептов.

Использованные источники

В диссертационной работе используются несколько видов источников. В первую очередь это тексты самого М. Фуко, которые включают в себя как книги и курсы лекций, так и его ряд интервью и статьи, которые посвящены проблеме власти. Представляется важным выделить наиболее используемые книги - «Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы»[1], «Воля к истине»[2], «Использование удовольствий»[3], «Забота о себе»[4], курсы лекций - «Ненормальные»[5], «Психиатрическая власть»[6], «Нужно защищать общество»[7], «Безопасность,

1 Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. Пер. с фр. М.: "Ad Marginem", 1999. - 479 с.

2 Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко. М.: Магистериум Касталь, 1996 - 446 с.

3 Фуко, М. Использование удовольствий. История сексуальности Т.2./ Пер. с франц. В. Каплуна - СПб.:Академический проект, 2004. - 432 с.

4Фуко, М. История сексуальности-III: Забота о себе / Пер. с фр. Т. Н. Титовой и О. И. Хомы под общ. ред. А. Б. Мокроусова.- Киев: Дух и литера; Грунт; М.: Рефл-бук, 1998.- 288 с.

5 Фуко, М. Ненормальные: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974-1975 учебном году. - СПб.: Наука, 2004. - 432 с.

6 Фуко, М. Психиатрическая власть: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973-1974 учебном году. - СПб.: Наука, 2007. - 450 с.

7 Фуко, М. Нужно защищать общество: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 учебном году. - СПб.: Наука, 2005. - 312 с.

территория, население»[1], «Рождение биополитики»[2], «Герменевтика субъекта»[3], «Управление собой и другими»[4], «Мужество истины»[5], а также сборник статей «Интеллектуалы и власть»[6].

Во вторую очередь, в исследовании использованы работы Р. Барта, Ж. Делеза, Ж. Бодрийяра и некоторых других авторов, которых объединяет то, что все они, в той или иной степени, реагировали и либо подкрепляли, либо критически анализировали идеи М. Фуко, таким образом, создавая продуктивную полемику. Здесь можно условно разделить авторов на тех, кто поддерживал М. Фуко – Ж. Делез, Д. Дефер, Д. Эрибон, М. Бланшо – и тех, кто оппонировал ему — Ж. Бодрийар, Ю. Хабермас, П. Бурдье, Ж.-П. Сартр, Н. Хомский и другие.

В ходе написание диссертации использовались результаты современных исследований, посвященные творчеству М. Фуко и других французских представителей постмодернизма, их монографии и статьи, а также работы, косвенно связанные с анализируемой проблематикой – исследования по политологии и философии.

---

1 Фуко, М. Безопасность, территория, население: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 учебном году. - СПб.: Наука, 2011. - 544 с.

2 Фуко, М. Рождение биополитики: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 году/ М. Фуко: Пер. с фр. А.В. Дьяков. – Спб.: Наука, 2010. – 448 с.

3 Фуко, М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982-1983 году / М. Фуко: Пер. с фр. А.Г. Погоняйло. – СПб.:Наука, 2007 – 677 с.

4 Фуко, М. Управление собой и другими: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982-1983 году/ М. Фуко: Пер. с фр. А.В. Дьяков. – СПб.:Наука, 2011. – 432 с.

5 Фуко, М. Мужество истины: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983-1984 году / М. Фуко: Пер. с фр. А.В. Дьяков. – СПб.:Наука, 2014. – 358 с.

6 Фуко, М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. С. Ч. Офертаса под общей ред. В. П. Визгина и Б. М. Скуратова. — М.: Праксис, 2002. — 384 с.; Фуко, М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Часть 2 / Пер. с франц. И. Окуневой под общей ред. Б. М. Скуратова. — М.: Праксис, 2005. — 320 с.; Фуко, М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. Б.М.Скуратова под общей ред. В. П. Большакова — М.: Праксис, 2006. - Ч.3. - 320 с.

Объект и предмет исследования

Объектом исследования являются работы М. Фуко и исследователей, которые раскрывают теоретические особенности его концепции власти.

Предметом исследования являются стратегии анализа власти М. Фуко.

Цель и задачи исследования

Цель диссертационного исследования – изучить эволюцию подходов к анализу власти в работах М. Фуко и реконструировать его концепцию власти

Задачи:

1. Показать влияние различных теорий власти, которые были сформированы в эпоху модерна, на концепцию власти М. Фуко
2. Показать взаимопроникновение различных теорий власти, которые были сформированы в эпоху постмодерна, с концепцией власти М. Фуко
3. Обозначить эволюцию, основные понятия, концепты и механизмы макрофизики власти
4. Изучить развитие, основные понятия, концепты и механизмы микрофизики власти
5. Установить концептуальные рамки анализа власти М. Фуко
6. Показать область применения микрофизического анализа власти на примере концепции гетеротопий

Методологическая база исследования

Методологической основой работы выступили методы сравнительного и комплексного анализа различных текстов М. Фуко, посвящённых проблеме власти, а также методологические и теоретические выводы, представленные в трудах отечественных и зарубежных авторов по вопросу концептуализации философских и теоретических взглядов М. Фуко. Также использовался метод реконструкции, сущность которого состоит не в механическом «достраивании» тех или иных фрагментов исследуемой теории, а выявлении ее логики, с помощью которой те или иные из ее неэксплицированных проблем и положений доводятся до своего логического завершения. Использовались элементы концепций или

идеи других авторов, которые связаны непосредственно с интеллектуальным наследием французского мыслителя. Реконструкция при этом акцентирует те моменты, которые предполагается преобразовать для определенных целей исследования, в данном случае, для выстраивания более системного понимания идей М. Фуко, касающихся власти. В данном случае она проводится для более ясного понимания ряда категорий и понятий, используемых М. Фуко в своих исследованиях и выстраивании на этом общей концепции власти и эволюцию его стратегии анализа власти.

Структура работы

Диссертация состоит из введения, трех глав, каждая из которых разделена на два параграфа, заключения и списка используемой литературы. Объем диссертации составляет 235 страниц и включает 214 источников.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Теоретические положения, разработанные в данном исследовании, могут использоваться в преподавании как общих, так и специальных учебных курсов по теории и философии политики, а также в разработке новых направлений современной политической науки. Некоторые выводы, которые следуют из данного исследования, могут быть использованы как отправные точки для дальнейших исследований, связанных с теоретическим наследием М. Фуко.

С точки зрения практической значимости, данное исследование может служить фундаментом в построении курсов лекций, которые детально рассматривают интеллектуальное наследие М. Фуко в политической и философской науках. Детальное рассмотрение его теоретических выкладок и возможность построить систему знаний, опирающуюся на его философские взгляды, могут стать качественной основой, как для дальнейших научных исследований, так и для осуществления учебно-педагогического процесса и специальных дисциплин, связанных с этим автором.

Научная новизна исследования:

1) Была разработана и предложена новая этапизация творчества М. Фуко, которая делает акцент на выявлении тех идей французского мыслителя, которые посвящены исключительно проблеме власти и ее анализа.

2) Впервые в отечественной литературе фукодианское понимание власти было рассмотрено в трех измерениях — неполитическое, собственно политическое и несобственно политическое. Такое понимание власти позволило по-новому взглянуть на такие нетрадиционные концепты, как пастырская власть или микрофизика власти.

3) В работе была предпринята попытка установить концептуальные рамки анализа власти М. Фуко, которые позволили вскрыть сходство и различия в подходах к разным аспектам фукодианского понимания власти с такими авторами как Ю. Хабермас, Д. Агамбен, К. Шмидт, Э. Левинас, Г. Маркузе, Э. Фромм и другими представителями Франкфуртской школы.

4) Сформулированная в ходе данного исследования микрофизическая стратегия анализа власти позволяет демонстрировать особенности и возможности фукодианского анализа властных отношений, на примере различных неполитических ситуаций. Также были выявлены особенности и свойства субъекта власти в работах французского исследователя.

5) В ходе реконструкции фукодианской концепции власти был введен целый ряд понятий, не использующийся при анализе власти в отечественной литературе. Среди таких понятий можно назвать: пастырская власть, носитель и жертва власти, оператор и клиент власти, гетеротопия, пространство власти.

6) В ходе реконструкции концепции власти М. Фуко, на каждом этапе анализа фиксировались и закреплялись отдельные концепты, которые французский философ «разбрасывал» в ходе своего творческого пути и которые, как правило, игнорируются исследователями, чаще всего отождествляя их с отдельными положениями концепции (концепт паноптикума и дисциплинарная власть в целом) или вовсе не рассматриваются (концепт гетеротопий).

Положения, выносимые на защиту:

1) Эволюция анализа власти М. Фуко проходит через 3 этапа: макрофизический, переходный и микрофизический. Каждый из этих этапов обладает уникальным набором характеристик, конфигурация которых выявляет изменения в стратегии анализа власти. Основные меняющиеся характеристики: субъект власти, объект анализа власти, основной механизм властных отношений, основные анализируемые компоненты властных отношений, положение человека в сети властных отношений. В рамках макрофизического подхода также выделены три подэтапа анализа власти, каждый из которых характеризуется отдельным концептом, который наилучшим образом отражает особенности понимания механик власти.

2) Фукодианская концепция власти может характеризоваться следующими понятиями:

- Диспозитив – конфигурация субъекта и объекта власти и их дискурсивное и недискурсивное взаимодействие.
- Макрофизический анализ власти - анализ власти, предполагающий диспозитив власти, при котором есть четкий силовой центр власти, правила взаимоотношения строго установлены макроструктурами, а человек является объектом властных технологий и не имеет возможности подрыва власти.
- Микрофизический анализ власти – анализ власти, предполагающий диспозитив власти, при котором отсутствует силовой центр власти, не существует строго установленных «правил игры» в сети властных отношений, а человек, через практику субъективации, становится оператором власти.
- Оператор власти – особый субъект властных отношений, который лишь временно обладает определенным набором различных механизмов для осуществления своих властных полномочий и постоянно меняет свою позицию внутри сети властных отношений.

3) Концепция власти М. Фуко позволяет и стремится анализировать не только политическое измерение взаимодействия различных сил, но и неполитическое измерение, что расширяет фукодианский анализ власти и делает возможным его использование в таких сферах человеческой жизнедеятельности, где эффекты политической власти уже пропадают, а другие концепции власти, соответственно, не раскрывают властных отношений.

4) Фукодианский анализ власти может проводиться с помощью дополнительного понятийного инструментария: пастырская власть, оператор власти, соотношение знания, дискурса истины, концепты гротеска власти, паноптикума и власти-знания, а также концепт гетеротопий и пространство власти.

5) Существует взаимосвязь между стратегиями анализа власти М. Фуко и подходами других теоретиков, занимающимися проблемами власти, по трем осям: власть, субъект, истина. В ходе установления концептуальных рамок выявлено, что, несмотря на концептуальные пересечения с другими мыслителями по ряду вопросов, фукодианская концепция власти находит свое особенное применение благодаря внедренной, детально разработанной и вмонтированной в стратегию анализа власти теме – субъективации.

6) Субъективация, являющаяся предметом анализа микрофизики власти, нуждается в адаптации к анализу властных отношений в современности. Для этого можно привлечь концепт гетеротопий, позволяющий раскрыть взаимодействие между макроструктурами, обладающими политической властью, которая дает им определенное положение в структуре властных отношений, и человеком, который с помощью субъективации может подорвать эффект власти, создаваемых макроструктурами и участвовать во властных отношениях как субъект.

Апробация диссертационной работы

Отдельные положения и выводы диссертации нашли отражение в публикациях автора, в том числе, в статьях “Соотношение понятий “субъект”, “объект” и “дискурс” в анализе власти М. Фуко”, “Трехуровневая концепция политической власти М. Фуко” и “ Анализ власти в пространстве гетеротопий”.

Глава 1. Формирование подходов М. Фуко к анализу власти

Понятие модерн имеет, в целом, западное происхождение и обозначает особое состояние культуры и менталитета людей Нового времени[1]. Эпоха модерна не может считаться завершенной, поскольку касается мышления людей, а мышление не может быть закончено, оно может лишь быть включенным или настроенным на мышление определенной эпохи. Именно поэтому нельзя однозначно утверждать, что западный мир целиком вошел в эпоху постмодерна, или, что, к примеру, Россия не вышла из эпохи модерна. Временные рамки в данном случае не играют никакой роли. Технологический прогресс имеет здесь гораздо большее значение. Следуя традиции Маркса, можно сказать, что материя и материальный прогресс, который может быть присущ отдельным государства, группам людей или индивидам, будет первичен по отношению к духу или сознанию. Иными словами, если пробовать искать признаки постмодерна (дух, сознание) в современных культурах, то для начала необходимо найти признаки постиндустрии (материя). О влиянии технологического процесса на потоки информации и на знание в целом, и, следовательно, на сознание, детально пишет Ж.-Ф. Лиотар, который снискал славу благодаря своей работе “Состояние постмодерна”[2]. Таким образом, модерн и постмодерн являются скорее культурными парадигмами, которые в той или иной степени влияют на каждого автора. Сознание определяет науку и научное мышление, а значит и анализ различных феноменов, в том числе и власти. Вопросы, связанные с природой, свойствами и приобретением власти всегда являлись актуальными для человечества, поскольку власть является в большой степени цементом для социума.

К ключевым фигурам, которые изучали и разрабатывали теории власти в западной культуре, можно отнести Платона, Аристотеля, Н. Макиавелли, Т. Гоббса, Д. Локка, Ж.-Ж. Руссо, Ш.-Л. Монтескье, И. Канта, Г. Гегеля и других

1 Болотова, У.В. Философия модерна - истоки и влияние // Инновационная наука. 2015. №3 С.188-191.

2 Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н.А. Шматко. - Спб.: Алетейя, 2015. - 160 с. - с. 14

представителей философской и политической мысли вплоть до конца XIX века. Несмотря на то, что нам необходимы мыслители модернистского толка, нужно будет также принять во внимание некоторых авторов, которые не вписываются в исторические рамки эпохи Нового времени.

Понятие постмодерн присуще французской философской мысли, хотя ее истоки можно проследить и в философских традициях других стран. Такие теоретики как Ж.-П. Сартр, Р. Барт, Ж. Делез, М. Фуко, Ж. Бодрийар, Ж.-Ф. Лиотар и др. были подвержены влиянию ницшеанства, марксизма и психоанализа. Большую часть этих имен приписывают именно к традиции постмодерна, хотя лишь Ж. Бодрийар открыто причислял себя к оным. Именно эти имена можно отнести к тем, кто анализировал власть с позиций постмодернизма. После того, как интеллектуальную сцену покинула большая часть французских философов XX века, которые принадлежали к этой традиции, позиции постмодерна сильно пошатнулись из-за нахлынувшей критики. Тем не менее, интерес к постмодерну не пропал окончательно, а его изучение и использование его методов в анализе различных феноменов продолжает быть актуальным.

Вопросы, которые необходимо разрешить в данной главе, необходимо поставить так: какие теории, понятия, концепты, разработанные в эпоху модерна, М. Фуко использовал в своем анализе власти? Использовал ли он, в свою очередь идеи постмодерна, о котором будет сказано позже? Если оба ответа будут звучать положительно, то по отношению к каким аспектам власти Фуко применял те или иные понятия и чем его не устраивали традиционные?

Не стоит забывать, что из большого списка мыслителей необходимо вычленить идеи тех, кто в наибольшей степени повлиял на М. Фуко, его анализ власти и, в частности, на эволюцию его взглядов и подходов к анализу власти. При этом, немаловажным будет разграничить авторов, которые придерживаются модернистской и постмодернистской традиций мышления. Для этого необходимо четко разграничить отдельные аспекты модернистских и постмодернистских концепций власти, из которых Фуко черпал свои идеи, и выделить сущностные характеристики власти в этих культурных парадигмах.

1.1. Теоретические предпосылки формирования подходов М. Фуко к анализу власти

Исторически проект модерна можно отнести к началу эпохи Нового времени, однако, как и всякий большой проект, он потребовал масштабной и длительной подготовки. Для того чтобы разрушить традиции и устои премодерна, западному обществу понадобилось пережить эпоху Возрождения, а затем и болезненной период Реформации. Оба эти исторических этапа сделали глубокий срез на духовной и культурной жизни европейского жителя и подготовили его, так или иначе, к эпохе модерна. Политическая сфера дольше всего переживала переход европейского общества из одной парадигмы в другую, принуждая политические элиты к постоянной адаптации и смены своих инструментов для поддержания влияния в обществе. Это привело к тому, что власть, не изменив свой насильственный характер, сменила лишь свой облик, прикрываясь легитимностью, общественным договором и идеей республики.

Проект модерна, так и не достигнув своих основных целей, находится сегодня на той же стадии, на которой находился проект (если такой термин возможно здесь использовать) премодерна перед своим концом. Эту стадию можно назвать кризисной или переломной, но, так или иначе, не выполняющей основную роль всего проекта в целом. Отличие состоит лишь в том, что функции эпохи Возрождения и Реформации, которые успешно расшатали премодернистские устои, выполняет постмодернистский проект. Основная проблема заключается в том, что проект модерна имеет гораздо более глубокие корни, благодаря сложившейся капиталистической и либерально-рыночной системе. В премодерне не существовало столь глубокоэшелонированной политико-экономической структуры, которая бы не позволяла сдвинуть культурную парадигму, а существовавшая в те времена Церковь едва ли может сравниться с мировой капиталистической системой по своему масштабу и влиянию.

В эпоху модерна были заложены философские и теоретические основы тех концепций власти, которые на сегодняшний день являются актуальными. Философские идеи Мишеля Фуко также во многом вытекают из учений и теоретический конструкций, которые были заложены в эпоху модерна. Более того, некоторые предпосылки его собственных философский концепций можно обнаружить и в эпоху премодерна, в частности в античную эпоху. В этой главе необходимо взглянуть на те персоналии, которые привнесли в анализ власти М. Фуко что-то новое, изменили его подход хотя бы по одному из аспектов. Список имен не будет ограничен рамками эпохи модерна потому, что некоторые элементы философии античных авторов и средневековых теологов также самым серьезным образом преобразовал идеи Фуко.

Политическая концепция власти Платона полностью вытекает из его общефилософских идей. Как известно, сердцевину философии Платона составляет теория идей. Миру чувственных предметов и явлений Платон противопоставил особый мир идей, которые существуют где-то за пределами неба. Бестелесные идеи сами по себе вечны и неизменны, им присуще истинное бытие. Привлекая к политике свой концепт идей, Платон считает, что идеальный государственный строй нужно рассматривать по аналогии с космосом и человеческой душой.

Аристотель, в свою очередь, сформулировал чрезвычайно важное для политической науки представление о государстве как о продукте естественного развития. В этом отношении оно подобно таким естественно возникшим "первичным общениям", как семья и селение. Государство, отмечает Аристотель, - сложное понятие. По своей форме оно представляет организацию и определенную совокупность граждан. Стало быть, определение государства как формы зависит от того, кого считать гражданином. Из этой фундаментальной посылки исходит предложенная Аристотелем классификация форм правления. В ходе рассуждений, он выделяет формы государственного устройства: правильные (монархия, аристократия, полития - здесь власть осуществляется во имя общего блага) и неправильные (тирания, олигархия, демократия, где механизм подчинен

интересам тех, кто правит). Философ обращает внимание на социальную сторону политических процессов, указывая на имущественное неравенство как основу общественных потрясений. В созданной им теории "среднего элемента", под которым понимается слой не бедных и не богатых людей, дорожащих своим положением и независимостью и удерживающих общество от социальных потрясений, явно прослеживается идея, положенная в основу широко распространенной в современном обществе теории "среднего класса". Теория власти Аристотеля более логична и рациональна, чем у его учителя, однако она являлась, даже для своего времени, слишком этично и идеализированной. В целом, обе теории можно назвать идеалистическими, поскольку превращаются скорее в утопическую идею, нежели в практический проект. Платон и его социально-политическая доктрина имеет в своей основе миф о разделении души и, по аналогии, разделении общества. Аристотель оперирует для своего проекта государства слишком идеалистичными, даже по меркам своего времени, понятиями.

Фуко не интересовала платоновская общеполитическая концепция, однако, его внимание привлекли идеи, которые он использовал в позднем периоде своего творчества. В таких работах как «Алкивиад», «Критий», «Законы», «Государство» большое внимание уделяется проблемам воспитания и образа жизни граждан. В них Фуко, возможно впервые для себя, сталкивается с темой «заботы о себе», которая впоследствии стала для него ключевой при разработки такого понятия как субъективация. Платона также он использовал в курсе лекций «Безопасность, территория, население»[1] для того, чтобы охарактеризовать пастырскую власть и ее произрастание в античности. Гораздо активнее он использует идеи Платона в поздний период, в таких работах как «Использование удовольствий», «Забота о себе»[2], и сопутствующие курсы лекций «Герменевтика

1 Фуко, М. Безопасность, территория, население: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 учебном году. - СПб.: Наука, 2011. - 544 с.

2 Фуко, М. История сексуальности-III: Забота о себе / Пер. с фр. Т. Н. Титовой и О. И. Хомы под общ. ред. А. Б. Мокроусова.- Киев: Дух и литера; Грунт; М.: Рефл-бук, 1998.- 288 с.

субъекта»[1], «Управление собой и другими»[2] и «Мужество истины»[3]. В этих работах он ссылается на такие произведение как «Пир», «Хармид», «Горгий», «Тимей», «Протагор» и «Лахес».

С этой же целью он обращается и к аристотелевским сочинениям. В вышеперечисленных работах Фуко также можно найти ссылки на такие произведения как «О душе», «Никомахова этика», «Евдемова этика», «Политика», «Риторика», в которых Фуко обнаруживал для себя различные аспекты культуры себя.

Таким образом, надо подчеркнуть, что античные теории власти как таковые Фуко не интересовали ни в один из периодов творчества, однако их элементы, которые касаются этики, воспитания, заботы о себе — стали его постоянными проводниками в поздний период, начиная с 1979 года.

К теологическим теориям власти Фуко также обращался редко, однако, как и в случае с Платоном и Аристотелем, они повлияли на развитие концепта пастырской власти. Самыми яркими фамилиями в этом разделе являются и Августин Блаженный и Фома Аквинский. Существует ряд исследований, которые посвящены анализу взглядов М. Фуко на некоторые теологические концепции, например работы Джеймса В. Берно и Джереми Р. Каррета[4] или Джона Максвини[5].

Августин Блаженный, последовал идеалистическому подходу своих античных коллег и выдвинул идею, согласно которой само государство (или “Град” в терминологии Августина) может быть Земным или Божим, одно из

---

1 Фуко, М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982-1983 году / М. Фуко: Пер. с фр. А.Г. Погоняйло. – СПб.:Наука, 2007 – 677 с.

2 Фуко, М. Управление собой и другими: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982-1983 году/ М. Фуко: Пер. с фр. А.В. Дьяков. – СПб.:Наука, 2011. – 432 с.

3 Фуко, М. Мужество истины: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983-1984 году / М. Фуко: Пер. с фр. А.В. Дьяков. – СПб.:Наука, 2014. – 358 с.

4 Bernauer, J.M. Michel Foucault and Theology: The Politics of Religious Experience / J.W. Bernauer, J.R. Carrette. - Ashgate, 2004. - 285 p.

5 McSweeney J. Foucault and Theology / J. McSweeney // Foucault Studies, 2005. - No 2. - pp. 117-144

которых является воплощением человеческого разума, а другое – разума Господа. Однако, по мнению Августина, весь мир сотворен Богом и он в равном степени определяет что происходит в обоих Градах. Это приводит Августина к мысли о том, что Град Божий (то есть государство, построенное руками людей) является платой за грехи. Такие понятия, которые связаны с проблемой власти, как рабство, несправедливость, тирания, закон и т.д. – являются изобретениями Бога. Именно это и определяет теологизированность его концепции власти. О том, что выстраивание дискуссии между Августином и Фуко может быть продуктивным для понимания последнего подробно пишет американский исследователь Джойс Шулд, которая подчеркивает, что постмодернистский взгляд французского мыслителя позволяет по-новому взглянуть на некоторые концепции премодерна, например, на взаимодействие этики и власти в философии Августина[1]. Также Фуко все больше интересуется Августином когда анализирует проблему признания в западной цивилизации, что также характерно для более позднего периода[2].

Фома Аквинский во многом черпал свои идеи из трудов Аристотеля, из-за чего их классификации политических режимов довольно похожи. Объединяя концепции своего предшественника - Августина Блаженного - и античного философа – Аристотеля – Аквинским разработал теорию власти, которая все равно осталась в большей степени теологичной. Использую логику и категории, которые он заимствовал у Аристотеля, Аквинский пытался рационально объяснить закономерность современного ему миропорядка как результата божественного творения. Там, где ему недоставало собственных аргументов, он ловко использовал аргументы античных философов, к примеру, тезис Аристотеля о том, что человек является существом политическим и общительным, он добавил идеей о том, что Бог является тем, кто человеческую потребность в общении

1 Schuld, J. Foucault and Augustine: reconsidering power and love / J. Schuld J. - University of Notre Dame Press, 2003. - 299 p.

2 Taylor, C. The Culture of Confession from Augustine to Foucault: A Genealogy of the 'Confessing Animal' / Taylor C. - Routledge, 2010. - 312 p.

удовлетворил через акт сотворения1. Социальная теория Аквинского напоминает идеи Августина Блаженного в том смысле, что также объясняет, к примеру, разделение людей на управляющих и управляемых, как божественный замысел. Таким же образом существует и вся политическая система вместе с выстраиваемыми в ней властными отношениями. Таким образом, теория власти Фомы Аквинского, несмотря на свою политическую направленность, является теологической. Фома Аквинский интересует Фуко в большей степени при анализе того, как пастырская власть может трансформироваться в государственную власть[2].

Иоанн Златоуст утверждал, что одним людям свойственно всегда подчиняться — подчиняться не другим людям, но власти. Людям свойственно подчиняться власти. А Бог может облечь этой властью того или иного человека. Значимость этой доктрины очень сложно переоценить. Отсюда формируется теория божественного мандата власти — передачи власти Богом. Это значит, что исчезает проблема выбора: не мы с вами выбираем человека, а Господь облекает властью, это он выбирает. Значит, меняются критерии правителя. Правитель должен быть угоден Богу, он должен быть праведным, для того чтобы его избрал Господь. Власть становится бременем, которое Господь возлагает на плечи того или иного правителя. Власть становится страшной, практически непредставимой и невмещающейся в человеческий рассудок ответственностью человека перед Богом. Ответственностью не только за себя, но за весь народ, который стоит за тобой. Народ страдает за твои грехи, но и ты перед Богом страдаешь за грехи народа. Существует отдельное исследование, в котором соотношение между подчинением и истиной, взятое у Златоуста, Фуко использует в своей трактовке парресии[3].

---

1 Аквинский, Ф. О правлении государей // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе VI – XVII вв. – Л.: Наука 1990.

2 Фуко, М. Безопасность, территория, население: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 учебном году. - СПб.: Наука, 2011. - 544 с. - с. 308-314

3 Kenneth, J.E. Graham. Disciplinary Measures from the Metrical Psalms to Milton / Graham J.E.Kenneth. - Routledge, 2016 - 220 p.

Все эти теории были использованы Фуко в ходе своих исследований, которые не отразились в его основных работах (например, нельзя обнаружить системного описание его концепта пастырской власти), но были представлены в ходе курса лекций «Безопасность, территория, население»[1]. Это единственный курс лекций, где этот тип власти упоминается, поэтому здесь пересекаются элементы как античных, так и теологических теорий власти. При этом интересно то, что в ходе курса лекций Фуко «сталкивает» представления о поводырской власти у греческих авторов с появлением некой антиповодырской практики власти, которая развернулась в Средние Века. На этом фоне и вырастает интерес к Ионанну Златоусту и Фоме Аквинскому. Что касается Августина Аврелия, то его «Исповедь» также являлась для Фуко источником информации о субъективации в Средние века[2].

Государственно-правовые теории власти, к которым обращался Фуко, можно ограничить небольшим списком имен. Эти теории всецело относятся к эпохе модерна, а их отличительной чертой является концентрация на вопросах государства и государственного управления. Механизмы управления людьми через законы казались в то время наиболее эффективными. Идея верховенства закона над всеми остальными видами власти, будь то божественная или, к примеру, власть по праву силы, на протяжении нескольких столетий подталкивала философов и мыслителей к изучению свойств, работы и развитию правовой системы в целом. Именно во время развития этих теорий власти были разработаны и глубоко внедрены в политико-правовой дискурс понятие право, международное право, государство, республика, суверенитет, легитимность, общественный договор, разделения власти на три ветви, партия, народный суверенитет, конституция и т.д. В рамках этих теорий единственный субъектом власти могло быть государство, или, более частно и персонифицировано –

---

[1] Фуко, М. Безопасность, территория, население: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 учебном году. - СПб.: Наука, 2011. - 544 с. – с. 172-320

[2] 130) Schuld, J. Foucault and Augustine: reconsidering power and love / J. Schuld J. - University of Notre Dame Press, 2003. - 299 p. – p. 15-17

суверен, выступающий коллективно (парламент) или единолично (монарх). Другие политические институты – класс, партия, лобби и т.д. в рамах этих теорий на роль субъекта не рассматривались. Также полностью были исключены исследования власти не в политическом ключе, что приводило к тому, что человек как субъект перестал рассматриваться в рамках властных отношений. В целом, Фуко не был критически настроен к большей части этих идей, однако, он никогда не брал какие-либо из этих концептов в том виде, в каком они подаются в современности[1]. Для того, чтобы полностью вписать в контекст своих исследований и понять работы различных элементов этих теорий власти, он, как правило, прибегал к анализу этих понятий у менее знаменитых авторов.

Политическая концепция Макиавелли была полной противоположностью религиозно-христианскому учению о праве и государстве. Ключевая мысль учения Н. Макиавелли – безраздельная и безграничная власть самодержца-государя». В “Государе” собрано не только множество наставлений и правил приобретения, сохранения и контроля власти для правителя, но также содержатся и некоторые правила этики, и даже основные законы психологического воздействия. В своих трудах, в отличие от предшественников – античных мыслителей или теологов - Н. Макиавелли использует исторические примеры и, что не менее важно, опирается на большой исторический опыт, сравнивая политическое устройство других современных ему государств. Законам и праву итальянский философ отводил самую большую роль в жизни общества – именно благодаря законам правитель может сохранять стабильность внутри общества и своего ближайшего круга доверенных лиц. Нерушимость законов Макиавелли главным образом связывал с обеспечением общественной безопасности, а тем самым спокойствия народа: “Надо знать, что с врагом можно бороться двумя

[1] Ильин, И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И.П. Ильин. - Москва: Интрада, 1996. - 253 с. – с. 91

способами: во-первых, законами….”. Для Н. Макиавелли право – орудие власти и выражение силы.[1]

Фуко, тем не менее, не воспринимал этические разработки Макиавелли по той простой причине, что они не были связаны с тем комплексом идей, которые несла в себе античная «забота о себе». Поэтому в позднем этапе творчества нельзя найти ни одной ссылки на итальянского философа эпохи Ренессанса. Но французский исследователь обращается к работам Макиавелли в курсе лекций «Безопасность, территория, население», который вообще во многом является переломным и критическим в творчестве Фуко. Здесь он обращается к проблеме послушания и проводит диалогику между Ф. Бэконом и Н. Макиавелли[2].

Обращаясь к теоретикам, которые сформировали идею общественного договора, можно сказать, что в методологическом плане их теории власти друг от друга отличаются лишь небольшими деталями. В их теориях власть также остается в руках субъекта-государства, меняется лишь “фасад” этого государства – в лице законных представителей общества, которое передавало часть своих прав - конституционный парламент или абсолютный монарх. Здесь Фуко обращается изредка только к Т. Гоббсу и Д. Локку, очевидно апеллируя к их большому авторитету как первых разработчиков идеи концепции общественного договора и теории суверенитета. К этим двум авторам он проявляется особый интерес в курсах лекций «Нужно защищать общество» и «Рождение биополитики». На Гоббса он ссылается в первом из перечисленных курсах лекций, разворачивая идею о ведении войны и участи в этом суверенных государств[3]. «Рождение биополитики» он называет Гоббса разработчиком последней теории государства[4],

---

1 Фуко, М. Безопасность, территория, население: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 учебном году. - СПб.: Наука, 2011. - 544 с. - с. 135-142, с. 319-325

2 Фуко, М. Безопасность, территория, население: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 учебном году. - СПб.: Наука, 2011. - 544 с. - с. 340-349

3 Фуко, М. Нужно защищать общество: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 учебном году. - СПб.: Наука, 2005. 312 с. - с. 38-47

4 Фуко, М. Рождение биополитики: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 году/ М. Фуко: Пер. с фр. А.В. Дьяков. – Спб.: Наука, 2010. – 448 — с. 118

а Локка приписывает уже к разработчикам теории правления и использует его как отправную точку развития идеи гражданского общества[1]. В эти же работах можно найти и ссылки на таких мыслителей как Ж.-Ж. Руссо и Ш.-Л. Монтескье. Закончить обзор типичных государственно-правовых теорий власти можно было такими авторами как И. Кант и Ф. Гегель. В целом, их теории также соотнесены с такими понятиями как государство, право, общественный договор, гражданское общество и т.д. Несущественные отличия видны только лишь в том, что оба немецких классика подчеркивают большое влияние морали и нравственности при формировании законов и их осуществлении. Тем не менее, говоря о власти, Фуко никогда особенно не подчеркивал какие-либо идеи хоть бы одного из представителей немецкой классической философии.

В целом, Фуко не был особенно заинтересован в идеях (или в их пересмотре) суверенитета, общественного договора, гражданского общества, вопросов войны и мира и т. д. Поэтому нельзя отметить каких-либо понятий, концептов или терминов, которые бы стали занимать ключевые позиции в его собственной концепции власти. В нескольких курсах лекций, которые являются самостоятельными исследованиями, он изучал этих авторов для того, чтобы выявить в рамках археологии (не истории) различные представления о функции полиции, армии, рынка, соотношении власти и войны, возможности самоограничения власти и т. д. В конце концов, его не интересовала власть как власть государства, и он отбирал для себя только те элементы размышления различных авторов, которые были ему необходимы для решения каких-либо локальных проблем или заполнения вакуумов в собственном представлении о политической власти. В данном случае, как мы видим, три курса лекций - «Нужно защищать общество», «Территория, безопасность, население» и «Рождение биополитики» - довольно богаты с точки зрения обращения Фуко к самым разным философским работам, начиная от Платона и заканчивая Руссо.

---

[1] Там же. с. 118, с. 370

Целый ряд теорий власти, появившихся в эпоху модерна, можно назвать биологическим теориям и отнести к ним таких авторов как М. Марсаль, А. Поз, М. Дюверже, а также Г. Спенсера. Несмотря на различия в их подходах, они объединены одним общим признаком. В этих теориях утверждается, что власть не является специфичной только для человека, а имеет предпосылки и корни в биологической структуре, общей у человека с животными. Сущность власти заключена в природе человека как биологического существа. Однако самой выдающейся и интересной биологической теорией власти является теория власти Ф. Ницше, особенно учитывая интерес Фуко к немецкому мыслителю. Ее можно сконструировать при детальном анализе таких произведение как “Воля к власти”[1], “Падение кумиров”[2] и “Человеческое, слишком человеческое”[3]. Первоосновой теории власти у Ницше является его понятие “воля к власти”, которая, по его мнению, не может ни возникнуть, ни уничтожиться, поскольку является врожденной любому живому существу. Воля к власти представляет собой ненасытное стремление воли к проявлению власти, к господству. Воля к власти – это “сгусток энергии”, “не только комплекс ощущения мышления, но и прежде всего еще аффект и к тому же аффект команд”[4]. Человек, согласно Ницше, “высокомерное насекомое”, “высшее заблуждение природы”, в котором наиболее ярко проявляется «воля к власти». Различие людей, по Ницше, объясняется неравномерным количеством “воли к власти”. Некоторые группы людей - аристократия или элита, т.е. одаренные натуры - обладают большим количеством власти, другие люди, более низкого происхождения – меньшим количеством. Аристократия, по Ницше, является творцом культуры, создателем высших духовных ценностей. Однако создание ценностей и существование элиты

---

1 Ницше, Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей (1884-1888) / Под ред. Г. Рачинский. – М. : Транспорт, 1995 . – 301 с.

2 Ницше, Ф. Падение кумиров: сборник / Пер. с нем. – СПб.:Азбука, Азбука Аттикус, 2012. – 224 с.

3 Ницше, Ф.Человеческое, слишком человеческое / Пер. с нем. С. Франк. - М.: Академический проект, 2007. - 336 с.

4 Ницше, Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей (1884-1888) / Под ред. Г. Рачинский. – М. : Транспорт, 1995 . – 301 с. - с. 253

возможно благодаря рабскому труду масс, толпы. Именно по этой причине подчинение и рабство оправданы. Неравенство людей выражает сущность общественной жизни, вечную борьбу за существование и господство сильных над слабыми. Ницше критикует концепции, которые обосновывают идею изначального равенства или необходимость их установления. Все эти идеи сохраняются, перетекая в поле политической жизни человека. Таким образом, вся политическая система и такие понятия как власть, неравенство, приказ, господство, подчинение – являются результатом биологической предрасположенности человека.

Сами биологические концепции власти Фуко не занимали, но необходимо отметить идеи Ницше, которые он использовал в самым разных аспектах своих исследований. Ницше использовался французским исследователем крайне активно в тот период своего творчества, когда занимался проблемами знания и истины, то есть до периода, интересующего нас и посвященного власти и ее аспектам. Тем не менее, Фуко возвращается к ницшеанским идеям в поздний период своего творчества. Это связано с тем, что сам Ницше, в свое время, большое внимание уделял изучение античной культуры, к чему пришел и Фуко при написании своих последний работ, и, с тем, что сам Фуко вновь вернулся к проблеме истины, на сей раз, связывая ее с властью, ее механизмами и природой. Интересно отметить, что в поздних работах, которые Фуко тщательно редактировал, то есть все три книги тома «Истории сексуальности», он не дает ни одной ссылки на немецкого мыслителя. Однако, в исследования представленных в Коллеж де Франс, он часто упоминает Ницше и, разбирая проблему субъективации, развивает понятия «воля к жизни» и «сверхчеловек», а также при рассмотрении проблемы противопоставления аскетизма античного и христианского. В целом, Фуко обращался к Ницше в таких работах, как «Герменевтика субъекта»[1] и «Мужество истины»[1].

1 Фуко, М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982-1983 году / М. Фуко: Пер. с фр. А.Г. Погоняйло. – СПб.:Наука, 2007 – 677 с. - с. 43, 277, 529, 572, 603

Психоаналитические теории власти восходят к работам З. Фрейда, однако наибольшее распространение в западной науке они получили с 1950-1960-х годов. В рамках этих теорий власть рассматривается как особый способ господства бессознательного над человеческим сознанием. У человеческой психики, согласно положениям психоанализа, существует особая установка на подчинение тем силам, которые находятся за пределами её сознания. Подобное манипулирование человеческим сознанием постоянно подавляет в нем разумные начала и создает пространство для действия стихийных проявлений и инстинктов – страха, агрессивности, стремления к разрушению. Психоаналитические теории власти интересны тем, что впервые начали указывать на то, что такое понятие как субъект власти (то есть человек и его сознание) являются не конечными и существуют силы, которые влияют на процесс формирования властных отношений в бессознательной форме. Отчасти, это было интересно М. Фуко, однако он обращался к теме психоанализа, его методологии или понятиям лишь в таких узконаправленных работах как «История безумия в Классическую эпоху»[2], »Психиатрическая власть» или «Ненормальные». Эти работы не пересекаются с темой данной работы.

Структурно-функциональные теории власти активно разрабатывались в XX веке, особенно под влиянием и распространением понятия система в ряде общественно-гуманитарных наук. Среди авторов, чьи теории являются системными можно выделить - Г. Алмонда и Д. Истона, Т. Парсонса, М. Крозье, К. Дойча, Т. Кларка, М. Роджерса и т.д.

Структурно-функциональные теории власти отличаются биологических и психоаналитических теорий тем, что снова (следуя традиции государственно-правовых теорий) исключают человека-субъекта из властных отношений. Согласно структурно-функциональным или системным концепциям власти,

---

1 Фуко, М. Мужество истины: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983-1984 году / М. Фуко: Пер. с фр. А.В. Дьяков. – СПб.:Наука, 2014. – 358 с. - с. 106 - 111

2 Фуко, М. История безумия в классическую эпоху / Мишель Фуко; пер. с фр. И.К.Стаф. - М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. - 698 с.

политическая система определяется как качественно отличная от других систем в обществе и представляет собой совокупность взаимодействий, осуществляемых индивидами в пределах признанных ими ролей, взаимодействий, направленных на авторитарное распределение ценностей в обществе. Фуко не был заинтересован или, по крайней мере, не использовал авторов данных теорий ни в своих работах раннего периода, ни в своих поздних исследованиях. Это было связано с тем, что, во-первых, Фуко сам разрабатывал для себя методы исследований и поэтому методологические его не удовлетворяли бы идеи американских политологов, во-вторых, что касается позднего Фуко, его, безусловно, не устраивала столь незначительная позиция человека как субъекта.

К теориям социальных конфликтов необходимо отнести два ключевых автора М. Вебера и К. Маркса. Несмотря на яркие противоречия по целому ряду критериев, их теории власти были объединены одним общим признаком – конфликтность внутри социума. Идеи М. Вебера и К. Маркса оказали значительное влияние на развитие критической социальной теории и продолжили свое существование в работах представителей Франкфуртской Школы.

Для М. Вебера власть – это “возможность осуществления воли внутри определенного социального отношения даже вопреки сопротивлению других его участников, и безразлично, откуда такая возможность проистекает”[1]. Он сформулировал одно из пониманий социального конфликта, связывал его различные формы, прежде всего с проблемой власти. В веберовском понимании социальный конфликт рассматривается с точки зрения отношений господства (или доминирования) и подчинения. Эти отношения не могут быть устранены, так как жизнь любого человеческого общества так или иначе организована. Всякая организация предполагает иерархию позиций и статусов, некую необходимость их согласования и субординации, набор определенных функций управления и готовность принять определенные формы доминирования. Властные группы в каких-либо общественных системах, как правило, сосредоточивают у себя

1 Вебер, М. Политические работы, 1895 – 1919. – М.: Праксис, 2003 – с. 46

важные преимущества, которые обеспечивают воспроизводство этих групп. Несмотря на то, что внутри самой властной группы возникают некоторые конфликты, она, по мнению Вебера, может их преодолевать через объединение перед угрозой со стороны внешнего врага. Типология господства (традиционный, харизматический и рациональный типы), которая была разработана Вебером, также исходит из различий в механизмах формирования, обострения и регулирования конфликтов. Таким образом, теория власти М. Вебера полностью вытекает из теории социального конфликта и может быть отнесена к модернистской традиции.

К М. Веберу Фуко обращается в «Рождении биополитики», поскольку этот мыслитель во многом вдохновлял разработчиков неолиберальной теории, о которых Фуко разворачивает повествование в этом курсе лекций. Вебер его интересует как неолиберальный теоретик, который занимался изучением рационализации политики. Вероятно, если бы этот курс лекций продолжился дальнейшим исследованием биополитики, Фуко с большим интересом исследовал бы мысль Вебера[1], как например это проделал Т. Кази, сравнивая характеристики фукодианской парресии и веберовской харизмы[2].

Говоря о марксизме, необходимо отметить, что здесь власть надо рассматривать как отношение господства или подчинения одного общественного класса над другим. Природа такого господства одного класса над другим обусловлена экономическим неравенством, а также отношением к собственности. Обладание собственностью гарантирует господствующему классу возможность полностью подчинять своей воле классы, которые находятся в большей зависимости. Такого мнения придерживались К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И, Ленин, а в исторической ретроспективе такие социальные утописты как Т. Мор и Г. Мабли и другие теоретики социализма.

---

1 Фуко, М. Рождение биополитики: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 году/ М. Фуко: Пер. с фр. А.В. Дьяков. – Спб.: Наука, 2010. – 448 — с. 134-166, с. 210-231

2 Kazi, T. Foucault and Weber on Leadership and the Modern Subject / T. Kazi. - Foucault Studies, 2017. - No 22. - pp. 153-176

К. Маркс рассматривал власть через социальный конфликт между двумя классами. Понятие “классовая борьба” приобрело особое значение в марксизме. В «Манифесте Коммунистической партии» указывалось, что история всех когда-либо существовавших обществ может быть объяснена в категориях борьбы классов, то есть именно борьба классов движет развитие всего человеческого общества. Социальная революция является кульминацией классовой борьбы и знаменует переход к новому типу общества. С точки зрения Маркса классовая борьба присутствует в любом обществе, где существуют классы, которые обладают противоречащими интересами. Реальным результатом борьбы между классами - чьи интересы всегда противоположны и приводят к перманентной борьбе — является изменение производственных отношений в обществе в соответствие с уровнем развития производительных сил , которые постоянно меняются. Так происходит смена общественно-экономических формаций (переход от первобытно-общинного строя к рабовладельческому, далее к феодальному и капиталистическому). Именно поэтому классовая борьба будет всегда являться основной движущей силой истории общества, которое поделено на класс. Однако, в конечном итоге классовая борьба должна привести к уничтожению этого самого разделения общества на классы, в тот момент, когда уровень развития производительных сил более не будет требовать такого разделения.

Необходимо сказать, что одним из основных механизмов классовой борьбы является институт государства, которое, по мнению Маркса, есть “машина для подавления одного класса другим”, то есть аппарат для общего поддержания порядка внутри общества, который угоден и выгоден господствующему классу. Маркс говорит о том, что при подавлении выступлений угнетённых классов, которые направлены против существующего порядка, государство не связано какими-либо законами, а значит, представляет собой некую насильственную диктатуру господствующего класса.

Безусловно, некоторые идеи марксизма устраивали Фуко. Так, к примеру, он был полностью согласен с тем, что необходимо пересматривать понятие

государства, перестать отождествлять его исключительно с властью и не рассматривать как единственный субъект власти. Что касается идеи антагонизма классов, противостояния эксплуататоров и эксплуатируемых, понятно, что французский мыслитель скептически относился к любой поляризации власти, поскольку считал, что не только количество противоборствующих сил может быть неограниченно, но и то, что нет состояния, при котором хоть кто-то может властью обладать, лишь развернуть какую-либо стратегию действий. Стоит отметить, что ссылок на самого Маркса в работах Фуко найти нельзя, за исключением нескольких обращений к идеям марксизма в переходом, с точки зрения эволюции его взглядов, курсе лекций - «Нужно защищать общество», где он обращался к теме экономической функциональности власти и к идее о том, что марксизм, как и психоанализ, являлись в европейском обществе своеобразными дискурсами власти[1]; «Безопасность, территория, население», в котором подчеркивается, что в отличие от Мальтуса, который развивал идею населения как объекта политического управления, Маркс делал ставку на классы[2]; «Рождение биополитики» отражает противостояние, которое Фуко устраивает между Марксом и Вебером, говоря, что Маркс исследует «противоречивую логику капитала», в то время как Вебер разбирал «иррациональную рациональность капиталистического общества»[3].

С другой стороны, на Западе есть целый ряд исследователей, которые, продолжая критику Маркса, проделанную М. Фуко, настаивают на том, что он оказал значительное влияние на ревизию марксизма в XX столетии и развивают свои идеи совмещая подход Маркса и Фуко[4]. Другие, в свою очередь, настаивают

---

1 Фуко, М. Нужно защищать общество: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 учебном году. - СПб.: Наука, 2005. 312 с. - с. 30-33, с. 60, с.113

2 Фуко, М. Безопасность, территория, население: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 учебном году. - СПб.: Наука, 2011. - 544 с. - с. 116-119

3 Фуко М. Безопасность, территория, население: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 учебном году. - СПб.: Наука, 2011. - 544 с. - с. 139

4 Негри А.,Хардт М. Империя / Пер. с англ. под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. М.: Праксис, 2004. - 440 с.; Negri, A. Multitude: War and Democracy in the Age of Empire / A. Negri, M. Hardt. - Penguin, 2005. - 448 p.; Negri,

на том, что неолиберализм сквозит в философии Фуко и весь его интерес к Марксу сводится к отказу от его теории становления человека, статической теории противостояния классов, концепции неолиберального субъекта[1] и теории власти в целом[2].

На этом можно завершить обзор ключевых фамилий, которые встречаются в работах М. Фуко. Если попытаться выделить их наиболее сущностные характеристики, можно сформулировать общий набор признаков, свойственных концепциям власти эпохи модерна, и который можно обозначить как общую характеристику модернистских концепций власти. Более того, необходимо отметить какие из этих характеристик будут фигурировать в подходах Фуко в разные периоды его творчества. Существует ряд работ, в которых уже были предприняты попытки выделения общего набора признаков, свойственных власти в модерне и постмодерне и которые стали основой для данной характеристики[3]. Основными признаками власти в рамках модернистской традиции мышления являются:

1. Инструментализм

Первое и принципиальное свойство власти в рамках модерна является инструментализм. Это означает, что власть является и понимается только лишь как инструмент для достижения каких-либо целей. Необходимо иметь власть, чтобы обладать чем-то другим. Это относится к политической сфере – король должен обладать властью для того, чтобы его не смогли свергнуть. Монарх должен обладать властью, чтобы представлять свою нацию на международной арене, мобилизовать людей и ресурсы для войны и т.д. Власть, безусловно,

---

A.. Commonwealth / A. Negri, M. Hardt. - Harvard University Press, 2009 - 448 p.; Laclau, E. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics / E. Laclau, C. Mouffe.- Verso, 2001. - 198 p.

1 Golder, B. Re-reading Foucault: On Law, Power and Rights / B. Golder. - Routledge, 2013. - 254 p. - p. 64-78

2 Zamora, D. Foucault and Neoliberalism / D. Zamora, M.C. Behrent . - John Wiley & Sons, 2016. - 152 p.; Moss, J. The Later Foucault: Politics and Philosophy / J. Moss. - SAGE, 1998. - 224 p.

3 Новиков, В. Т., Новикова, О. В. Феномен власти в классической и современной философии: сравнительный анализ / В.Т. Новиков, О.В. Новикова // Философия и социальные науки: научный журнал. – 2011. - № ¾. - С. 40-46.

проявляется не только в политической сфере. Феодал также должен иметь властью, чтобы его работники подчинялись, а не нарушали порядок, а директор завода должен обладать властью с целью обеспечения порядка и организации на производстве (именно эти примеры указывают на то, что власть также обладает цементирующим эффектов для социальной структуры). В такой социальной ячейке как семья, в рамках западной культуры, которая является патриархальной, отец также обладает всей полнотой власти. Являясь примером для детей, символом дисциплины и послушания, ответственным за всю семью, он обладает своей властью для того, чтобы вписаться в общий социальный контекст западного общества. Таким образом, для субъекта власти, то есть для того, кто властью располагает, она является всегда лишь инструментом для того, чтобы получить что-либо или достигнуть определённых благ, при этом, совершенно не важно, в какой сфере. Это правило действует, начиная от уровня межличностных отношений в семье и до межгосударственных отношений.

Является ли этот признак определяющим для М. Фуко? Разворачивая свой анализ, он, в первую очередь, утверждает, что власть невозможно обладать, ее нельзя выхватить и удержать по той причине, что власть — это сеть отношений[1]. Следовательно, власть не может быть инструментом для достижения определенных целей, она не может быть ресурсом. Власть для него — это процесс взаимодействия множества игроков или множества сил.

2. Рационализм

Как известно, рационализм в целом присущ западной культуре. Историк европейской культуры К. Бринтон, в качестве одного из важнейших факторов, которые сформировали новоевропейское мировоззрение, называет именно рационализм. Он предлагает рассматривать рационализм как “сгусток идей, которые сводятся к убеждению, что мир действует так же, как действует разум человека, мыслящего логически и объективно; поэтому человек может понять все,

1 Фуко, М. Око власти // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. С. Ч. Офертаса под общей ред. В. П. Визгина и Б. М. Скуратова. — М.: Праксис, 2002. — 384 с. - с. 238

с чем сталкивается в жизни”[1]. Рационализм привел западное общество к концептам естественного права, общественного договора и государства; подвел его к необходимости пересмотра вопросов справедливости, неравенства, власти и т.д. До сих пор рационализм является, говоря словами Фуко, именно той эпистемой, в рамках которой разрабатываются различные концепции власти. Рассматривая проблему власти можно сказать, что рационализм здесь проявляется себя в полной мере. Субъект власти, в рамках модерна, всегда рационален, когда дело доходит до ее применения. Наличие разума и возможность его применения – обязательный признак субъекта власти в модерне. Тот, кто располагает властью, применяет ее в мире, который, понятен, объясним и объективен. Король осознает, зачем он применяет силу, повышает налоги или объявляет войну соседнему государству. Таким же образом хозяин завода и отец в своей семье требует подчинения – по определенной причине, которую он осознает как субъект власти, ее носитель. Безусловно, анализ власти в таком случае возможен только при наличии как минимум двух разумных существ, то есть людей. Модерн не предусматривает анализа власти человека и неживого существа, что вполне возможно в рамках постмодерна, о чем будет сказано в следующей главе. Для тех концепций власти, которые появились после XVI века и были сильно подвержены влиянию Н. Макиавелли, характерен скорее крайний рационализм, то есть, не применение своего ratio для более полного понимая окружающего мира, а тотальное поглощение разумом всех остальных способов объяснять и понимать окружающий мир.

В целом, позицию Фуко нельзя рассматривать как анти-рационалистскую, однако, рациональность во власти он оценивает скептически. Безусловно, Фуко связал свои исследования и разработку концепта биовласти с проблематикой политической рациональности. Его трактовка развития и использования целого ряда наук как инструмента управления ресурсами населения может рассматриваться как рационализация. Рационализацию он рассматривает как

1 Бринтон, К. Истоки западного образа мысли. М., 2003 - 432 с. - с. 142

инструмент доминирования, как некий возможный ресурс, который может использовать вполне нерациональный правитель. То есть само сознание, в том числе и субъекта власти, Фуко не рассматривал как исключительно рациональное, однако рациональность как возможный ресурс власти для Фуко вполне возможна[1]. При этом вполне возможно, что какая-либо рациональность сама может управлять человеком, к примеру рациональность языка, дискурса[2].

3. Поляризация

Поляризация предполагает четкое разделение субъекта и объекта, когда мы говорим о власти. Субъект власти - это главное и действующее лицо (разумное и осознанное), обладающий полнотой власти, которая может, в свою очередь, выражаться по-разному, в зависимости от рассматриваемого уровня. В политической сфере субъектами власти можно считать государство, политические партии, политические элиты, политических лидеров и др. Как правило, их власть опирается на такие ресурсы как армия, методы политического режима, суверенитет, легитимность, признание со стороны других государств и т.д. На уровне какой-либо группы людей, к примеру, работников завода, субъектом власти будет являться директор, и его власть может опираться на другие ресурсы - санкции, штрафы, возможности увольнения или лишения зарплаты и т.д. В семье – это также наказание со стороны отца или запрет на определённые действия. Предполагается, что только субъект обладает властью и осуществляет свое влияние на взаимоотношения с объектом. Концентрация власти может происходить как в руках одного конкретного человека, так и руках некой группы лиц, например политической элиты какого-либо государства (при этом эта группа лиц также обозначается единым понятием - субъект власти).

---

1 Фрейзер, Н. Фуко о современной власти: эмпирические прозрения и нормативная путаница [Электронный ресурс] / Н. Фрейзер // Новое литературное обозрение – 2013. – N 88. – Режим доступа: http://www.nlobooks.ru/node/3422

2 Фуко, М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. Б.М.Скуратова под общей ред. В. П. Большакова — М.: Праксис, 2006. - Ч.3. - 320 с – с. 27-43

Объект власти – это противоположный субъекту элемент. Это человек (именно человек рациональный, разумный и осознающий), который не обладает властью, являясь тем, над кем эту власть осуществляют и по отношению к которому применятся различные методы воздействия. В политической власти под объектом можно понимать народ, граждане, гражданское общество и т.п.), либо отдельные его части – классы, группы людей и т.д. Объектами власти также могут являться рабочие завода (не только бесправные), подчиненные, слуги, жены, дети и т.д.

Отношения субъекта и объекта власти замыкаются на самих себе и создают полярность. Таким образом, создается четкое разграничение между субъектом и объектом власти и в их основных функциях. Во взаимоотношения этих двух, как уже было сказано выше, сознательных и рациональных элементов отношений власти, не может быть включен никакой третий игрок или какой-либо бессознательный элемент. Анализируя власть в рамках модернистских концепций власти, априори предполагается наличие в ней одного разумного субъекта (хоть и коллективного) и одного сознательного объекта (также может быть коллективным).

Этот признак власти во многом явился определяющим для изменения подхода М. Фуко в анализе власти. В работах раннего периода, таких как «Надзирать и наказывать»[1] или «Психиатрическая власть»[2], видна некая поляризация между субъектом и объектом власти. Однако в работах написанных после 1979 года, где Фуко подключает множество материалов из античности, связанных с проблемами субъективации и истины, центральное место он все же отдает некой новой фигуре, которую он пытался вычленить в рамках своих исследований и которая бы стала чем-то промежуточным, между объектом и субъектом власти, что прекрасно бы вписалось в общефилософскую концепцию французского исследователя, которая постепенно отдалялась от принятия

---

1 Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. Пер. с фр. М.: "Ad Marginem", 1999. - 479 с.

2 Фуко, М. Психиатрическая власть: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973-1974 учебном году. - СПб.: Наука, 2007. 450 с.

классического субъекта власти. Можно также отметить, что этот признак власти был у раннего М. Фуко определяющим и доминирующим, что выразилось в его концепции дисциплинарной власти и паноптикума и в итоге поставило исследования в тупик.

4. Конфликтность

Антагонистические отношения субъекта и объекта являются постоянными и вытекают из предыдущего пункта. Конфликт происходит из-за того, что объект власти хочет вырваться из-под влияния субъекта, в то время как главная цель субъекта – эту власть не потерять, сохранить и продолжить использовать. Если говорить о политической власти, то единственным возможным выходом для объекта остается какое-либо радикальное действие, которое, в общем, можно назвать ротацией политических элит революционным путем (Г. Моска, В. Парето). Иными словами – это замена одного субъекта власти другим субъектом власти. Если же говорить о других типах властных отношений, то механизм остается тем же – смена руководства на заводе, поиск нового супруга, побег от отца, то есть нового субъекта властных отношений для семьи (или иной радикальный вариант с семьей – ее распад) и т.д. Таким образом, любая система властных отношений, которая возможна в модерне, будет иметь одного субъекта власти со всей полнотой власти и объекта власти, который будет полностью подчинен или сможет эволюционным или революционным путем избавить от давления сверху.

М. Фуко признавал антагонизм тех, кто обладал властью, но при этом он не забывал подчеркивать, что вряд ли можно выделить определенный субъект или объект власти[1]. Власть это противодействие множества сил — формула, которая подтверждает, что Фуко был удовлетворен этим признаком власти, но необходимо было найти такой элемент для своей концепции власти, который бы миновал субъектно-объектную бинарность. Раскрытием этого вопроса он занимался в поздний период своего творчества.

---

1 Фуко, М. Эстетика существования // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / М. Фуко. Ч. 3. М. : Праксис, 2006. - Ч.3. - 320 с. - с.301

5. Насильственность

Насильственность характеризует методы, которыми субъект располагает для удержания своей власти, ее укрепления и распространения. В эпоху модерна главными инструментами политической власти и контроля являются – использование армии или полиции, законы, уставы, символическая власть, налоги и т.д.

Говоря о методах власти, нужно подчеркнуть, что субъект власти в рамках эпохи модерна все-таки не мог использовать любые доступные ему методы, даже не смотря на то, что в конце Средних Веков появляется такая фигура, как Макиавелли, который серьезно пересмотрел представление о морали и этике в политической сфере. Известный принцип, который выдвигает Макиавелли, согласно которому “цель оправдывает средства” – сняла с плеч теоретиков большую проблему, с которой эпоха премодерна не справлялась. Начиная с этических учений, которые предлагались несколькими философскими школами еще с эпохи античности и заканчивая влиянием идей Церкви (даже в эпоху Контрреформации) – вопрос о морали, совести, справедливости часто, хоть и не всегда, мешал теоретикам обосновать применение некоторых методов власти. С появлением основных тезисов Макиавелли эта проблема была снята и открыла широкий простор для тех, кто был заинтересован в объяснении власти как безоговорочном подчинении одних людей другим. Таким образом, с тем как влияние моральных, религиозных, этических и других принципов – падало, росло число и жесткость методов, которыми могли воспользоваться субъекты власти.

Размышления о методах власти занимают в его работах значительное место. Как для раннего, так и для позднего М. Фуко, важнее было изучить не то, что является властью, а как она работает[1]. Это означает, что необходимо анализировать те процессы, которые приводят к ее приобретению и возможному удержанию, что указывает нам на важность методов или ресурсов власти.

---

1 Фуко, М. Интеллектуалы и власть // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. С. Ч. Офертаса под общей ред. В. П. Визгина и Б. М. Скуратова. — М.: Праксис, 2002. — 384 с. – с. 66-81

Насильственность, как признак власти, свойственна в полной мере для ранних работ французского философа, но в поздних работах он апеллирует к совершенно другим методам достижения власти, взятых из античных источников.

6. Фундаментализм

Эпоха модерна предполагает, что у любого вида власти есть некий фундамент, то есть то основание, на которое власть может опереться. В европейской традиции такой фундаментализм формировался с эпохи античности, когда, если говорить о политической сфере, для того, чтобы встать во главе полиса необходимо было доказать свое право на правление через демонстрацию своих умственных способностей.[1] В данном случае основанием власти является разум политика, а значит и близость к истине. В римской традиции фундаментом власти являлось либо династическое правление, либо военная сила консула, который смог свергнуть неугодную ему власть. В данном случае преданность легионов и контроль всей территории, подчинённой Риму было для римских граждан достаточным основанием для того, чтобы принять субъекта власти. Схожая ситуация происходила в Средние века – здесь основанием власти Папы являлось то, что он представитель Бога за земле, а основание власти королей — благословление Папы. Отлучение от Церкви, которое Папа мог объявить любому монарху, не раз приводило к развязыванию войн. Также преобразились некоторые символические символичные элементы власти, такие как держава, скипетр, корона (которая заменила венок римских императоров), гербы, флаги и т.д. Новое время, и, по сути, современное положение вещей в большинстве политический систем мира, изменило лишь форму, но не сущность этого механизма. По-прежнему основание власти существует и является цементирующим элементом для всей социальной структуры. Легитимность, которая подтверждается в ходе передачи избирателей своих голосов партии, группе лиц или одному руководящему лицу, является достаточным основанием для того, чтобы сформировалась четкая бинарная система субъект-объект власти.

---

1 Фуко, М. Мужество истины: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983-1984 году / М. Фуко: Пер. с фр. А.В. Дьяков. – СПб.:Наука, 2014. – 358 с. - с. 13-22

Нельзя однозначно сказать, отрицал или принимал бы этот тезис М. Фуко. С одной стороны, все его концепты власти, которые покрывали политическую сферу, всегда имели некое основание своей власти, некий фундамент. С другой стороны, Фуко рассматривал их лишь как некую сеть поверхностных, супер-структурных элементов, которые рассыпались бы при разрушении системы властных отношений[1]. Более поздние представления Фуко о власти и вовсе отдалились от сферы политического бытия, поэтому такой признак как фундаментализм не может соответствовать представлениям французского философа о власти.

7. Господство над другими

В рамках модерна, господство над другими – это и процесс, и цель самой власти (хотя и не всегда осознанная). Воздействие, которое субъект власти может оказывать на объект, можно охарактеризовать как процесс, который свойственен любым властным отношениям. Господство – абсолютный или тотальный контроль, который только можно осуществлять над объектом – является целью субъекта. В политической сфере тем жестче становится политическая система, чем ближе к этой цели приближается субъект власти. В других сферах властные отношения работают по такому же принципу, только другими методами. Директор завода, получивший абсолютную власть, по сути, имеет уже не наемных работников, а рабов. Глава семьи, который стал деспотом и не ограничен в своей власти, также является, согласно модерну, субъектом власти достигшей своей цели — господства.

Ранний Фуко, все также опираясь на размышления, представленные в систематическом виде в «Надзирать и наказывать», безусловно, разделял позицию, согласно которой субъект власти тотально подавлял и властвовал над объектом. Тем не менее, не удовлетворившись таким положением человека, практически полностью сместив его со сцены властных отношений, поздний Фуко приходит к выводу о том, что необходимо пересмотреть не только

1 Ryder, A. Foucault and Althusser: Epistemological Differences with Political Effects / A. Ryder. - Foucault Studies, 2013. - No. 16. - pp. 134-153

некоторые элементы своей концепции власти, но и нащупать другую цель, которая станет ключевой для этих самых новых элементов[1].

Эти общие черты составляют некое представление о модернистской традиции понимания власти. Как мы видим, большая часть из них была присуща ранним размышлениям М. Фуко о власти, некоторые из них (поляризация и господство над другими) стали ключевыми для развития его подхода к анализу властных отношений, а другие вовсе исчезли в позднем периоде (насильственность и фундаментализм).

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что интерес М. Фуко к модернистским или более ранним теориям власти имеет двоякую природу. С одной стороны, для некоторых тем он избирает принятые идеи и модели анализа определенных явлений. С другой стороны — он часто прибегает к критическому анализу оппонентов определенных авторов, пытаясь посредством их диалога, прийти к критическому осмыслению отдельных идей. Также интересно то, что идеи эпохи модерна он брал в чистом виде или пересматривал в более ранние годы творчества, а идеи античных и средневековых авторов ему понадобились лишь в позднем этапе. Возможно, это было связано с тем, что модернистские идеи не только не устраивали его виденье положения субъекта и человека, методы анализа власти и восприятие самой власти, но и привели в тупик, который можно выявить в годы написания «Надзирать и наказывать» и «Воля к знанию». Суть этого исследовательского тупика, и последующий выход, который совершил Фуко из него, будет более подробно рассмотрена в следующей главе.

Как мы видим, Фуко действительно соответствовало некоторым критериям, свойственным стилю мышления эпохи модерна. В раннем периоде осмысления проблем власти, Фуко находит что-то общее только с психоаналитическими теориями, поскольку его работа «Надзирать и наказывать», а также сопутствующие курсы лекций «Психиатрическая власть» и «Ненормальные», и объединяющая их концепция дисциплинарности, была построена на гипотезе о

1 Alston, R. Foucault’s Empire of the Free / R. Alston. - Foucault Studies, 2017. - No. 22. - pp. 94-112

необходимости врача наблюдать за больным, производить изъятие у него информации для того, чтобы ставить диагноз и тем самым определить уровень нормальности. Эти отношения власти он перекладывает на анализ общества и социально-политической сферы. Здесь еще проявляются такие аспекты как насильственность, фундаментализм, господство над другими.

Переходный период М. Фуко, то есть те курсы лекций, которые не вошли ни в одну полноценную книгу, но, тем не менее, указывали направление развития мысли французского философа - «Нужно защищать общество», «Территория, безопасность, население» и «Рождение биополитики» - характеризуются повышенным интересом к государственно-правовым теориям и теориям социального конфликта. Они были необходимы ему для того, чтобы прийти к теме биополитики. Несмотря на то, что этот концепт так и не был им разработан в полной мере, в «Рождение биополитики» он, подробно анализируя неолиберальные идеи об управлении обществом, обозначил некоторые теоретические позиции, опираясь на которые можно было бы эту концепцию реконструировать. Период может называть переходным потому, что после него М. Фуко, так и не развернув анализ биополитики, переходит к последнему этапу своих исследований. Здесь сквозят такие аспекты эпохи модерна как рационализм, конфликтность, насильственность, господство над другими.

Последний этап исследований можно охарактеризовать обращением к античным и теологическим теориям власти, которые ему нужны лишь частично. К этому этапу можно отнести такие работы как «Использование удовольствий», «Забота о себе», «Герменевтика субъекта», «Управление собой и другими» и «Мужество истины». Он заимствует у множества премодернистских мыслителей (и иррационалистов эпохи модерна, таких как Ницше) целые пласты знаний о культуре себя, заботе о себе и подводит их под общую теорию субъективации, о которой будет сказано в следующей главе. В этом этапе уже представляется невозможным уловить какие-либо аспекты эпохи модерна.

Сейчас необходимо рассмотреть некоторые вопросы, связанные с постмодернистской традицией осмысления власти и зафиксировать то, что

повлияло на Фуко в большей степени или напротив, стало развиваться благодаря Фуко.

1.2. Взаимопроникновение концептуальных подходов к власти французских постмодернистов и взглядов Фуко

Вторая половина XX века ознаменована кардинальными переменами в различных сферах человеческого существования. Радикально и быстро меняются политические, социально-экономические условия жизни миллионов людей, особенно в наиболее развитых странах. Эти перемены нашли свое отражение во множестве новых политических и социальных концепциях, мировоззренческих подходов. Их чрезвычайно актуально для современной политической науки, поскольку оно позволяет лучше понять природу и направленность политической и социальной динамики в современном мире.

К числу таких мировоззренческих подходов (или комплексов мировоззрений) относится и “постмодернизм“. Постмодернистские принципы, применимые к различным областям науки - культурологии, философии, политологии, социологии, экономическому учению - позволяют говорить о постмодернизме как об особой парадигме мышления, в рамках которой осуществляются попытки анализа метаморфоз, происходящих сегодня в жизни мирового сообщества. Первые опыты осмысления такого характера были предприняты еще в середине 60-х годов XX века, когда во Франции возник постструктурализм, направление, многие из принципов которого впоследствии легли в основу постмодернизма. Тогда в работах французских мыслителей с ясностью была обозначена идея о необходимости пересмотра подходов к анализу мирового устройства в целом и политической ситуации, сложившейся в мире[1].

Не только ориентация на осмысление мира как сугубо политической реальности является присущей для всего постмодернизма чертой. К примеру, в структурализме и в постструктурализме имеется одна знаковая тенденция, а именно - восприятие мира как текста. Это традицию можно увидеть как в трудах

1 Новикова, Н.Л., Тремаскина, И.В. // Модернизм и постмодернизм: к проблеме соотношения // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и ис,кусствоведение. 2011. - №2 - с.19-25.

Р. Барта начала 60-х годов[1], так и трудах Ж. Деррида[2] в первой декаде XXI века. Эти тенденции воспринимались и развивались, с учетом различных трансформирующихся условий социальной и политической действительности, в работах всех французских представителей постмодернизма.

В текстах большинства французских мыслителей-постмодернистов. можно увидеть разработку вопросов, которые связаны с изменением всей структуры политической власти, введением новых принципов существования людей в политическом пространстве, а также отношением власти и человека. Также существует ряд тем, которые принадлежат к политической сфере, интерес к которым постепенно возрастает именно в рамках постмодернизма. К их числу можно отнести концепции “конца политики“, “конца философии“, “конца истории“, “смерти автора“, “смерти человека“, обсуждается вопрос существования политической власти внутри постиндустриального пространства или, к примеру, роли СМИ в эпоху информационного общества в целом.[3].

Постмодернизм также переосмысливает немаловажную проблему, которая косвенно связан с властью — проблему политических идеологий. Фундаментом для любой политической идеологии, как считают постмодернисты, является миф. Миф – это некоторая совокупность каких-либо фактов, которые составляются в необходимом порядке.[4] Эффективность работы политического мифа (то есть идеологии) может быть обусловлена способностью человека мыслить только знакомыми категориями. Получается, что политический миф можно легко сфабриковать из положений, которые могли фигурировать в какой-либо теории (вовсе необязательно политической) раньше и оказать определенное воздействие на человеческие умы.

---

1 Ильин, И. П. Ролан Барт — от «текстового анализа» к «наслаждению текстом» // Российский литературоведческий журнал, № 7. М., 1995. - с. 133 — 153.

2 Ильин, И. П. Жак Деррида — постструктуралист sans pareil //Общественные науки за рубежом. РЖ. Литературоведение. Серия 7, № 1-2. М., 1993. - с. 3 — 27.

3 Ильин, И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа / Москва: Интрада, 1998. - 248 с.

4 Барт, Р. Мифологии / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С Зенкина. – М.: Академический Проект, 2010. - 351 с.

Говоря непосредственно о понимании власти, необходимо подчеркнуть, что постмодернизм предлагает некую противоположную модель отношения «индивид-власть», в рамках которой и внутри функционирования которой можно обнаружить мощное влияние идей Ф. Ницше о «воли к власти». Исходя из сути постмодернистской трактовки, само создание нового социального или политического порядка обязательно будет сопряжено со способностью каждого индивида к сопротивлению власти или с желанием освободиться от нее. Этот тезис проистекает из философии М. Фуко, а чуть позже становится одним из важнейших в концепции «желания» Ж. Делеза и Ф. Гваттари[1]. В постмодернизме сама власть воспринимается как соотношение сил, которые действуют в самых различных сферах всего социального пространства[2].

В данном разделе нужно отметить авторов, которые так или иначе повлияли на выбор инструментов анализа, которыми пользовался М. Фуко в ходе трансформации своих взглядов. Также необходимо отметить и те черты, которые он сам актуализировал в философском дискурсе XX века. Отдельно рассмотрим, какие именно черты присущи власти в рамках эпохи постмодерна и какие из них можно проследить у М. Фуко в разные периоды.

Концепцию власти М. Фуко вполне можно отнести к структуралистским концепция. Он исследует общественный феномен власти не сам по себе, а напротив, как более объемный, структурный элемент всего социального контекста и системы истории культуры (более того, он не ограничивается только лишь институтом политической власти). В ранний период он делает упор не на самом явлении власти, а на его связях с социумом. Он изучал власть как соотношение сил, которые, в той или иной степени противоречат друг другу.

Обоснование особой специфики власти, ее глубоко политического анализа дало возможность М. Фуко изучать властные отношения в некоторых структурных и юридических нормах западноевропейской цивилизации, начиная с

---

1 Ильин, И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / Москва: Интрада, 1996. - 253 с.

2 Бринтон, К. Истоки западного образа мысли. М., 2003 - 432 с. – с. 117

XVIII века до наших дней. Благодаря его концепции вполне стала понятна необходимость в неклассических (иными словами, нетрадиционных) и независимых исследованиях власти. В первую очередь стало понятно, что теория власти как некая основа глобального политического анализа еще далека от создания и все действительные проявления власти все еще трансцендентны, в особенности для современного человека[1].

В целом, подход раннего периода можно обозначить как своеобразную и всеобъемлющую критику всего института власти в целом и в западном современном обществе в особенности. По-настоящему господствующая в обществе сила это всеобъемлющая власть, которой, как правило, подчинены все сферы общественной жизни и ее институты, включая семью, школу, больницу, тюрьму, государство, экономику, науку и т.д. Философские и теоретические выкладки М. Фуко в некотором смысле можно сравнить с марксистской концепцией власти, особенно в области резкой критики различных механизмов работы и развития индустриальных обществ, или, как он их называет, дисциплинарных обществ.

Власть существует и работает везде и нельзя построить определенный тип общества, где раз и навсегда могли бы исчезнуть властные отношения. Власть, по его мнению, нельзя уничтожить, изменяя экономические или политические отношения в обществе. Вместо того, чтобы пытаться изменить общество, изменяя при этом властные отношения, М. Фуко предлагает бороться с властными отношениями своеобразным способом - изнутри. Именно здесь, по его мнению, наиболее важную роль может сыграть интеллигенция. Интеллигенция должна наиболее бдительно относиться ко всяческим видам проявления власти, тщательно различая во всех сферах деятельности саму деятельность и ее цели, инструментом для осуществления которой может выступать власть, и собственно власть, которая стремится заменить цели деятельности собственными целями - властными отношениями как самоцелью. В современной политической жизни

---

[1] O'Farrell, C. Michel Foucault / C. O'Farrell. - SAGE, 2005. - 200 p. – p. 27

роль интеллектуала консультативна. Политику нет нужды обладать умом Спинозы, его ум - это его советники и аналитики. Любой современный политик хорошо понимает это, окружая себя вспомогательными умами, рекрутируемыми в основном из ученых, а аналитический штат крупных политических деятелей в основном напоминает научно-исследовательский институт. Именно так интеллектуал через знание проникает в политическую жизнь.

Французский философ утверждает, что на протяжении многих столетий развития общества осуществлялись разные типы власти от абсолютизма XVII-XVIII веков до демократии в разных формах ее проявления. Власть осуществлялась путем подавления, насилия, репрессий, устрашения. Только в современном обществе власть осуществляется символически, путем убеждения, воздействия на умы, гипнозом, дисциплинарными методами. В связи с развитием средств массовых коммуникаций, одновременно и облегчилась задача удержания власти над людьми и осложнилась из-за того, что власть имущим необходимо контролировать все информационные потоки, существующие в обществе. Власть доминирует над телами и над умами, таким образом, подчиняя себе людей[1].

Говоря о господстве в своем исследовании под названием “Надо защищать общество” М. Фуко заявляет следующее: “Под господством я имею в виду не грубый факт безраздельного господства одного лица над другими или одной группы над другой, а многочисленные формы господства, могущие существовать внутри общества: значит, не господство короля, которое играло центральную роль в государстве, а господство, существующее во взаимных отношениях субъектов; не господство верховной власти в ее единственности, а существующие многочисленные формы подчинения, которые действуют внутри социального организма”[2]. Эта цитата, которая соответствует его переходному периоду, лишний раз подчеркивает то, что Фуко находится на стыке модерна, будучи не в

1 Фуко, М. История безумия в классическую эпоху / Мишель Фуко; пер. с фр. И.К.Стаф. - М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. - 698 с.

2 Фуко, М. Нужно защищать общество: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году. СПб.: Наука, 2005. - 312 с. – с.46

состоянии резко отрицать подчинение, и постмодерна, желая скорее оторваться от классического представления о субъекте и объекте власти.

На основе вышесказанного можно установить несколько фундаментальных точек отправления в мысли М. Фуко по поводу власти. Во-первых, власть - это некая сеть отношений, которая, выполняет все те же функции господства и подчинения, как и другие классические теории власти, но которая представляется, скорее как динамическое пространство, нежели чем статическая структура. Во-вторых, власть функционирует, она все же является некой субстанцией, которая не может принадлежать кому-либо, она существует и работает вне человеческого сознания и деятельности. Она находится одновременно везде и нигде, у всех и никого одновременно, может быть перенаправлена и перераспределена между различными элементами любой отдельно взятой системы отношений. Необходимо только понять, по каким законам работает власть, под влиянием кого или чего она может двигаться или видоизменяться. В-третьих, в его концепции власти бинарная оппозиция субъекта и объекта подвергается критике, а затем и ревизии. В целом, в работах раннего М. Фуко главными направлениями анализа являются вопросы перехода от королевской к дисциплинарной власти и биовласти, критическое рассмотрение социальных институтов, проблема дискурса. Таким образом, видно, что даже ранний Фуко, который вбирал в себя множество идей модернизма, соответствует и некоторым аспектам постмодерна.

К представителям постструктуралистского виденья власти, то есть к тем философам, которые использовали методы постструктурализма для анализа власти, можно отнести довольно большое количество авторов. Однако нам необходимо выделить лишь тех, кто в той или иной мере рассуждал на тему власти, и тех, кто повлиял на самого Фуко или подвергся его влиянию. Надо отметить, что таких фамилий будет немного и ключевыми из них будут Р. Барт и Ж. Делез.

Р. Барт предлагает анализировать проблемы общества и культуры в первую очередь через свою концепцию языка. Язык для него – единственно верное и фундаментальное измерение реальности. Р. Барт, утверждает, что Средневековая

традиция непосредственного связывания языка и природы необходимо пересмотреть в пользу лишь одного. Из этого следует, что языку при анализе различных социальных и культурных явлений должен отдавать полный приоритет, а существование мира вне языка необходимо признать невозможным. Французский мыслитель настаивает, что западное общество является продуктом деятельности цивилизации, где язык, в форме речи и письма, занимали ключевое положение. Каждый отдельно взятый предмет является либо означающим, либо означаемым, но в той или иной степени всегда составляет некую символическую систему. Вне языка, по мнению Р. Барта, нет ничего, ни общества. Ни культуры, ни власти. Он рассматривает язык как ключевой источник любой власти, господства или насилия[1]. Ключевым тезисом для Р. Барта становится мысль, что каждый язык сам по себе “фашистский”. По его мнению, для того, чтобы изменить общество или власть, на котором общество держится – необходимо изменить язык. Такая наука как семиотика представляется ему самым эффективным средством социальной критики. Таким образом, все социально-политические проблемы он пытается рассматривать через призму языка, лингвистики и семиологии. Стоит сказать, что это касается только раннего Р. Барта, в поздний период он не обладал таким интересом к власти, а постструктуралистом становится только методологически[2]. Тем не менее, в поздний период он занимался исследованиями, которые тематически близки к позднему Фуко – это проблемы субъективации, анализ пространства, ритмы и власть в пространстве и т.д.[3]

Р. Барта и М. Фуко объединяет то, что оба они являются активными борцами со всяческими эффектами власти. Мифологизация для него является главным инструментом власти. Р. Барт видит основным направлением удара

---

[1] Барт, Р. Мифологии / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С Зенкина. – М.: Академический Проект, 2010. - 351 с. – с. 304-320

2 Ильин, И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа / Москва: Интрада, 1998. - 248 с. - с. 37-39

[3] Барт, Р. Как жить вместе. Романические симуляции некоторых пространств повседневности / М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. - 272 с.

тотализирущей власти – письмо. На его взгляд, наука может справляться с эффектами власти, которые она разворачивает в литературе, лозунгах, идеологиях, но подавляющая часть общества, т.е. массы на это неспособны[1]. Несмотря на то, что М. Фуко не рассматривает миф как технологию власти в своих работах, очевидна их схожесть с концепцией власти-знания, с тем лишь различием, что М. Фуко видит в идеологиях меньшую угрозу. Другим звеном, связывающим двух французских философов, является идея о смерти автора, которая обозначает и отношение к теме субъективации и переосмысление отношения субъекта и объекта. Поздние периоды творчества обоих мыслителей завершаются примерно на одной волне. К примеру, если М. Фуко говорит о приобретении субъективации, то Р. Барт выдвигает проблему индивидуальности[2].

Говоря о Ж. Делезе, венцом его философской деятельности и размышления о власти является знаменитый труд “Анти-Эдип“[3]. Авторы “Анти-Эдипа“ (Ж. Делез вместе с Ф. Гваттари) применили сложный, комплексный, психоаналитический подход к анализу современного капиталистического общества, что дало им возможность избежать следования социологическому дискурсу и перейти к созданию оригинальной концепции власти. Власть, по их мнению, вовсе не что-то внешнее по отношению к индивиду. Наоборот, сама власть представляется структурной разметкой человеческой психики. В общем, у них речь идет об определённой конфигурации человеческой субъективности, которую, в свое время, основатель психоанализа хотел утвердить в качестве вечной и единой для всех индивидов и народов. Ж. Делёз и Ф. Гваттари пытались вскрыть преходящий характер эдипальной модели психики и разметить пути её изменения и трансформации. Пробираясь сквозь сложнейший философский текст Ж. Делеза, не надо воспринимать учение о “машинах-органах“ прямо или буквально. Авторский тандем этих двух представителей постмодернизма вряд ли

---

1 Дьяков А.В. Мишель Фуко и его время. СПб. : Алетейя, 2010. — 672 с. – с. 546

2 Барт, Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова.— М.: Прогресс, 1989—616 с. – с. 514

3 Делёз, Ж. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Пер. с франц. и послесл. Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов. — Екатеринбург: У-Фактория, 2007 — 672 с.

ставил своей основной задачей механистическое описание всех психических процессов. Большая часть тяжелой лексики и порой отталкивающих выражений носят довольно условный характер. В целом, два постмодерниста говорят о некой новой модели субъективности, чьей движущей силой служит желание, а главным принципом ее организации – активное сопротивление властному дискурсу. Само же обращение к корням психоанализа обусловлено скорее потребностью этих авторов в самом концепте бессознательного как некого универсального внерефлективного регулятора отдельных элементов в поведении человека.

«Анти-Эдип» был задуман как первая часть труда «Капитализм и шизофрения», и в итоге превратился в критический анализ учения З. Фрейда и Ж. Лакана. Эта работа выделяется резкой антикапиталистической направленностью, а также критикой "буржуазного угнетения европейского человечества". Главными средствами подавления человека и человечества Ж. Делёз выделяет политэкономию и психоанализ. Фрейдизм и неофрейдизм главным образом обвинены в том, что активно помогают всей капиталистической системе превратить человека в некого пациента, "невротика, лежащего на кушетке" который легко поддается внушению психоаналитика, который, в свою очередь, сознательно или бессознательно исполняет волю капиталистической системы. Ж. Делез стремится перевести интерес с самого невротика на "шизофреника", а в качестве анализа осуществлять не психоанализ, а шизоанализ. Термины "шизофрения" и "шизоанализ" применяются им в нетрадиционном понимании. "Шизофреник" для него - не психиатрическое, а социальное и политическое понятие. ""Шизо" обозначает не реального или потенциально психически нездорового человека, но некий субъект, который всячески отвергает капиталистическое общество и живет по естественным законам "желающего производства". Многозначный и сложный, термин "желающая машина", обозначает некую бессознательную машинную реализацию своих желаний человека, является квинтэссенцией всей его жизнедеятельности и принципиально отличается от субъекта, который конструирован З, Фрейдом и Ж. Лаканом в своих учениях, основанных на комплексе Эдипа. При этом сам эдиповский комплекс не

принимается Ж. Делезом и рассматривается как идеалистический, инструмент капиталистической системы, который совершает подмену сущности бессознательного его символическим изображением и выражением в мифах, снах, трагедиях. Если у З. Фрейда концепция бессознательного построена на "античном театре", то у Ж. Делеза она построена не на не театре, а на заводе производящий желания".[1]

В целом, Ж. Делез занимался "детеатрализацией" концепции бессознательного и попытками раскрепостить мир желаний субъекта. При этом он большой акцент дела на изучении вклада самого бессознательного в социальную деятельность западного общества, обращаясь к дешифровке различных культурных кодов, " к критической ревизии бинарных ансамблей желания, которые устоялись в обществе и закрепились в самой культуре благодаря целому ряду духовных систем, школ, ценностей.

Ж. Делёз вводит и еще два ключевых понятия - "машины-органы" и "тела без органов". “Машина-орган” обозначает человека, который полностью поглощен "шизофреническим" инстинктом жизни. “Тело без органов”- человек, который поглощен параноидальным страхом смерти, или, говоря иными словами, инстинктом смерти, что приводит к смерти самой "машины". На взаимодействии этих двух понятий французский критик и выстраивает свою концепцию социального тела (организма).

Также необходимо указать и на разработку более популярного термина – ризома. Ризома т.е. корневище - становится неким символом того нового типа культуры, который проповедуют Ж. Делез и Ф. Гваттари. Ризома противопоставляется иерархии. Они, по сути, обратились не к горизонтальной бинарности самого понятия дерева (верхушка – ствол – корни), а только лишь к его корневищу, в котором просматривается призыв к сетевой и децентрализованной структуре. Ризома представляется Ж. Делезу более

1 Ильин, И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа / Москва: Интрада, 1998. - 248 с. - с. 102-108

пригодным потому, что она устанавливает связь в виде гетерогенности, децентрализованности, множественности, равноправия.

Идеологический анализ власти, по мнению Ж. Делеза не адекватен, так как не объясняет “причину нашей любви к власти” и подчинению.[1] Он считает, что большая часть политических концепций не учитывают все многообразие форм власти и ограничены бинарной оппозицией между властными репрессивными инстанциями (здесь видно влияние М. Фуко) и свободными индивидами[2]. Анализ власти, по его мнению, логично осуществлять на доиндивидуальном уровне коллективности, где и возникает фашизм или микрофашизм.[3] Главное для Ж. Делеза всегда – вопрос желания, на этом строится его философия, поэтому единственно верный анализ происходит через понятие желания.[4] Власть объединяет и укрепляет общество через когнитивные и семиотические система. Все знаки составляют некие конфигурации власти и желания в самых разных социальных системах, а затем приобретают материальное и политическое измерение через репрезентацию.[5] Таким образом, для Ж. Делеза, власть проявляется поверхностью смысла, что сближает его с идеями М Фуко.[6]

Будучи друзьями и коллегами «по цеху», Ж. Делез и М. Фуко имеют много общего. Непросто понять, кто из них дополнял друг друга в большей степени, ведь оба были достаточно самостоятельными мыслителями. Безусловно, тема децентрализации власти привлекала и Ж. Делеза и М. Фуко[7], хоть последний редко прибегал к терминологии Ж. Делеза. К примеру, термин ризома концептуально не был использован Фуко в его фундаментальных трудах. Судя по всему, это было связано с тем, что терминология Ж. Делеза была слишком анти-

---

1 Patton, Paul. Deleuze and the Political / P. Patton. L.; N.Y.: Routledge, 2000. - 116 p. – p. 69

2 Buchanan, I. Deleuze and Guattari's Anti-Oedipus: a reader's guide / I. Buchalan N.Y.; L.: Continuum, 2008. - 182 p. – pp. 24-25

3 Marks, J. Gilles Deleuze. Vitalism and Multiplicity / J. Marks. Sterling, VA; L.: Pluto Press, 1998. - 204 p.- pp. 94-95

4 Там же. p. 96

5 Hughes, J. Deleuze and the genesis of representation / J. Hugles. N.Y.; L.: Continuum, 2008. - 208 p. – p.53

6 Там же. p. 77

7 Дьяков, А.В. Мишель Фуко и его время. СПб. : Алетейя, 2010. — 672 с. – с. 536 - 539

психоаналитична и столь предвзятое отношение М. Фуко не нравилось. Тем не менее, нельзя не отметить, что такие постмодернистские аспекты виденья власти как децентрализация, мифолологизация, власть над собой — объединяют этих авторов. Оба автора критически воспринимали бинарность субъектно-объектной связки и наставали на изобретении новой категории для обозначения человека, находящегося в современном мире и могущим быть «шизофреником», то есть не быть тотально вписанным в капиталистическую систему (у Делеза) или в некую властную замкнутую структуру (у Фуко). Этим М. Фуко занимался в поздний период своего творчества, однако пренебрег опытом Ж. Делеза, пытаясь разрешить проблему субъекта самостоятельно и без помощи критических методов.

Другой немаловажной фигурой является Ж. Бодрийар, который в свое время вел обширную полемику с М. Фуко. Необходимо начать с того, что в работах Ж. Бодрийара говорится что то, что всегда традиционно пытались определить через понятие власть, оказывается не властью самой по себе, а как раз только лишь результатами ее работы. Такое положение в понимании феномена власти он вполне лаконично высказал следующими словами: “Власть – это необратимый принцип организации, она производит реальное, все больше и больше реального, создавая номенклатуру, безапелляционную диктатуру, которая никогда не уничтожает себя”[1]. Все социальные институты, а также конкретные индивиды, любые положения вещей, и тем более частные события всегда формируются на уровне “машинерии смысл” (иными словами на уровне субстанции власти) таким образом, что сами по себе формируют огромное множество возможностей осуществления власти во всех ее смыслах. Более того, Ж. Бодрийяр выделяет проблему возникновения сопротивления власти, которое, бесспорно, возникает в обществе. В случае, если власть действительно осуществляет себя на всех уровнях социума, она, таким образом, как считает Ж. Бодрийяр, уже давно не встречает никакого сопротивления, и, как утверждает данный автор, “это

1 Бодрийар, Ж. Забыть Фуко / СПб.: Издательство "Владимир Даль", 2000. - 95 с. - с. 67

сопротивление вовсе не “желание“ это то, что приводит власть к разрушению по мере ее необратимого логического расширения“.[1]

Политическая философия Ж. Бодрийяра строится на понятии с симуляции. Понятие симуляции в интерпретации философа исчерпывающе описывает современные принципы и методы взаимодействия власти и масс в рамках политической коммуникации, а также манипуляции сознанием большинства.

Понятие симуляции противопоставляется традиционному понятию репрезентации - симуляция предстает как некая ложная репрезентация. Симуляция “снимает” проблему репрезентации - репрезентация оказывается лишь рабочим элементом механизма симуляции. Также он действует и по отношению к знакам. Если в традиционном понимании знаки что-то скрывают, то у Ж. Бодрийар знаки, которые должны что-то скрывать, на самом деле скрывают то, чего нет. Если первые еще отсылают к теории истины, то вторые возвещают эру симулякров и симуляции. “Речь идет уже не о ложной репрезентации реальности (идеологии), а о том, чтобы скрыть, что реальное больше не является реальным, и таким образом спасти принцип реальности”. Замена реального образами реального означает, что оно производится и может неограниченно воспроизводиться. Концепция симуляции полностью раскрывает виртуальный характер реальности: она сводится по существу лишь к “эффекту реальности”, который производится образами реального. Симуляционизм вышел из постановки вопроса о взаимодействии “общества-мифа” путем разработки обобщенной критики политической экономии, осуществлённой Ж. Бодрийаром.

Говоря о том, что Фуко может объединять с Бодрийаром, необходимо отметить, что большую часть идей, соотносящихся с фукодианским учением, Ж. Бодрийара можно почерпнуть из его критики, нежели из построения каких-либо нарративов. Ж. Бодрийар в своем понимании власти указывает на несколько ключевых проблем. Во-первых, их объединяет отсутствие окончательного понимания взаимозависимости субъекта и объекта при рассмотрении феномена

---

1 Там же – с. 70

власти. “Если бы она (власть – прим. С.Р.) строилась на одностороннем подчинении, как в традиционной оптике, то давно уже была бы повсеместно низвергнута”.

Во-вторых, по его мнению, то, что в традиционной мысли определяют как власть, оказывается вовсе не властью самой по себе, а только лишь результатом ее действия. Этот тезис был сформулирован Ж. Бодрийяром так: “Власть – это необратимый принцип организации, она производит реальное, все больше и больше реального, создавая номенклатуру, безапелляционную диктатуру, которая никогда не уничтожает себя”. Все социальные институты, социальные явления, индивиды формируются только на уровне “машинерии смысла”, то есть на уровне субстанции власти. Это означает, что каждый индивид или социальный институт, социальное явление или событие пропитаны субстанцией власти, а значит и создают возможность ее осуществления вовне (здесь трудно не заметить влияния М. Фуко). В этом Фуко и Бодрийар также сходятся.

В-третьих, обращаясь к работе “Забыть Фуко”, можно указать, что Ж. Бодрийяр упрекает М. Фуко и его концепцию власти в том, что он, взяв за основу концепцию желания Ж. Делеза, подменил лишь понятия желание, на понятие власть, таким образом, воплощая идею тотального контроля в обществе[1]. На основе своей критики Ж. Бодрийар выстраивает свою позицию по вопросу сопротивления власти. Он утверждает, что если бы власть могла действительно осуществлять свою деятельность на всех микроуровнях общества, она бы давно не встречала бы никакого сопротивления, хотя “это сопротивление вовсе не “желание”, это то, что приводит власть к разрушению по мере ее необратимого логического расширения.” Иными словами, он утверждает, что власть может осуществлять только в порядке “сверху-вниз”, в то время как само сопротивление власти осуществляется в других категориях и направлены на разрушении власти как таковой. Здесь между двумя французскими философами можно отметить различия. М. Фуко не согласен с идеей разрушения власти, а также с тем, что

[1] Дьяков, А. В. Жан Бодрийяр: Стратегии «радикального мышления» / Под ред. А. С.Колесникова—СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. — 357 с. – с. 295

власть не может пронизывать все сферы общества и человеческой жизнедеятельности. В позднем периоде он будет рассматривать власть именно на микроуровне.

Переходя к нео- и пост- марксистским концепциям, некоторые из которых можно рассматривать как постмодернистские, необходимо отметить весьма небольшое их влияние на творчество М. Фуко[1]. Безусловно, многие его работы сквозят идеями А. Грамши или Л. Альтюссера (который был его негласным наставников в юные годы), однако нельзя отметить повышенного интереса к их работам со стороны французского исследователя. В тоже время представители постмарксистской линии скорее сами попали под влияние идей Фуко и развивали некоторые его понятия, к примеру, Э. Лаклау и Ш. Муфф, чьей важнейшей и общей работой стало произведение “Гегемония и социалистическая стратегия”[2]. Они изъяли понятие гегемонии из наследия А. Грамши, использовали понятие дискурс, взятое у М. Фуко и стали рассматривать марксистскую проблему класса с точки зрения субъективных и дискурсивных позиций. Социальный мир для них характеризуется различными позициями и антагонизмами, как и у К. Маркса. В соответствии с этим, невозможно достичь некого “единого дискурса”, который К. Маркс считал замыкающимся на пролетариате. Универсальный дискурс пролетариата “заменила полифония голосов, каждый из которых строит собственную, не сводимую к иному, дискурсивную идентичность”[3]. Они предлагают не сконцентрироваться на определенном дискурсе пролетариата, а рассматривать множество различных дискурсов, которые могут исходить от широкого круга незащищенных индивидов, к примеру - женщин, чернокожих, национальных меньшинств, экологов, иммигрантов, потребителей и т. д. Таким образом, постмарксистские теории продолжают мысли М. Фуко по целому ряду направлений: защита угнетенных (политическая установка Фуко), развитие

1 Фурс, В. Социально-критическая философия после «смерти субъекта» / Сочинения. В 2-х т. Т. 1. — Вильнюс: ЕГУ, 2012. - 434 с.

2 Ernesto, L.. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics / E. Laclau, C. Mouffe.Verso, 2001. - 198 p.

3 Там же. - с. 191

понятия дискурс, дискурсивная практика, сеть отношений (методологический принцип Фуко), отрицание возможности обладания власть (теоретический принцип Фуко).

После рассмотрения идей французских постмодернистов, которые повлияли или подверглись влиянию М. Фуко, можно раскрыть основные характеристики власти, которые складываются в эпоху постмодерна. Эти характеристики, характерные для разных периодов творчества, также необходимо выделить и у самого Фуко. В целом, основными параметрами власти в постмодерне, являются:

1. Субстанционализм

Субстанционализм означает, в отличие от модернистского инструментализма, что власть является не чьим-либо инструментом, а существует сама по себе. Это означает, что власть перестает быть тем, за что идет борьба или по поводу чего может идти противостояние. Для постмодернизма власть – это некое состояние, которое может быть достигнуто (или не может быть достигнуто, что будет справедливо с точки зрения радикальных постмодернистов, о которых будет сказано далее) субъектом, но которое будет влиять лишь на него самого и которым он сможет оперировать весьма ограниченно. Власть необходимо ухватить и задержать, но сделать это сможет только субъект, то есть лицо действующее. Оказывать же властное давление или быть доминантом во властных отношениях можно лишь до тех пор, пока кто-либо не смог бы эту самую власть перехватить или пока она не уйдет из рук своего временного владельца по другим обстоятельствам. Таким образом, если для модернистов рациональным было захватывать и удерживать власть для того, чтобы контролировать других, для постмодерна власть необходимо захватывать и удерживать для того, чтобы не стать объектом в руках других людей или в руках некой суперструктруры (рабство, капитализм, дисциплина, государство и т.д.)[1]. Также необходимо добавить, что в постмодернистской концепции власти идея тотальности власти переводится с уровня контроля властных институций на

1 Ильин, И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И.П. Ильин. - Москва: Интрада, 1996. - 253 с. – с. 69-72

уровень фундамента для образования этих институций, то есть ее тотальность выражена не в том, что власть может быть абсолютна и всеобъемлюща, но в том, что власть исходит из всех социальных институтов и на них же направлена.

Фуко, на протяжении всего своего творчества, стоял именно на таких позициях. Как уже было сказано выше, он не рассматривал власть как нечто инструментальное, или нечто, что может переходить из рук в руки, передаваться или чем можно обладать. Как правило, в разные периоды творчества, Фуко прибегал к использованию таких абстракций, которые бы обозначали власть как пространство. Сеть власти, дискурс, архив, гетеротопии и т. д. - все эти понятия, в той или иной мере, отражали взаимодействия субъектов в неком пространстве. Таким образом, борьба ведется не за власть, а в ее измерении. Сама власть для Фуко являлась некой имманентной субстанцией, подвижные точки, разворачивающиеся стратегии[1].

2. Иррационализм

Постмодернистские идеи в целом описывают мир как некое нелогичное, непоследовательное, иррациональное устройство. Картезианская субъектно-объектная бинарность и логические законы для постмодернистского подхода, по мнению постмодернистов не работают. На их место встают проблемы языка, соотношения слов и вещей, вопросы гносеологии и эпистемологии. Разговор о власти, как уже было сказано, также подвергнут ревизии в том смысле, что у власти теперь нет точки применения своей силы. Это приводит к тому, что рациональность, причинность и расчётливость, как методология власти, теперь должны быть пересмотрены. Если для модерна характерно рассматривать субъект и объект власти как два противоположенных во властных отношениях полюса, то для постмодерна характерно ставить под сомнение бинарную оппозицию субъекта и объекта в целом. При рассмотрении власти точкой опорой для постмодернистов являются понятия другого порядка, такие как понятия как игра, обман, миф, дискурс, мир текстов, нарратив, симулякр т.д. Все это в какой-то

1 Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко. М.: Магистериум Касталь, 1996 - 446 с. - с. 191-193

мере можно отождествить с торжествованием хаоса и иррационализма. Но самое главное – нет необходимости охарактеризовать власть через рационального декартовского субъекта, так как сами понятия субъект и объект ставятся под сомнение и подвергаются ревизии. Более того, сам человек, представляется он субъектом в каком-либо смысле это слова или нет, остается во властных отношениях с окружающим его миром, который разные теоретики описывают через разные категории. Таким образом, отношения, в которых участвовали два рациональных элемента - субъект и объект – теперь можно описать как отношения субъекта (используя единственный доступный нам термин для данной категории) и воплощения власти в нерациональных инстанциях, таких как дискурс, нарратив, симулякры, мир текстов, мифы, капитализм и т. д.

Французский философ часто прибегал к рационализации властных механизмов, как в раннем, так и в переходном периоде своего творчества. В предыдущем параграфе было обозначено, что рациональность может быть принята Фуко только как один из инструментов управления, но, сами субъекты власти при этом вполне могли не обладать никакой рациональной составляющей. Это подтверждает и то, что Фуко, по крайней мере, в раннем периоде своего творчества, не придает большой значимости человеку как субъекту и выдвигает на авансцену властных отношений дискурс, придавая ему самостоятельный и иррациональный характер[1].

3. Децентрализация

Децентрализация непосредственно связана с распадом субъектно-объектной структуры, а значит и с ликвидацией понятий субъект и объект в их классическом варианте. Уже в структурализме так называемый традиционный субъект картезианского или кантовского толка "теряет свои преимущества", "добровольно уходит в отставку", "выводится из игры" или же объявляется "персоной нон грата". Именно критика, переоценка, ревизия и попытки заменить субъекта на какую-либо другую категорию и становится главным критерием для того, чтобы

1 Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко. М.: Магистериум Касталь, 1996 - 446 с. - с. 74-78

объявить некоторые подходы постмодернистскими. Таким образом, структурализм является не последним проявлением модернизма в XX века, а напротив, первой, можно сказать первичной попыткой оформить постмодернистский подход. Он устранил единого и неделимого субъекта и заменил его структурой.

Постструктуралисты пошли дальше, не удовлетворяясь заменой одного статичного понятия другим. Именно проблема субъекта становится для постмодернистов центральной. Проблема субъекта активно обсуждалась психоаналитиками, а также Ж. Деррида, Ж. Делеза и Р. Барта. В постструктурализме все равноправно и равносильно. Здесь теряют смысл традиционные понятия и категории, построенные по принципу диалектической оппозиции: сущность-явление, форма-содержание, причина-следствие, субъект-объект и т.п. Наиболее актуальными здесь являются концепты “смерти автора” и “смерти человека”. В целом, в постструктурализме трудно выделить фиксированный понятийный аппарат или категориальный инструментарий, и тем более подвергнуть его какой-либо систематизации. Постструктурализм можно рассматривать как общеметодологическую основу, на базе которой может выстраиваться множество концепций и теорий, которые могут отличаться лишь исследовательскими приоритетами анализа, который нацелен на изучение литературы, языка, культуры.

Фуко всегда выступал против традиционного виденья субъекта и объекта, особенно если рассматривать их в рамках концепций власти. Его позиция состояла в том, что невозможно говорить о каком-либо «субъекте в чистом виде» вообще, а значит и сама бинарная субъектно-объектная схема неверна. Если у раннего Фуко некая объективная сущность, как дискурс, обладая тотальной властью, уничтожила возможность нахождения какого-либо субъекта власти, то поздний Фуко окончательно отказался от такого способа анализа власти[1]. В своем заключительном труде — трехтомнике «Истории сексуальности» - он пытался

1 Фуко, М. Использование удовольствий. История сексуальности Т.2./ Пер. с франц. В. Каплуна - СПб.: Академический проект, 2004. - 432 с. - с. 5-7

нащупать в европейском истории мысли другой элемент любых властных отношений, нечто промежуточное между субъектом и объектом. Судя по всему, этот проект Фуко не успел завершить, но можно заключить, что децентрализация властных отношений свойственна ему в наибольшей степени[1].

4. Аконфликтность

Исчезновение противопоставления субъекта и объекта приводит к тому, что и их сопротивление по отношению друг к другу пропадает. Остается конфликтность другого характера, которая выражена в том, как оставшийся субъект (или объект, или некий синтетический элемент) будет сопротивляться давлению на себя извне. Складывание своей собственной субъектности, говоря терминами М. Фуко, ее сохранение и возможное расширение, то есть развитие, остается главной задачей человека. Основополагающей задачей для человека в постмодерне теперь заключается не в становлении себя как субъекта, а во всевозможных попытках не стать объектом. Таким образом, конфликтность будет проявляться не между субъектом и объектом и их интересами, а в борьбе, к примеру, между сознательным и бессознательным, желаниями и привычками, необходимостью и возможностями и т.д. Также конфликтность может проявляться и с внешней средой, которая окружает человека.

В целом, можно сказать, что М. Фуко соответствует этому критерию. Когда он утвердил главным принципом объекта власти его сопротивление, функцию подрыва власти, он создал фундамент, как для раннего, так и для позднего стиля размышлений. В ранний период, объект власти вынужден был сопротивляться надчеловеческим структурам — языку, дискурсу, дисциплине и т. д. То, что такое представление власти стало в итоге тупиковым, не изменило общего представления М. Фуко об идее сопротивления. В поздний период, анализируя античные источники, одной из самых распространенных и интересующих его тем, являлась тема аскезы, самоограничения, самовоспитания и т. д. Эти темы связаны в первую очередь с сопротивлением, только не технологиям власти,

1 Ильин, И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И.П. Ильин. - Москва: Интрада, 1996. - 253 с. – с. 70

разработанным человеком, а различным жизненным, «пограничным» ситуациям. Сопротивление власти теперь возрастает параллельно с саморазвитием, с культурой себя, то есть с выстраиванием собственной субъективации[1]. Этот аспект исследований М. Фуко рассмотрим во втором параграфе второй главы.

5. Ненасильственность

Конфликты по поводу власти в постмодернистском смысле действительно перестают быть насильственными. Это связано в первую очередь с тем, что сам статус власти утрачивается с тем, как утрачивают свой смысл властные отношения между доминантным субъектом и подчиненным объектом. В постмодернистском понимании власти не нужна борьба, власти необходимо скрыться как можно глубже и раствориться в как можно большем количестве элементов системы жизнедеятельности людей. Если в исторической ретроспективе власть осуществлялась через войны, насилие, революции (хотя можно заметить и то, что власть осуществлялась и ненасильственными путями – через религию, экономику, науку), то это было связано главным образом с тем, что сама социальная среда была не настолько осложнена или, говоря проще, для власти не было достаточно много “входов”. Так как она не могла осуществлять себя на множественности уровней и в большой количестве сфер, которыми характеризуется современное общество – ее наиболее частым воплощением являлся выход через насилие и агрессию. В эпоху постмодерна власть имеет невероятно большой количество входов (в общество, в пространство социума), где оно может реализовать себя и без открытого насилия[2]. А поскольку чаще всего власть проявляет насилие через фигуру человека, то, следовательно, сам человек перестал, в своем осуществлении власти, ориентироваться на насилие.

М. Фуко в ранние годы не ставил таких вопросов. До переходного периода его понимание власти было всячески связано с различными формами насилия,

---

1 Ure, M.V. Senecan Moods: Foucault and Nietzsche on the Art of the Self / M.V. Ure. - Foucault Studies, 2007. - No 4. - pp. 19-52

2 Сиушкин, А.Е. Анализ власти в политической теории постмодерна / А.Е. Сиушкин // Наука. Общество. Государство. - 2014. - №2. - С. 1-8

которые ограничивались не только физическими, дисциплинарными или полицейскими, но и экономическими, символическими и дискурсивными механизмами управления[1]. Но в свой поздний период работы М. Фуко, отказавшись, как уже было сказано выше, от полярности субъекта и объекта и, следовательно, их конфликтности, переходит на уровень анализа, который нельзя охарактеризовать через признак насильственности. В основном он разбирает вопрос складывания субъекта и приближения к власти через субъективацию.

6. Мифологизация

Мифологизация власти является противоположностью фундаментальности власти в парадигме модерна. Говоря словами Р. Барта, власть – это мифотворчество, а говоря словами Ж. Бодрийара – за властью ничего нет. Особенно остро это проявляется в политической сфере, где власть всегда имеет ключевое положение. Однако, как было сказано выше, репрессивная или силовая модель воздействия на людей, попытка контролировать их таким образом, оставлена в прошлом. Самые жестокие методы воздействия на человека и общество ушли еще в эпоху Нового времени, когда гуманисты и идеалисты, а также зарождающиеся либералы, начали говорить и активно защищать идею прав человека. Тогда право на легитимное насилие перешло к государству, которое и по сей день является фасадом власти. Однако, постмодернизм предлагает нам смотреть на власть с другой стороны. За фасадом государства и за политической власть в особенности, ничего не кроется. Социальные институты, их значимость и важность – это миф, который был сконструирован для того, чтобы обуздать общество и сделать его более податливым к различным властным механизмам. Задачей тех, кто желает управлять обществом, заключалась в том, чтобы сначала легализовать, а затем легитимизировать власть на всех уровнях. Такая система власти не давала сбоев, но в тоже время власть скрылась за это мифами или симулякрами социальных институтов, традиций устоев, а также такими гранд-

1 Oksala J. Violence and the Biopolitics of Modernity / J. Oksala. - Foucault Studies, 2010. - No. 10. - pp. 23-43

нарративами как капитализм, бессознательное, общественное мнение и т.д. Все это также можно обозначить термином символическое подчинение[1].

Стоит сказать, что этот аспект постмодернистского мышления в меньшей степени подходит для стиля мышления французского исследователя. Необходимо понимать, что модернистский аспект фундаментальности власти Фуко не устраивал, но и нельзя не отметить, что Фуко не говорил о том, что за властью ничего не стоит. Его главная мысль по этому поводу состоит в том, что мы не можем знать, что прячется за властью, мы не достигли такого уровня сознания и понимания этого феномена, чтобы заглянуть дальше, за его языковую форму. Этим он объяснял и то, что в западном обществе (в 60-70-е годы) под властью принято понимать государственные структуры и его разветвленную сеть аппаратов управления. Он считал, что в такой ситуации невозможности понимания власти необходимо подходить к этому феномену с позиций других понятий, для него этими понятиями стали субъект и истина[2].

7. Господство над собой

Смена ролей субъекта и объекта, а скорее их слияние и смена статуса, меняет также и точку приложения сил господства. Господство само по себе, в силу субстанциональности власти теряет всяческий смысл. В постмодернизме речь идет скорее о власти как состоянии самого субъекта, власти быть субъектом и власти им оставаться. При этом вопрос о том, необходимо ли субъекту управлять, кем-либо другим отпадает, поскольку нет и объекта, нет точки приложения имеющейся власти. Во властных отношениях, где субъект и объект власти размываются и сливаются, обе эти роли становятся лишь временными и не являются детерминированными. Вопрос о власти над другим снимается и заменяется вопросом власти над собой. Осуществлять власть над своим сознанием, а не быть подвергнутым различным формам его манипуляции,

---

1 Чайковский, Д.В. Трансформации власти в дискурсе постмодерна / Д.В. Чвйковский // Известия Томского политехнического университета, 2009. - Т. 315. - № 6. - с. 92-96

2 Фуко, М. Субъект и власть // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. Б.М.Скуратова под общей ред. В. П. Большакова — М.: Праксис, 2006. - Ч.3. - 320 с. - с. 161-191

формировать свои знания, а не получать ограниченные знания, которые навязываются квази-государственными структурами, осознавать и выполнять свои желания, как направленность субъекта, а не следовать мифам, моде, симулякрам и другим механизмам общества потребления. Все эти и другие задачи – теперь имеют гораздо большее значения для отдельно взятого человека, если говорить о сфере властных отношений. Именно тут можно столкнуть с тем, о чем говорят последователи экзистенциальной мысли, упоминая о том, что человек остается один. Именно здесь он остается один и его главной задачей является не столько господство над другими, сколько господство над собой для того, чтобы сопротивляться власти или взаимодействовать с истиной. Говоря словами Делеза, теперь власть порождает не насилие в виде проблемы, а истину в виде проблемы[1].

В предыдущем параграфе мы резюмировали, что ранний и переходный периоды творчества Фуко были связаны с темой господства над другими. Поздний же Фуко сконцентрировался на проблеме господства над собой. Субъективация — как процесс складывания самого себя для дальнейшего выгодного положения в пространстве власти — вот цель последних исследований Фуко. Можно отметить, что именно идея сопротивления власти является сквозной для всех этапов его творчества. Более подробно проблема субъективации будет рассмотрена во второй главе.

Говоря о французских постмодернистах, необходимо отметить еще одну особенность их разграничения. По характеру отношения к субъекту, их необходимо разводить на два лагеря – умеренные и радикальные. Умеренные постмодернисты (Ф. Лаку-Лабарт, поздний М. Фуко, Ж. Деррида, П. Бурдье) согласны с тезисами, согласно которым картезианская бинарная оппозиция субъекта и объекта утрачивает свою силу, что эти два понятия размываются и ключевое место их анализа занимает субъект, однако, они считают, что субъект сам по себе может иметь место быть. В их понимании субъект может обладать едва ли не теми же функциями, способностями и свойства, что и субъект

1 Делез, Ж. Фуко / Пер. с франц. Е.В. Семиной. М.: Издательство гуманитарной литературы, 1998. - 172 с. - с. 112

предлагаемый эпохой модерна, однако, сама среда его обитания изменится в двух смыслах. Во-первых, изменится то, что пропадет объект, как точка приложения власти. Это означает, что теперь субъект будет бороться не за то, чтобы получать большую власть над объектом, а за то, чтобы свою власть перенаправить на свое большое раскрепощение, освобождение и удержание так называемой власти над собой. Во-вторых, окружающая среда субъекта постмодерна станет гораздо более агрессивной, нежели окружающая среда субъекта эпохи модерна. Если раньше субъект находился в мире, где царила природа, которую он мог превзойти с помощью ума и технологий, то теперь субъект сотворил свой собственный мир культуры, текста, дисциплины, капитализма, психо- и шизо- анализа, в котором ему необходимо, теперь уже, преодолеть не только природу, но и созданный им мир, чтобы обрести свою собственную субъектность. Этот мир будет воздействовать на него через властные отношения, мифологизацию, рыночные отношения, классовую борьбу, психиатрический комплекс, контроля государственного аппарата и т.д.

Радикальные постмодернисты (Ж. Бодрийар, Ж. Делез, Ф. Гваттари, ранний М. Фуко) полностью соглашаясь с вышеперечисленными проблемами, отличаются негативным виденьем дальнейшей судьбы субъекта. Они утверждают, в отличие от своих умеренных коллег, что субъект будет полностью поглощен этим самым искусственным миром, будет находиться под властью мифов, дискурсов, нарративов, станет рабом экономической системы и т.д. Другими словами, у субъекта не останется права называться субъектом в полной мере этого слова, поскольку не останется ни одной характеристики, которая бы давала ему возможность называться таковым.

Резюмируя все вышесказанное надо сказать, что Фуко стоит на позициях умеренного постмодернизма. Безусловно, его ранний период изобиловал большим опытом оперирования с модернистскими понятиями и идеями, но завершился разработкой концепции, в которой любой возможный субъект был поглощен надструктурными технологиями власти. Дойдя до крайней степени развития дисциплинарной власти, Фуко решил, что необходимо подойти к вопросу власти с

другой стороны, используя такие понятия как истина и субъект. Позднему периоду его творчества характерны такие постмодернистские аспекты размышлений о власти как субстанциональность, децентрализация, аконфликтность, ненасильственность и господство над другими. Также было выявлено, что в целом, каждый постмодернистский философ, рассуждавший о природе власти, находит что-то общее с идеями М. Фуко или является их продолжателем. Тем не менее, М. Фуко избирает самостоятельный путь построения новой теории субъекта (или субъективации) и выстраивания на ее основе иной концепции власти. Наиболее интересной чертой позднего Фуко как мыслителя, является то, что методологически, он становится постмодернистом, но содержательно его интересует идеи премодерна и некоторые иррациональные мыслители эпохи модерна.

М. Фуко, на протяжении всего своего творческого пути, уделял особое внимание власти, рассматривая и выискивая эффекты власти в самых различных областях человеческой жизнедеятельности. Его философские идеи также всегда были сопряжены и с проявлением или толкованием истины и знания в западном обществе, для анализа которых он использовал понятие дискурс, которое формировалось в его терминологическом аппарате множество лет, но так и не имеет четкого толкования. В поздний период, и без того перегруженные теоретические выкладки о власти и соотношении с истиной, осложнились возрастающим интересом к субъекту. Таким образом, концепция власти позднего М. Фуко, будет вращаться вокруг власти, истины и субъекта. Анализ соотношения этих категорий и попытка их осмысления для реконструкции общей фукодианской концепции власти, как инструмента для анализа власти не только на политическом уровне, но и на уровне повседневных практик человека, будет проведена в следующей главе данного исследования.

Глава 2. Стратегии анализа власти

В 1990-е годы, Н.С. Автономова предложила оригинальное членение творчества М. Фуко по десятилетиям на три различных периода – археология знания (1960-е годы), генеалогия власти-знания (1970-е годы) и затем эстетика существования (1980-е годы). Под археологией понимался тот период творчества М. Фуко, который был обозначен тремя основными работами тех лет. Это «Рождение клиники: археология взгляда медика»[1], «Слова и вещи: археология гуманитарных наук»[2] и «Археология знания[3]. Второй этап - генеалогия власти - знания - представлена двумя главными работами. Это «Надзирать и наказывать» (1975) и «Воля к истине»[4] («История сексуальности», т. 1, 1976). Последний этап его творчества включал «Использование удовольствий»[5] и «Забота о себе»[6] (обе - 1984; соответственно, тома II и III «Истории сексуальности»). В современных работах, посвященных Фуко, ситуация практически не изменилась, к примеру, Доровских выделяет три этапа: археологический, генеалогический и этико-правовой[7].

Ж. Делез отмечал, что все работы М. Фуко пронизаны несколькими ключевыми для него темами – это знание, власть, субъект. Хотя при этом, он утверждает, что никакого возвращения М. Фуко к субъекту не было, можно признать лишь некое третье измерение, в котором он ищет преодоление

1Фуко, М. Рождение клиники / М. Фукою - М.: Академический проект, 2010. – 252 с.

2 Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. С фр. В.П.Визгина, Н.С. Автономовой. Спб., A-cad, 1994. - 405 с.

3 Фуко, М. Археология знания / Пер. С фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой. Спб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2012. - 416 с.

4 Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко. М.: Магистериум Касталь, 1996 - 446 с.

5 Фуко, М. Использование удовольствий. История сексуальности Т.2./ Пер. с франц. В. Каплуна - СПб.:Академический проект, 2004. - 432 с.

6 Фуко, М. История сексуальности-III: Забота о себе / Пер. с фр. Т. Н. Титовой и О. И. Хомы под общ. ред. А. Б. Мокроусова.- Киев: Дух и литера; Грунт; М.: Рефл-бук, 1998.- 288 с.

7 Доровских, В.И. Государственно-правовые взгляды Мишеля Фуко: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.08 / В.И.Доровских - Ростов-на-Дону, 2009. - 142 с.

творческого кризиса после разработки концепции знания и власти[1]. Разделяя его творчество на три этапа в соответствии с указанными Ж. Делезом сквозными темами, можно вывести альтернативную классификацию и целостную картину всей философской мысли М. Фуко в ее развитии. Сам Делез, в свойственной ему манере, делил его творчество, условно, на этап «видимого и высказываемого» или тему «знания», «мысли извне» или этапе «стратегии», где выделяет у него авторитарную, дисциплинарную и биовласть и этап «мысли внутри» или «складки»[2].

Существует ряд других этапизаций творчества М. Фуко. Например, в достаточно знаменитой работе Дрейфуса и Рабиноу «Michel Foucault: Beyond Structuralism and Hermeneutics»[3] исследователи в хронологическом порядке разбирают каждую работу М. Фуко, выявляя методологические и концептуальные сходства. В их работе четко прослеживаются 1) хайдеггеровский период; 2) археологический или квазиструктуралистский период; 3) период генеалогический; 4) период этический[4].

С. Хоружий в своей работе «Practices of the Self and Spiritual Practices»[5] рассматривает заключительный этап творчества М Фуко и делит его на этап платонической модели, эллинистической (этической) модели и христианской (религиозной) модели, и выделяет его в отдельную, позднюю генеалогию практик себя.

Р. Линч, говоря о теории власти М. Фуко, выделяет два этапа - современные (modern) формы власти, которые включает в себя дисциплинарную и биовласть, и архаичные (premodern) формы власти, включающие суверенную власть[6].

---

1 Делёз, Ж. Переговоры. 1972—1990 / Пер. с франц. и вступ. ст. В. Ю. Быстрова. СПб.: Наука, 2004. - 234 с. – с. 123

2 Делёз, Ж. Фуко / Пер. с франц. Е.В. Семиной. - М.: Издательство гуманитарной литературы, 1998. - 172 с.

3 Dreyfus, H.L. Michel Foucault: Beyond Structuralism and Hermeneutics / H.L. Dreyfus, P. Rabinow - Routledge, 2014. - 256 p.

4 Дьяков А.В. Мишель Фуко и его время. СПб. : Алетейя, 2010. — 672 с. – с. 11

5 Horujy, S.S.Practices of the Self and Spiritual Practices: Michel Foucault and the Eastern Christian Discourse / S.S.Horujy. - Wm. B. Eerdmans Publishing, 2015. - 207 p.

6 Taylor, D. Michel Foucault: Key Concepts / D. Taylor. - Routledge, 2014.- 276 p.

Один из самых ярких примеров оригинальной этапизации творчества М. Фуко, в котором учтены детали и отдельные мысли французского мыслителя, которые можно обнаружить в ходе его лекционных курсов, можно найти в работе британского исследователя С. Элдена. В своей работе, которую он посвящает последнему десятилетию творчества М. Фуко (1974-1984), он выделяет шесть стадий: психиатрический этап, этап войн рас и населения, этап воли к знанию, этап перехода от инфраструктуры к искусству управлять, этап возвращения к теме практик признания и этап полного погружения в античные практики[1].

Целый ряд зарубежных авторов соглашается с более общей и простой этапизацией творчества М. Фуко на 3 стадии — дискурс, власть, субъективация[2]. В общем, это деление этапов творчества французского мыслителя стало устоявшимся среди большинства фукодианцев по двум причинам. Во-первых, большая часть исследователей не заинтересована в прослеживании эволюции анализа власти Фуко, так как Ж. Делез уже установил и достаточно убедительно доказал оптимальность наличия трех этапов при анализе творчества М. Фуко. Во-вторых, большая часть исследователей прибегает к использованию лишь его отдельных концептов, поэтому этапизация является для них не первичной проблемой.

Данное исследование концентрируется на вопросах социально-политического аспекта власти в идеях М. Фуко. Автор считает, что, несмотря на широкий размах М. Фуко как мыслителя, исследования на протяжении всей его жизни были акцентированы на вопросах власти, а менялся лишь ракурс, т.е. специфика его методологии. Это делает возможным считать накопленные им знания о власти отдельно взятой философией власти. О том, что отдельно взятый этап его творчества можно воспринимать как некую кратологию, писали давно и другие исследователи[3].

---

1 Elden, S. Foucault's Last Decade / S. Elden. - John Wiley & Sons, 2016 - 272 p.

2 McHoul, A. A Foucault Primer: Discourse, Power And The Subject / A. McHoul, W. Grace - Routledge, 2015. - p. 169

3 Merquior, J. G. Foucault / J. G. Merquior. - University of California Press, 1985. - 188 p. - p. 108 - 119

Следовательно, необходима такая классификация его этапов творчества, которая бы не охватывала проблемы истории, философии и методологии науки, эпистемологии, политэкономии, психиатрии и т.д., а раскрывала бы эволюцию взглядов французского мыслителя на власть, ее природу, статус, функцию и границы. При этом необходимо подчеркнуть, что эта классификация очерчивает анализ власти только в контексте социально-политической реальности. Это уточнение необходимо, чтобы исключить фукодианское понимание власти, например, в рамках науки или формировании знания и установления истины в западной цивилизации, о котором он говорит в таких работах как "История безумия в классическую эпоху"[1], "Слова и вещи", "Археология знания" и в других ранних работах, которые посвящены указанным темам.

В основе предлагаемой классификации этапов взгляда М. Фуко на власть лежат понятия макрофизика и микрофизика. Философию власти французского исследователя, которая охватывает власть в ее социально-политическом измерении, можно разделить на два этапа. Отчасти, диалектика этих двух терминов будет отражать то, о чем писал Мишель Де Серто в своем произведении «Изобретение повседневности»[2], в котором мы видим противопоставление «стратегия» и «тактика». Сам М. Фуко не использует термин макрофизика, но в раннем творчестве противопоставляет два понятия - насилие и тактика.

Первый этап – анализ макрофизики власти, т.е. власти как объективации, второй этап – анализ микрофизики власти как субъективации. Смысл этой этапизации состоит в том, чтобы показать, как разворачивалась мысль М. Фуко когда он изучал власть как компонент социальной и политической реальности.

Помимо этих периодов также можно выделить и переходный период. М. Фуко, еще не до конца отказавшись от целей, поставленный ранее, пытался прибегнуть к новым способам анализа власти. Анализируя переходный период,

---

1 Фуко, М. История безумия в классическую эпоху / Мишель Фуко; пер. с фр. И.К.Стаф. - М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. - 698 с.

2 Серто, де М. Изобретение повседневности / Пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. - 330 с.

можно отменить, с одной стороны, усиленный интерес к проблемам государственности, суверенитета, войны, экономики, углублением темы биовласти, но, с другой стороны, отсутствию четкой позиции по поводу субъекта власти, по поводу роли человека во властных отношениях, а также поиску новых методов анализа власти. К этой переходной фазе будут относиться ранее отмеченные курсы лекций - «Нужно защищать общество»[1], «Безопасность, территория, население»[2] , «Рождение биополитики»[3] и «On the government of living»[4].

Учитывая эту поправку, эволюцию анализа власти необходимо прослеживать через 3 этапа – этап макрофизики власти с 1971 по 1976 (более модернистский и макрофизический), переходный этап с 1976 по 1980 и этап микрофизики власти (более постмодернистский и микрофизический) с 1980 по 1984. О том, что 1975 год стал переворотом в его мысли, говорит и Ж. Делез[5]. При этом только первый и третий периоды можно охарактеризовать как полноценные стратегии анализа власти, которые соответственно можно назвать макрофизической стратегией и микрофизической стратегией анализа власти.

Ранний этап творчества представляет взгляд на власть с позиции макрофизики (подход, близкий к структурализму), в котором, во всепоглощающем господстве суверенной власти, дисциплины и био-технологий, не остается никакого пространства для субъекта. Позже, когда Фуко заходит в тупик, из-за признания человека полностью подчиненным различным макроструктурам власти в своей мысли, он находит и выдвигает идею пастырской

---

1 Фуко, М. Нужно защищать общество: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 учебном году. - СПб.: Наука, 2005. 312 с.

2 Фуко, М. Безопасность, территория, население: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 учебном году. - СПб.: Наука, 2011. - 544 с.

3 Фуко, М. Рождение биополитики: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 году/ М. Фуко: Пер. с фр. А.В. Дьяков. – Спб.: Наука, 2010. – 448 с.

4 Foucault, M. On The Government of the Living: Lectures at the Collège de France, 1979-1980 / M. Foucault,. - Springer, 2014. - 365 p.

5 Делез ,Ж. Фуко / Пер. с франц. Е.В. Семиной. М.: Издательство гуманитарной литературы, 1998. - 172 с. - с. 49

власти, где субъект и объект находят в его анализе одинаковую значимость[1]. Кроме того, сама идея пастырской власти позволяет разделить анализ власти Фуко на собственно политический и не собственно политический. Только после этого начинается третий период его творчества, этап более позднего подхода к анализу власти, который характеризуется переходом от структурализма к постструктурализму, концентрацией на вопросе о субъекте и признании необходимости его переосмысления в рамках технологий власти.

Важнейшей характеристикой любого постструктуралистского теоретика является вопрос субъекта, так как остальные элементы знания, накопленного научным сообществом им же (субъектом) и деконструируются. Субъект не декартовского или кантовского толка, но субъект, как децентрализованная структура. В сфере властных отношений, субъект должен обладать, как уже было сказано в первой главе данного исследования, целым рядом новых свойств и возможностей. Появление на горизонте такого субъекта позволило бы по иному анализировать властные отношения и избавиться от репрессивно-господствующего подхода к власти. Именно такой проект и пытался осуществить М. Фуко на третьем этапе своего творчества, который автор называет микрофизикой власти как субъективации. Поиск такого элемента властных отношений, который в привычной западной традиции мышления именовался субъектом, который, однако, анализируется не с позиций политики и становится объектом политической власти, но на других уровнях, “на границах власти, на ее окраинах”, которые позволяют ему стать субъектом.

Таким образом, необходимо начать изучение эволюции анализа власти М. Фуко с более широкого подхода, который включал бы в себя сферу собственно политической и не собственно политической власти (макрофизика) и только потом переходить на более узкий, частный, локальный уровень власти, для которого самым подходящим названием было бы микрофизика.

---

1 Делез ,Ж. Фуко / Пер. с франц. Е.В. Семиной. М.: Издательство гуманитарной литературы, 1998. - 172 с. - с. 126

2.1. Макрофизика власти и ее объективация

Отдельные элементы этапа макрофизики власти в мысли М. Фуко достаточно детально проанализированы в целом ряде работ. Эволюция его взглядов на тело и дисциплину, начиная с работы «История безумия в классическую эпоху» и заканчивая книгой «Надзирать и наказывать», т. е. так называемый «психиатрический этап» блестяще проанализирован в работе «Reassessing Foucault: Power, Medicine and the Body».[1] Диалог Фуко и Бентама, который можно реконструировать в сфере понимания пользы, истины и методов управления через контроль над удовольствиями был воссоздан в книге «Beyond Foucault: New Perspectives on Bentham's Panopticon»[2] и также отражает дисциплинарный период творчества Фуко. Некоторые отечественные исследователи выделяют законность дисциплинарность и безопасность, но не как этапы, а как функции власти[3], другие — не выделяют властный этап отдельно и ищут взаимоотношения власти и свободы на всех стадиях творчества Фуко[4]. Однако многие из подобных работ не прибегают к помощи материала, который изложен в курсах лекций Фуко, считая, что их статус неотредактированных самим Фуко книг не обладает достаточной теоретической самостоятельностью.

Для понимания того, как М. Фуко рассматривает политическую власть в ее историческом развитии необходимо обратиться к курсу лекций “Нужно защищать общество”. В этом исследовании М. Фуко выделяет три исторических типа политической власти, которые присущи западному миру – это суверенная власть, дисциплинирующая власть и биовласть. При этом необходимо понимать, что французский исследователь сам никогда не ставил перед собой задачу строгого и

---

1 Jones, C. Reassessing Foucault: Power, Medicine and the Body / C. Jones, R. Porter. - Routledge, 2002. - 240 p.

2 Brunon-Erns, A. Beyond Foucault: New Perspectives on Bentham's Panopticon / C. O'Farrell, A. Brunon-Ernst, C.Laval, E. de Champs, J.Cléro, G.Tusseau, M.Leroy, M. Bozzo-Rey. - Ashgate Publishing, Ltd., 2013. - 246 p.

3 Новаков, А. А. Религиозно-политический субъект на границах дискурса М. Фуко / А.А. Новаков // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. - 2014. - №9 (180) - С.231-236.

4 Курочкина, Л. Я., Первушина, В. Н. Концепция власти М. Фуко / Л.Я. Курочкина, В.Н. Первушина // Вестник ВГТУ. - 2013. - №6-1 - С.116-119.

систематического изложения некой концепции власти, состоящей из трех последовательных стадий, которые разворачивались бы в западном обществе. На это указывает, к примеру, то обстоятельство, что в работе «Надзирать и наказывать» М. Фуко подробно рассматривает лишь две модели власти: так называемую, королевскую и дисциплинарную модель, в то время как тема биовласти вызвала больший интерес для М. Фуко в более поздней «Воле к истине».

Идея совмещения всех трех уровней анализа власти встречается у современных последователей М. Фуко не часто, и, как правило, исключает один из уровней анализа власти. К примеру, В. Богард в своем анализе связывает дисциплинарную власть и устрашение, последнее, впрочем, можно в каком-то смысле отнести к технологиям суверенного типа власти[1]. Б. Джессоп считает, что термины суверенная власть, дисциплинарная власть и “правительственность” в работах Фуко отражают три исторических формы государства, что является достаточно спорным утверждением[2]. Отличительной чертой многих западных исследователей, которые используют методы М. Фуко, является тенденция к изъятию его концептов в том виде, в которых он их оставляет в рамках своих исследований. Избегая попыток теоретического переосмысления и реконструирования некоторых положений М. Фуко, исследователи часто рискуют остаться без того методологического арсенала, который наиболее эффективно раскрывал бы некоторые проблемы. К примеру, А. Ваинио и Р. Палониеми[3], а также Г. Винкель[4] используют дискурс как социальную практику для анализа власти, опуская остальные элементы концепции власти Фуко. Э. Г. Бейли

---

1 Bogard, W. Discipline and Deterrence: Rethinking Foucault on the Question of Power in Contemporary Society / W. Bogard - The Social Science Journal, 1991. - Volume 28. - N 3. - p. 325-346.

2 Jessop, B. From micro-powers to govenmentality: Foucault's work on statehood,state formation,statecraft and state power / B. Jessop. - Political Geography, 2007. - Volume 26. - p. 34-40.

3 Vainio, A. Forest owners and power: A Foucualdian study on Finnish forest policy / A. Vainio, R. Paloniemi. - Forest Policy and Economics., 2012. - Volume 21. - p. 118-125.

4 Winkel, G. Foucault in the forests - A review of the use of Foucauldian concepts in forest policy analysis / G. Winkel. - Forest Policy and Economics, 2012. - Volume 16. - p. 81-92.

использует термин биополитика и включает ее в общий арсенал техник “правительственности”, но не использует суверенную или дисциплинарную власть для анализа социального маркетинга[1]. Такой же подход демонстрирует и П. Кросхоу для анализа проблем миграции в Европе[2]. В целом, некоторые исследования могу эффективно использовать концепты и методы М. Фуко, однако, чаще всего исследователи скорее нарушают логику теоретических положений французского исследователя, нежели заполняют пробелы, которые в них существуют. Некоторые исследователи и вовсе считают ранние идеи М. Фуко о власти «вульгарной исторической логикой» и идеализмом»[3]. Крупнейшим критиком и ревизором концепции биополитики является Д. Агамбен, однако, он пересматривает терминологию М. Фуко и его концепт биополитики приобретает и вовсе другие черты[4]. Существуют исследования, которые объединяют суверенную, дисциплинарную и биовласть, но только в контексте развития права внутри государства[5]. Также, некоторые фукодианцы пытаются парировать критику Ж. Агамбена в отношении М. Фуко[6].

Отечественные исследователи также анализируют политическую власть М. Фуко, однако, как правило, анализ ограничивается лишь представлениями французского философа о государстве, а также игнорируется концепт биовласти. Можно отметить работу Н. В. Лизиной, которая подчеркивает, что в истории власти у М. Фуко существует три формы организации государства – справедливое государство, территориально-административное или полицейское государство и

---

1 Bailey, A.J. Migration. recession and an emerging transnational biopolitics across Europe / A.G. Bailey. - Geoforum, 2013. - Volume 44. - p. 202-210.

2 Crawshaw, P. Governing at a distance: Social marketing at the (bio)politics of responsobility / P. Crawshaw.- Social Science and Medicine, 2012. - Volume 75. - p. 200-207.

3 Dupont, D. Foucault contra Foucault: Rereading the `Governmentality" papers / D. Dupont, F. Pearce // Theoretical Criminology, 2001. - Volume 5. - N2 – P. 123-128

4 Агамбен, Д. Суверенная власть и голая жизнь / Д. Агамбен. - Москва.: Издетельство Европа, 2011 - с. 240

5 Golder, B. Re-reading Foucault: On Law, Power and Rights / B. Golder. - Routledge, 2013. - 254 p.

6 Ojakangas, M. Impossible Dialogue on Bio-power: Agamben and Foucault / M. Ojakangas. - Foucault Studies, 2005. - No 2. - pp. 5-28

государство управленческое[1]. О.В. Кильдюшов проводит детальный анализ концепта “полицейского государства”, но в своем анализе не использует суверенную власть и биовласть[2]. А.С. Макарычев упоминает суверенную и дисциплинарную власть как два режима функционирования власти, в то время как биополитика – метод для разграничения двух граней феномена суверенной власти[3]. Крупнейший отечественный исследователь постмодернизма и французской философии И.П. Ильин уделяет внимание суверенной и дисциплинарной власти и полностью игнорирует биовласть как концепт[4].

Автор считает, что, рассматривая фукодианскую макрофизику власти, необходимо выделять три основных типа и, наряду с этим, уровня политической власти. Они являются отражением эволюции взглядов Фуко на формирование макроструктур, которые представляют собой главные механизмы управления обществом, государством и окологосударственного аппарата. Под этими тремя понятиями и необходимо понимать «искусство управления».

Суверенная власть, по мнению М. Фуко, ведет начало от Средневековья и появилась в Европе благодаря возрождению идеи римского права, а также формировании идеи монарха и монархии в целом. В первую очередь, она держалась на теории суверенитета, которая развивалась как в политическом, так и в юридическом дискурсах. Второй точкой опоры этой власти, является право, формирование которой взял на себя философско-юридический дискурс. Таким образом, такой тип власти держится на власти суверена через контроль людских ресурсов и использует при этом законодательство и государственную систему права. Суверенитет и право являются основаниями этой власти. При этом, по

---

1 Лизина, Н.В. Практики власти как управленческие отношения в работах М. Фуко / Н.В. Лизина. - Известия Алтайского Государственного Университета, 2011. - № 2-2. - с.206-209

2 Кильдюшов, О.В. Мишель Фуко как исследователь «полицейского государства»: программа, эвристические проблемы, перспективы изучения / О.В. Кильдющов. - Социологическое обозрение., 2014. - Т. 13. - № 3. - с. 9–32

3 Макарычев, А.С. Суверенитет, власть и политическая субъектность: две линии критической теории / А.С. Макарычев. - Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС, 2010. - Т. 6. - № 4. - с. 22–53

4 Ильин, И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / Москва: Интрада, 1996. - 253 с.

мнению М. Фуко, неважно о каком суверенитете идет речь - как теория “Левиофана”, предложенная Гоббсом, так и теория “народного суверенитета” Ж.-Ж. Руссо в равной мере удовлетворяли власть. М. Фуко подчеркивает, что само создание понятия суверенитет оказалось ловушкой как для теоретиков, которые пытались осмыслить это понятие, так и для тех, кому было бы выгодно от нее избавиться. Он объясняет это тем, что само понятие суверенитет и любой способ функционирования власти в рамках этой концепции мог быть описан только как отношение между сувереном и лицом зависимым (субъектом и объектом). Это видно на примере того, как, используя теорию суверенитета, сознательно или бессознательно, ставились и достигались совершенно разные задачи. Авторы идеи монархии и форм их обоснования, католические монархисты и протестантские антимонархисты, которые использовали теории суверенитета для ограничения или укрепления королевской власти, сторонники идеи цареубийства и смены династий, аристократы, парламентарии, феодалы, Руссо и другие авторы альтернативных моделей парламентской демократии – все использовали теорию суверенитета как оружие в политической борьбе.

Основные методы осуществления суверенной власти М. Фуко описывает в своей знаменитой книге “Надзирать и наказывать”. Публичные казни с применением пыток, общественные работы на публике – иными словами – театральность наказания, а значит и демонстрации власти, окончательно уходят к концу XIX века. Публичную пытку или казнь следует понимать не только как чисто судебный, но и как политический ритуал. Сама по себе жестокость, которая проявляется при подобных мероприятиях, является неким обязательным свойством этой церемонии, посредством которых власть показывает себя. Однако, само наказание со временем становится более скрытным действием, которое осуществляет правосудие. При работе суверенной власти наказание является примером для других, выраженное в формуле “насилие за насилие”, ведь пытка или длительная и болезненная казнь являются таким же насилием, которое не поддерживает, а скорее наоборот, уничтожает престиж всей судебной системы от фигуры судьи – до фигуры палача. Вслед за различными методами наказания,

которые использовали боль, последовали методы лишения или исключения. Лишения имущества, жилья, прав на свободу передвижения, исключения и гонения – все это также механизмы наказания, которые присущи суверенному типу власти. С тем как снижалась театральность этой власти, усиливались ее административно-правовая составляющая. Важно отметить, что М. Фуко настаивает на том, что власть должна рассматриваться не только как репрессивная политическая технология, но и как политическая технология, которая производит – производит новые отношения и знания – именно когда отмечает переход власти в сферу дисциплины. Говоря же о власти суверенной, М Фуко в целом согласен с мыслью, что она как раз может быть названа репрессивной и подавляющей, однако была такой недолго в силу снижения своей эффективности по ходу истории.

В ходе своего изучения власти М. Фуко, как правило, и в качестве дополнений, добавляет к различным типам власти отдельные концепты. В качестве дополнения к суверенной власти Фуко предложил концепт гротеска и выделяет ее как характеристику для власти эпохи Средних Веков.

В курсе лекций “Ненормальные” Фуко использует понятие гротеск, в качестве одной из характеристик суверенной власти. “Я буду называть «гротескным» свойство некоего текста или индивида обладать в силу своего статуса властными эффектами, которых по своей внутренней природе они должны быть лишены”[1]. Говоря более академическим языком, он уточняет, что гротеск власти означает “максимизация властных эффектов в сочетании с дисквалификацией того, кто их вызывает”[2]. Можно сказать, что таким это первое упоминание М, Фуко о функции объекта к сопротивлению власти, ведь речь идет о том, как средневековый житель высмеивает своего короля, хотя М. Фуко видит гротескность власти и в более поздней исторической перспективе – высмеивание бюрократии, фашизма, нацизма. Говоря о том, что гротеск – важный метод (а не

---

1 Фуко, М. Ненормальные: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974-1975 учебном году. - СПб.: Наука, 2004. - 432 с. - с. 32

2 Там же

механизм) власти, он намекает именно на то, что объект, подвергающийся давлению власти субъектом, нашел метод сопротивления власти, а именно – дисквалификация самого субъекта. Это, по его мнению, подтверждается некоторыми исследованиями политических антропологов и этнологов[1], которые стоят на позиции, что существует целый ряд церемоний и ритуалов в результате которых вождь или тот, кто обладает властью в племени, оказывает высмеянным, опорочен и представлен в невыгодном свете. Таким образом, гротеск власти в архаичных племенах призван ограничивать властные эффекты. Тем не менее, М. Фуко считает, что в современных западных обществах гротеск власти выполняет совершенно другую функцию. “Власть сама рядилась в театральный костюм, сама выступала в образе клоуна, паяца”[2] – утверждает М. Фуко. Когда власть предстает как грязная или откровенно бессовестная, речь идет о яркой манифестации необходимости, неизбежности власти, которая как раз и может функционировать со всей своей строгостью и в высшей степени жестокой рациональностью, даже находясь в руках человека, полностью развенчанного.

Резюмируя вышесказанное, необходимо отметить, что М. Фуко задумывался о таком явлении как сопротивление власти еще в относительно ранние периоды своего творчества, однако они не устраивали его концептуально или методологически и оставались вне его поле зрения или развития мысли.

Дисциплинарная власть, как говорит французский исследователь, стала главным инструментом капитализма и индустриального общества и, появившись в XVII-XVIII веке, была крайне удачным изобретением буржуазии того времени. Безусловно, поскольку институт государства продолжал функционировать, суверенитет и право также продолжали использоваться, однако их основная функция изменилась. Теперь политико-юридическая власть (синоним суверенной власти) главным образом стала прикрывать и в некоторой мере оправдывать дисциплинарную власть. Таким образом, суверенная власть стала лишь обтекать,

1 Там же. - с. 34

2 Там же . - с.35

прикрывать и маскировать реальную и действующую власть, которая была более эффективной и использовала своим главным методом – дисциплину.

Мишель Фуко считает, что дисциплинарная власть должна была полностью заменить собой власть прошедшей эпохи – эпохи монархии. Работа дисциплинарной власти качественно отличалась от суверенной власти. Суверенная власть позволяла основать абсолютную власть, которая требует больших издержек, интенсивное использование различных символов власти, ее демонстрации. В тоже время дисциплинарная власть предполагала иной метод – минимальные издержки при максимальной эффективности, которой можно достигнуть путем выработки правил, норм, распределений времени, регистрации, постоянного наблюдения при отсутствии контроля и т.д. Если механика власти, которую задавала теория суверенитета, исходила скорее из контроля над землей и ее ресурсами, то дисциплинарная власть работает в другом направлении, а именно – работает с людьми и их деятельностью, или в целом, с временем и трудом. Такая технология власти также позволила бы полностью уйти за рамки теории суверенитета и целом, от юридического дискурса. Однако, как отмечает Мишель Фуко, этого не случилось, поскольку, несмотря на кажущееся противоречие этих двух типов власти (основанных на теории суверенитета и дисциплины соответственно), юридический аппарат мог помочь “спрятать” дисциплинарные методы, спрятать их за буквой закона, скрывая при этом, получение максимальной эффективности управления. Теория суверенитета должна была уйти на второй план, но, не только вышла на первый план, став “лицевой стороной” власти, но и глубоко интегрировалась и сплелась с дисциплиной.

Дисциплинарная власть, вместе с ее капиллярными механизмами, проникает в такие сферы человеческого бытия, над которыми демократический контроль крайне усложнен или вообще невозможен. Науки о человеке, появляющиеся с началом эпохи Нового Времени расширяют масштабы внедрения социального контроля, агентами которого могут быть уже не только военные и

полиция, но и учителя, врачи, психиатры, социальные служащие, эксперты, а также сами граждане, которые интернализируют их категории и ценности[1].

Необходимо сказать и об исторической детерминации появления новой технологии власти. Во-первых, суверенная власть была направлена скорее на человека (т.е. на объект) как на нечто, что приносит доход (через налоги в казну) или как на некую функцию (служение в армии, служение при дворе, работа, осуществляемая человеком и т.д.). Однако, усиление буржуазии, укрепление капитализма, перенос центра влияния, как денежного, так и политического, с королевского двора на капиталистическую фабрику, привел к тому, что человека стали рассматривать как нечто, что дает постоянный, стабильный доход, прибыль и, что самое главное, возможность увеличивать количество тех, кто может приносить тоже самое. К примеру, усиление и одобрение института семьи в XVIII веках – через использование юридического механизма, но с помощью дисциплинарных методов – означало то, что буржуазия нуждалась в большом количестве нормальных (а нормализацию можно было провести только в рамках дисциплинарной власти) семей, которые гарантированно работают, гарантированно потребляют, а значит, приносят прибыль и гарантированно дают потомство. Во-вторых, сыграло роль и увеличение населения. Суверенная власть, как уже было сказано, использовала очень дорогостоящую систему контроля (сборщики налогов, большая иерархическая система вассалов) и наказания (содержание армии, городской стражи, палаче и т.д.). Затратными были и издержки на символическое поддержание власти, будь то пышные парады или пиры, как символ щедрости монарха, или демонстративные казни с множеством символических признаков (одну из таких сцен Фуко описывает в начале книги “Надзирать и наказывать”). Было невозможным оставлять эту систему без изменений при увеличивающемся народонаселении. Дисциплинарная технология власти предлагала гораздо более эффективную систему контроля (концепт Паноптикума) и менее затратную, и в тоже время более скрытую, систему

[1] 116) Lemke, T. Foucault, Governmentality, and Critique / T. Lemke. - Routledge, 2015. - 144 p. – p. 5-12

наказаний, что было выгодно в первую очередь, государству и сторонникам монархической власти.

Такой ход истории власти или, иными словами, такая эволюция власти, безусловно, произошла из-за защиты интересов определенных слове населения – а именно аристократии и приближенных к монаршей власти людей. Именно они, все больше теряя влияние в европейском обществе XVII-XVIII века, почувствовали острую нужду в реорганизации механизмов суверенной власти – теории суверенитета и политико-юридического дискурса. С теоретической точки зрения, это привело тому, что и дисциплинарная власть оказалась втянута в рамки теории суверенитета, что привело к тому, что по-прежнему сохранилось бинарность позиций субъект-объект. Это позволяет утверждать, что дисциплинарная власть, как и суверенная власть, осталась такой же модернистской, а радикальные изменения, которые могли произойти с теорией власти или анализом политической власти в XVIII веке – так и не осуществились[1].

Здесь М. Фуко также вводит в свое исследование дополнительный концепт – концепт Паноптикум. Этот концепт он изобретает благодаря вдохновению от прочтения одноименного произведения И. Бентама. В своем интервью французский философ утверждает, что, изучая устройство тюрем и эволюцию строения тюрем, он столкнулся с тем, что на И. Бентама ссылаются все сочинения написанные на эту тему. Главное в идее паноптикума у И. Бентама заключается в правилах и принципах построения тюрем, которые Фуко описывает: “Правило таково: по краю расположено кругообразное здание, в середине этого круга находится башня, в башне же проделаны широкие окна, выходящие на внутреннюю сторону кольца. Строение по краю разбито на камеры, каждая из которых проходит сквозь всю толщу здания. У этих камер по два окна: одно, выходящее внутрь как раз напротив окошек башни, и другое, выходящее на внешнюю сторону и позволяющее свету освещать всю камеру. Тогда и

---

[1] 82) O'Farrell, C. Beyond Foucault: New Perspectives on Bentham's Panopticon / C. O'Farrell, A. Brunon-Ernst, C.Laval, E. de Champs, J.Cléro, G.Tusseau, M.Leroy, M. Bozzo-Rey. - Ashgate Publishing, Ltd., 2013. - 246 p. – p. 61-79

оказывается, что вполне достаточно поместить в срединную башню одного надзирающего, а в каждую камеру запереть безумца, больного, осуждённого, рабочего или школьника. И на просвет из башни можно будет рассматривать вырисовывающиеся на свету маленькие силуэты узников, заточенных в ячейках этого кругообразного здания. Короче говоря, так мы переворачиваем правило темницы, ибо оказывается, что полная освещённость и взгляд надзирателя стерегут лучше, чем тьма, которая в конце-то концов укрывает”.[1]

Биовласть, является последним типом власти, среди тех, которые нацелены на управление людьми, то есть для политической сферы, и о которых французский философ упоминал в своих исследованиях. Проблема биовласти рассматривалась исследователями очень подробно в большом количестве самых разных исследований[2]. Суммируя различные выводы о биовласти, можно сказать, что в ходе своего внедрения в европейскую жизнь во второй половине XVIII века, биовласть не исключает ни те механизмы, которые работали в эпоху монархии, то есть теорию суверенитета и политико-юридический дискурс, ни механику дисциплинарной власти, которую она скорее модифицирует. Биовласть не только в хронологическом смысле стала третьей стадией эволюции власти внутри западной цивилизации, но и третьим и самым глобальным уровнем управления людьми. Ее основное отличие, которое и придает ей глобальность, заключается в том, что если суверенная власть была направлена на объект-тело, человека, который исполняет функцию, а дисциплинарная власть была направлена на объект-тело, но как на человека, который должен был быть нормальным (т.е. принадлежать к совокупности нормальных людей) и исполнять

---

1 Фуко, М. Око власти // М. Фуко. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / М. Фуко. - Ч. 1. М. : Праксис, 2006. - с.220-249

2 Morton S., Bygrave S. Foucault in an Age of Terror: Essays on Biopolitics and the Defence of Society / S. Morton, S. Bygrave. - Springer, 2008. - 234 p.; Lemke, T.Biopolitics: An Advanced Introduction / T.Lemke, M.J. Casper, L.J. Moore. - NYU Press, 2011 - 158 p .; Lemke, T.Foucault, Governmentality, and Critique / T. Lemke. - Routledge, 2015. - 144 p.; Binkley, S. A Foucault for the 21st Century: Governmentality, Biopolitics and Discipline in the New Millennium / S. Binkley, J.Capetillo. - Cambridge Scholars Publishing, 2009. - 399 p.; Dillon, M. Foucault on Politics, Security and War / M. Dillon, A. Neal. - Springer, 2015. - 243 p. и др.

функции, то биовласть, в свою очередь, концентрируется на объекте-множественности, т.е. не на теле, а на массе, или, как говорит Фуко, “обращена к человеку как в живому существу, человеку-роду”[1]. Биовласть не подвергает человека техникам надзора, использования, дрессировки, наказания, как это делает дисциплинарная власть. Биовласть озабочена другим уровнем работы, а именно - биологическим процессам жизни, таким как рождение, смерть, воспроизводство людей, болезни и др. Таким образом, новый тип власти не делает акцент на управлении индивидом через систему дисциплинирования, а регулирует процессы, связанные с большими скоплениями живых существ – людей.

Отсюда происходит и смена фокусировки и механики власти. Биополитика – то есть политика, осуществляемая по методам биовласти, по мнению Фуко, вмешивается в большую совокупность как универсальных, так и случайных феноменов и регулирует их таким образом, чтобы управление оказалось наименее затратным и наиболее эффективным. Во-первых, вырабатываются приемы контроля за рождаемостью и разрабатываются схемы вмешательства в глобальные процессы рождаемости, медицинский контроль, установление общественной гигиены, сбор информации о болезнях и их централизация и т.д. Во-вторых, происходит обращение к проблемам заболеваний – если ранее эпидемии рассматривались как нечто смертоносное и непреодолимое, то теперь это рассматривается как эндемия – нечто, что совершенно естественно, что можно изучать, устранять, регулировать, заниматься профилактикой и т.д. Сам феномен смерти стал рассматриваться не как обрушение жизни, а как нечто, что постоянно подтачивает жизнь, медленно ее разрушает. Появляются все более гуманные меры по сохранение человеческого рода – обеспечение старости и помощь инвалидам, сокращение рабочего дня, компенсации за увечья или несчастные случаи, страхование, система накоплений и т.д. В-третьих, по отношению к контролю над человеческими телами, их передвижением, распределением, временными

1 Фуко, М. Нужно защищать общество: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 учебном году. - СПб.: Наука, 2005. - 312 с. - с. 256

позициями, теперь используются более мягкие методы – полиция, социальные службы, участковые, охранные организации и т.д. Также одной из наиболее главных задачи теперь стало – сбор статистики, глобальные измерения, предсказания и изменения процессов, воздействие на процессы, которые могут принести с собой ущерб. То есть теперь власть воздействует или преобразует не индивида, а те процессы, которые воздействуют на индивида. Фуко называют такой тип управления – регулятивным. Все это говорит о том, что биовласть создает гораздо более тонкие, изощренные, и в тоже время гораздо более широкомасштабные методы по изменению самого управления людьми в западной цивилизации[1].

Таким образом, ясно что, суверенная власть работала с индивидом, подписавшим контракт (передача суверенитета), дисциплинарная власть с телом человека, а биовласть с социальным телом, то есть с населением. Биовласть предполагает разрешение политических и экономических проблем, исходя из биологических потребностей этого социального тела. При этом биовласть разбирается не только с конкретными проблемами, но и со случайными событиями (катастрофы, эпидемии и т.д.). Более того, она работает на самом глобальном уровне в пространственном и временном смысле – с масштабными и продолжительными феноменами.

Говоря о новизне такой власти, Фуко утверждает, что на смену суверенной власти, которая “позволяла жить и заставляла умереть”, биовласть напротив, “позволяла умереть, но заставляла жить”. Схожее сопоставление можно сделать и с дисциплинарной властью. Дисциплина концентрируется на теле, заставляя его сделаться более послушным и полезным, в то время как объектом биовласти является жизнь, жизненные процессы[2].

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что современная политическая власть является комплексной стратегией, которая включает в себя

---

1 Bunton, R., Petersen, A. Foucault, Health and Medicine / R. Bunton, A. Petersen. - Routledge, 2002. - 288 p. - p. 173-207

2 Hamann, T.H. Neoliberalism, Governmentality, and Ethics / T.H. Hamann. - Foucault Studies, 2009. - No 6. - pp. 37-59

три уровня и применяет главным образом дисциплинирующие и регулирующие механизмы. Фуко подтверждает эту мысль, акцентируя свое внимание на причинах появления дисциплинарной и биовласти. Дело в том, что суверенная власть и ее механика не справлялись или справлялись с недостаточной эффективностью, с контролем населения. Как было сказано выше, именно индустриализация и демографический бум послужили толчком к разработке и скорейшему внедрению новых типов власти. Суверенная власть имела слишком неповоротливый механизм власти, чтобы контролировать индивида и была слишком неэффективной для работы на глобальном уровне. Дисциплинарная и биовласть решила эти вопросы соответственно (таблица 2).

Таблица 2

Вид власти\Признаки	Дата появления	Объект власти	Основание власти	Концентрация	Методы	Отношение к знанию
Суверенная власть	XVI-XVII век	Человек-функция	Теория суверенитета	Государство, законы	Право, символы, демонстративные наказания, исключение, прямой контроль и наблюдение	Негативна, использует практики исключения
Дисциплинарная власть	XVII-XVIII век	Человек-тело	Необходимость изучать, исследовать, собирать статистику	Тюрьмы, школы, казармы, больницы, метрополитен	Дрессировка, скрытые наказания, косвенное наблюдение и контроль	Позитивна, использует практики включения
Биовласть	Вторая половина XVIII века	Жизненные процессы	Масштабные и случайные события, глобализация	Нормы	Регуляция процессов	Позитивна, использует практики включения

У новых типов власти есть и еще одно существенное отличие. В курсе лекций “Ненормальные”, Фуко, возвращаясь к технологиям власти в их исторической перспективе, предлагает разделение власти на позитивную и

негативную. Французский исследователь указывает на то, что в Средние Века основным механизмом борьбы с болезнями и эпидемиями, в частности с проказой, было исключение (изгнание, дисквалификация, маргинализации). Практика исключения была вполне естественной для Средних Веков, так как такие методы использовались именно для тех явлений, которые были непонятными и необъяснимыми. Неведенье ведет к исключению какого-либо явления из социальной жизни, никаких попыток изучить явление не производилось. Отчасти такие методы используются и сейчас в отношении преступников, сумасшедших, больных и т.д. Однако, ближе к XVIII веку, когда количество других маргиналов – преступников, бедняков, бродяг, распутников – разрослось до таких пределов, что продолжать практику исключения стало больше невозможным, на смену ей пришла практика включения. В XVIII веке, по отношению к больным лепрой стала использовать практика включения. М. Фуко дает яркий пример разрешения проблемы чумы в городах Франции XVIII века: “Город в состоянии чумы…подразделялся на округа, округа делились на кварталы, в кварталах разграничивались улицы, и на каждой улице назначались наблюдатели, в каждом квартале - инспекторы, в каждом округе - окружные управляющие; городом же руководил специально назначенный комендант и эшевены, наделявшиеся на время эпидемии дополнительной властью. Итак, эта территория анализируется во всем, вплоть до ее мельчайших элементов, после чего на ней, таким образом изученной, организуется непрерывная власть…Начиная с часовых, дежуривших у дверей крайних на улице домов, минуя квартальных и заканчивая ответственными за округа и город, вам предстает величественная пирамида власти, никаких пропусков в которой не допускалось. Причем непрерывность этой власти относится не только к ее иерархической пирамиде, но и к ее исполнению, поскольку надзор должен был осуществляться без перерыва…Все полученные наблюдения неукоснительно регистрировались: перепроверив, их заносили в специальные книги учета…Все сведения, собранные в ходе этой процедуры - повторявшегося дважды в день обхода, своеобразного смотра, парада живых и мертвых под командованием

инспектора, - все эти сведения, занесенные в список, затем сличались с общей книгой, которую эшевены хранили в центральной администрации город".[1] Видно, что власти города делали все необходимое для наблюдения и регистрации объектов болезни, при этом делая их, одновременно с этим, объектами власти.

Таким образом, произошло разделение власти на негативную и позитивную. Реакция на проказу - это негативная реакция, реакция отторжения, исключения и т. п. Реакция на чуму позитивна, это реакция включения, наблюдения, накопления знаний, умножения властных эффектов исходя из накопленных наблюдений и знаний. Негативная власть постепенно отходила на второй план, уступив место власти позитивной, поскольку последняя сама по себе производит знания, которые в дальнейшем власть может использовать.

Возвращаясь к трехуровневой системе власти, можно сказать, что общество, которое управляется в рамках этих уровней, называется обществом нормализации. Фуко вводит понятие "норма", которое, по его мнению, применялось для одних и тех же целей, как на уровне дисциплины, так и на уровне биовласти. Французский философ, ссылаясь на книгу Ж. Кангилема "Нормальное и патологическое" выделяет несколько ключевых аспектов нормализации для феномена власти[2]. Во-первых, зарождение феномена нормализации можно отметить в XVIII веке, что совпадает с примерным появлением дисциплинарной власти и ослаблением власти суверенной. Нормализация начала активно внедряться в социальную, производственную, военную, образовательную и политическую сферы. Нормализация ярко выражена в военных уставах, стандартизации школ, вакцинации или других методов стандартных медицинских процедур и т.д. Во-вторых, понятие норма определяется отнюдь не так, как естественный закон, т.е. не имеет никакой метафизики. Ее основными функциями является требование и принуждение,

1 Фуко, М. Ненормальные: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974-1975 учебном году. - СПб.: Наука, 2004. - 432 с. - с. 69

2 Фуко, М. Ненормальные: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974-1975 учебном году. - СПб.: Наука, 2004. - 432 с. - с. 73

которые распространяются на определенные области. Поэтому, как говорит М. Фуко, “норма является носителем некоторой властной претензии. Норма - это не просто и даже вовсе не принцип интеллигибельности, это элемент, исходя из которого обосновывается и узаконивается некоторое исполнение власти”.[1] В-третьих, норма всегда подразумевает одновременную работу принципа квалификации и принципа коррекции. Основной функцией нормы, если говорить о позитивной или негативной сторонах власти, не является исключение или отторжение, что, тем не менее, было бы характерно для суверенной власти. Напротив, нормализация постоянно работает только в позитивном ключе, методом включения и преобразования. Норма не исключает участия, к примеру, индивида в каком-либо социальном процессе, она его дрессирует, подготавливает, адаптирует. Тем не менее, это делается исключительно с позиции власти и осуществляется рядом определенных социальных и политических институтов.

Три вышеописанных уровня власти составляют макрофизику власти и очерчивают первый этап эволюции стратегий анализа власти М. Фуко. Здесь субъектом власти для французского мыслителя еще остаются макроструктуры, которые представлены не столько государством, сколько окологосударственными дисциплинарными институтами, которые осуществляют тотальный контроль над людьми или отдельными социальными группами. Это тотальное господство в различные исторические периоды осуществлялось все более совершенно и изощренными техниками воздействия на человека, начиная от индивидуального подхода к конкретному человеку-функции или человеку-телу и доходя до человека-рода, то есть представителя биологического вида. К окончанию этого этапа творчества М. Фуко, в его философии власти не осталось места для человека в сети властных отношений. Макрофизика власти имеет своей целью только объективацию, то есть создание или трансформацию человека как объекта власти.

---

1 Там же.

Переходный этап, о котором было сказано несколько слов выше, может быть уверенно встроен в представленную этапизацию. В целом, в рамках переходного периода, французский философ идет одновременно в двух противоречивых направлениях. С одной стороны, он фокусирует свое внимание на проблемах государственности, суверенитете, государственных интересах, роли рынка и экономики в искусстве управления, биополитики. Этим вопросам уделено достаточно много внимания в западной литературе. Значительное количество авторов старается расширить сферу применения концепции биовласти, добавляя в нее различные методологические и тематические компоненты[1]. Некоторые исследователи анализируют более широкое и расплывчатое понятие, взятое у М. Фуко, а именно - искусство управлять[2]. Многие современные исследования концентрируют свое внимание на генеалогии неолиберализма[3], неолиберальному субъекту[4] или генеалогии современного государства[5].

Важным для проблемы эволюции стратегий анализа власти в переходном периоде является концепт пастырской власти. Этот особый тип власти, который интересовал Фуко впервые появляется в его творчестве в 1977 году, в ходе лекционного курса “Безопасность территория, население”. А. В. Дьяков считает, что пастырская власть была интегрирована современным западным обществом,

---

1 Lemke, T.Biopolitics: An Advanced Introduction / T.Lemke, M.J. Casper, L.J. Moore. - NYU Press, 2011 - 158 p.; Binkley, S. A Foucault for the 21st Century: Governmentality, Biopolitics and Discipline in the New Millennium / S. Binkley, J.Capetillo. - Cambridge Scholars Publishing, 2009. - 399 p.

2 Lemke ,T. Foucault, Governmentality, and Critique / T. Lemke. - Routledge, 2015. - 144 p. ; Gabbard, D.A. Michel Foucault and Power Today: International Multidisciplinary Studies in the History of the Present / D.A. Gabbard D., A.Beaulieu. - Lexington Books, 2005. - 196 p. - p. 61-83 ; Bratich, J.Z. Foucault, Cultural Studies, and Governmentality / J.Z. Bratich, J. Packer, C.McCarthy. - SUNY Press, 2003. - 369 p.

3 Zamora, D. Foucault and Neoliberalism / D. Zamora, M.C. Behrent . - John Wiley & Sons, 2016. - 152 p.; Barry, A. Foucault And Political Reason: Liberalism, Neo-Liberalism And The Rationalities Of Government / A. Barry, T. Osborne, N. Rose. - Routledge, 2013. - 292 p.

4 Read, J. A Genealogy of Homo-Economicus: Neoliberalism and the Production of Subjectivity / J. Read. - Foucault Studies, 2009. - No 6. - pp. 25-36

5 Dillon, M. Foucault on Politics, Security and War / M. Dillon, A. Neal. - Springer, 2015. - 243 p.

но уже в новой политической форме[1]. Идея пастырской власти раскрывается М. Фуко в контексте развития идей управления людьми, однако, обращает внимание, что истоки государя-поводыря нужно искать на Востоке, в рамках дохристианского, а затем и христианского этапа. М. Фуко утверждает, что пастырская власть устанавливалась в двух формах – как организация власти и как руководство душами людей. Также он выделяет три основных отличия пастырской власти от других технологий управления людьми, которые развивались на Западе.

Во-первых, пастырская власть направлена не на территорию, а на людей, стадо, т.е. не на статичную сингулярность, а на динамическую множественность. “Греческий бог — это бог территории, местный бог, у него есть свое преимущественное место — его город или его храм. Еврейский бог — это, напротив, бог идущий, бог-путешественник, бог-скиталец”[2]. Близок, по мнению М. Фуко, к еврейскому богу, образ египетского бога – пастуха который заботится о стаде и ведет его туда, где жизнь может быть лучше. Однако, необходимо отметить, что как организация власти, пастырская власть обладает также и временными ограничениями и, несмотря на то, что является иерархичной, ряд отличий от тех технологий управления людьми, которые появятся в XVI-XVII веках. Отличие заключается в том, что сам пастырь является временным элементов в системе управления, которое осуществляется между Богом и людьми. Бог является главным и верховным пастырем, люди – стадо, о котором необходимо заботиться и спасти его. Правитель людей при этом находится в особых отношениях, как с Богом, так и людьми, являясь в этом системе младшим “пастухом”, которого можно и заменить, в случае, если он неумело, неправильно обращается со стадом, что приводит к тому, что стадо разбегается или погибает. Таким образом, пастырская власть является властью религиозного типа, которая отражает отношение Бога к своему стаду. Для земного правителя, то есть

---

1 Дьяков, А.В. Мишель Фуко и его время. СПб. : Алетейя, 2010. — 672 с. – с. 484

2 Фуко, М. Безопасность, территория, население: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 учебном году. - СПб.: Наука, 2011. - 544 с. - с. 184

младшего поводыря, период правления также является неким испытанием, поскольку Бог вверяет ему управлением стадом. Это первый элемент субъективации в этой схеме – правитель должен проявить себя как субъект, когда Бог доверяет ему управлять людьми, заботиться и беречь их. При этом субъектом власти он становится лишь временно постольку, поскольку его легитимность фактически поддерживает с двух полюсов – от Бога и от стада, и как только Бог решит, что пора передать стадо другому пастырю или взять его под свой контроль, этот процесс субъективации для правителя завершается. Итак, субъективация для правителя как испытание от Бога.

Во-вторых, пастырская власть “благодетельна”. Этот анти-макиавеллистский тезис означает, что государь-пастырь в первую очередь заботится о себе, а не о себе как суверене или о государстве и его суверенитете. Первичная цель поводыря – забота о стаде, его сохранение, улучшение условия его жизни, выбор пути, который приведет ведомых им людей к лучшей жизни. В греко-римской традиции организации власти важнейшими элементами были проявление силы государя через завоевание и победы , укрепление власти через символы и славу, демонстрацию богатства через проявление щедрости или проведения игр, а благодетельность или добродетель была лишь одним из признаков хорошего государя. В восточной же традиции, развивающаяся пастырская власть в первую очередь делала акцент на власти заботы. Государь следит за тем, что все в стаде питались, чтобы каждая овца была здорова, никто не отставал от стада, и т.д. Это второй элемент проявления субъективности у государя-поводыря. Сама “пастырская власть выражается, прежде всего, в усердии, самоотверженности, бесконечной старательности”[1], то есть, нацелена на то, чтобы пастух был беспечен по отношению к себе, служил только своему стаду, а также, не задумывался о будущем. Он должен думать о стаде здесь и сейчас, управлять им в настоящее время, не задумываясь о награде или наказании

1 Фуко, М. Безопасность, территория, население: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 учебном году. - СПб.: Наука, 2011. - 544 с. - с. 185

для себя или о том, что будет со стадом потом. Все должно быть подчинено служение стаду.

В-третьих, пастырская власть направлена одновременно на все стадо и на каждую овцу в отдельности. М. Фуко утверждает, что власть пастыря – индивидуализирующая, то есть “хотя пастырь управляет всем стадом, он может хорошо управлять им лишь тогда, когда ни одна овца не ускользает от его взора”. Вновь обращаясь к проблеме субъекта-государя, можно рассмотреть эту довольно противоречивую особенность в двух измерениях. Первое измерение показывает, что власть государя-пастуха проявляется через обладание знанием. Эта тема сквозит практически по всех исследованиях М. Фуко. Пастырь должен обладать знанием при этом, не только общим знанием о всем стаде, количестве овец, продумывать его маршрут и т.д. Это также и более глубокое знание, которое должно индивидуализировать каждую овцу. Знать ее особенности, ее поведение, ее реакции, ее проблемы и возможное влияние на других овец – все это является требованием к пастырю. Тема знания будет активно развиваться в рамках технологий управления Нового Времени во время развития техник дисциплинизации. Второе измерение – это измерение самопожертвования. Здесь главной проблемой является противоречивость принципа “жертва одним ради всех и жертва всеми ради одного”. На первое место выходит не знание, а этика (хотя, судя по всему, эти две переменные сильно привязаны друг к другу), то есть этический выбор пастыря, который он должен сделать в ситуации, опасной для отдельно взятой овцы и всего стада в целом. Фуко настаивает на том, что эта этическая проблема будет камнем преткновения для всей пастырской власти христианского типа. В отличие от темы знания, тема этики выпадет как проблема власти в тот исторический период развития Запада, когда активно начнут развиваться технологии управления населением, то есть, начиная с XVI-XVII веков.

Таким образом, в рамках пастырской власти развивается и проблематика субъекта и субъективации, как процесса становления субъекта. Государь-пастырь становится субъектом через следующие техники:

1) испытание перед Богом, попытки оправдать доверие, которое ему вверяется вместе со “стадом”;

2) приношение себя в жертву стаду, своей собственной аскезой, постоянной работой над тем, чтобы стадо было окружено заботой и было в сохранности, трудолюбие и бесконечное служением;

3) приобретение и постоянное наращивание знания о “стаде” в целом и о каждой ”овце” в отдельности, умение распоряжаться своим знанием так, чтобы ни одна “овца” не пострадала, пока стадо находится в его вверении;

4) необходимость отвечать на этический вызов, постоянный выбор между благом для всего “стада” и для отдельной “овцы”, которая попадает в беду, этическое развитие самого себя и необходимость нести “спасение” для всех, кто был вверен пастырю.

Пастырская власть занимает исключительное положение в системе рассуждений М. Фуко, а также вынуждает сделать классификацию этапов анализа власти более комплексной по двум причинам. Первая причина заключается в том, что пастырская власть, в отличие от других типов власти, не задумывалась, по мнению М. Фуко, как метод управления людьми. Напротив, этот тип власти были направлен на управления душами и оказание помощи людям при переходе из одного мира в другой, который открывался бы им после смерти. Однако, по мнению французского исследователя, пришедшая к нам с христианского востока, эта технология власти обрела на западе иную функцию. Благодаря институционализации и появлению Церкви, пастырская технология власти был вполне пригодна для того, чтобы вмешиваться в дела государства и жизнь населяющих ее людей. Таким образом, пастырская власть, которая осуществляется сверху, от пастыря к стаду, входит в макрофизический период анализа власти, но ее необходимо обозначить при этом как несобственно политическую. Второй причиной является то обстоятельство, что в рамках пастырской власти, поводырь обеспокоен не только объективацией людей, которые находятся под его опекой, но и своей собственной субъективацией. Этот двойной режим - субъективации себя и объективации других – больше не

встречается ни в одной типе власти, который М. Фуко выделяет в рамках своих исследований.

Перед тем как обнаружить пастырскую власть, М. Фуко занимался исключительно собственно политическими технологиями власти, каковыми являются суверенная, дисциплинарная и биовласть. Первоначально, изучая дисциплинарность и различные дисциплинарные механизмы власти внутри психиатрических заведений, а затем и переводя эту механику на другие социальные институты, такие как армия, школа, мастерская, полиция и т.п., он указывал на то обстоятельство, что все эти практики использовались для того, чтобы сделать человека объектом. Его известное рассуждение о том, что для того чтобы что-либо изучить (т.е. сделать объектом анализа, изучения), необходимо это изолировать[1], говорит в поддержку такого представления о развертывании мысли М. Фуко. Подобно тому, как врач психиатрической лечебницы стал рассматривать своего пациента как объект изучения, который при этом являлся и объектом его власти, социальные институты начали разворачивать такую же логику и в отношении каждого отдельно взятого индивида или социальной группы. Изучить необходимо для того, чтобы более эффективно управлять, но для этого необходимо получить господство над будущим объектом исследования и сделать его объектом власти. Макрофизика предполагает политическое господство или политическую власть в целом, но для М. Фуко так же важно было показать, что макрофизика власти означает объективацию человека. Подданный суверена, пациент психиатрической лечебницы и человек как представитель биологического вида – вот ключевые объекты в рамках разворачивающихся техник макрофизики власти.

Подводя итог, можно сказать, что хоть эти три типа власти, которые составляют первый этап эволюции стратегий анализа власти, появлялись в разные исторические периоды, и, накладываясь друг на друга, стали составлять единый и

---

1 Фуко, М. Рождение социальной медицины // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. Б.М.Скуратова под общей ред. В. П. Большакова — М.: Праксис, 2006. - Ч.3. - 320 с. - с. 79-109

разросшийся комплекс различных стратегий власти для управления людьми. При этом степень участия государства в управлении людьми всегда снижался, или, точнее говоря, власть государства стала перетекать в другие общественные институты, которые в той ли иной мере являются подотчетными государству. Такая логика развития государственной власти и ее механики отчасти делает беспочвенными утверждения, что институт государства, особенно в XXI веке, ослабевает. Государство, как субъект власти, не ослабел, а делегировал свою власть, сделал некое ”переливание” части своей власти в другие институты, чтобы снять нагрузку с себя. Трехуровневая концепция власти М. Фуко позволит по-новому анализировать современную политическую власть или властные отношения в целом, однако, несмотря на это, требует значительной доработки и детализации. По мнению автора, совокупность всех макроструктур, которые надстраивались одна на другую в ходе развития западного общества, и используемая ими механика власти, и является тем, что М. Фуко называл “искусство управлять”. Переходный (или второй) период, который выделяется автором, не может предоставить нам никакой полноценной стратегии анализа власти, однако отдельный концепт пастырской власти можно отнести к макрофизической стратегии анализа власти, но учитывать ее специфику (таблица 1).

Таблица 1

Анализ власти в мысли Мишеля Фуко	
Макрофизика власти	
Собственно политическая	Не собственно политическая
Суверенная, дисциплинарная и биовласть	Пастырская власть

2.2. Микрофизика власти и ее субъективация

Главным признаком классических концепций власти: теологической, биологической (или бихевиористской), психоаналитической, структурно-функциональной и других является категория подчинения (иногда используются и ее синонимы: доминирование, господство и т.д.). М. Фуко такой точки зрения не разделял. Несмотря на то, что за все время развития классического понимания власти, анализ феномена власти сводился, вольно или невольно, к исследованию политической власти, в мысли М. Фуко понятие власть является независимым от каких-либо сфер человеческой жизнедеятельности. Он понимает власть как нечто, что пронизывает любую сферу деятельности, то есть любая власть, политическая или родительская, является лишь частными случаями проявления власти в обществе в целом. Ее невозможно полностью, исчерпывающе раскрыть лишь с точки зрения права, политики, морали или экономики, которые представляют собой отдельные аспекты этого многогранного феномена, каковым является общественный институт власти. М. Фуко это понимал и, безусловно, размышляя о власти, принимал во внимание и тот способ мышления, который присущ человеку, принадлежащей западной цивилизации в определённые исторические периоды.

В последние годы своего творчества М. Фуко самым активным образом занимается поиском субъекта и объекта власти, их взаимодействия, техникам сопротивления власти и т.д. используя такое понятие как субъективация. Фуко дает определение этому понятию: «Субъективацией я назову процесс, посредством которого мы получаем складывание субъекта, точнее говоря — субъективности, каковая, очевидно, служит лишь одной из заданных возможностей организации некоего самосознания»[1].

---

1 Фуко, М. Возвращение морали // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. Б.М.Скуратова под общей ред. В. П. Большакова — М.: Праксис, 2006. - Ч.3. - 320 с. - с.284

Самосознание – если пользоваться описанным выше схематизмом – это отличительная черта субъекта власти. Точкой опоры для самосознания является дискурс, то есть пространство, формирующее и конструирующее поле знаний, которое в раннем периоде своего творчества М. Фуко, по мнению автора, называл эпистемой или архивом[1].

Можно сказать, что М. Фуко всячески отрицал необходимость и возможность построения какой-либо универсальной теории субъекта, предостерегая о малоуспешности четкого определения понятия субъект - «суверенного и основополагающего субъекта, универсальной формы субъекта, которую можно найти повсюду, не существует»[2]. Отказываясь от концентрации власти в руках одного лишь субъекта, он отказывается от теории субъекта в целом. Отрицая тотальное и безоговорочное приложение самой власти к некой точке, Фуко отказывается и от объекта власти. Он дает некое разъяснение подобным методологическим правилам - «А для этого (для изучения феномена власти – прим. С.Р.) нужно было отказаться от определенной априорной теории субъекта, чтобы суметь провести анализ отношений, которые могут существовать между формированием субъекта или различными формами субъекта и играми истин, практиками власти и т. д.»[3]. Используя понятие субъективации и субъективность он даже терминологически избегал этого понятия. Для него большее значение имел именно процесс самопостроения субъекта, его складывания как личности, его духовного роста, что, в конечном счете, по его мнению, приведет его к тому, что он сможет всецело управлять как собой, так и другими. Следовательно, субъективация является одновременно и процессом становления субъекта и процессом не только сопротивления, но и приобретения власти[4].

---

1 Там же.

2 Там же. - с. 301

3 Там же - с 255.

4 Harter, N.W. Foucault on Leadership: The Leader as Subject / N.W. Harter. - Routledge, 2016. - 138 p. - p. 34-40

На техники субъективации, который М. Фуко считал необходимыми анализировать, необходимо обратить внимание после того, как попытаемся довести до предела те идеи, которые Фуко оставил о концепте субъекта.

М. Фуко, в разные периоды своего творчества опирался как на модернистские, так и на постмодернистские понятия. В модернистских концепциях власти субъект рассматривается как носитель власти. Носитель власти – это особый субъект властных отношений, который обладает некими юридическими или силовыми (например, с физической точки зрения) ресурсами, которыми он может воздействовать на объект власти, исходя из собственных потребностей или желаний.

Объект власти, в модернистской парадигме, можно обозначить как жертву или приемщика власти. Иными словами, объектом власти в модерне можно назвать того, кто вынужден принимать некое воздействие власти, чувствует применение власти над самим собой через самые различные инструменты – юридические, полицейские, силовые и другие механизмы. При этом в модернистской концепции власти именно вышеперечисленные ресурсы - юридическая сила, военные или полицейские механизмы, мифы, мораль или религия, экономика и т.п.- являлись способом насаждения власти, ее актуализации.

Предполагая разделение творчества М. Фуко на раннее и позднее, необходимо принять, что ранний период берет за основу модернистское представление о субъекте и объекте власти. Однако необходимо поставить вопрос о том, как именно М. Фуко понимал субъект в поздний период. Это наиболее интересно потому, что покажет, как именно М. Фуко пытался выйти из тупика, в который зашли его исследования и в целом, проследить за эволюцией его взглядов. Субъект и объект власти представляются для него уже несколько другими категориями, так как меняется основной механизм использования власти. Благодаря использованию и взаимодействию таких понятий как дискурс, сеть отношений, субъективация, идеи М. Фуко, по сути, дают возможность выделить три основных черты субъекта власти.

Во-первых, субъект власти не рассматривается им как постоянный носитель власти. Субъект власти не может обладать ей, утверждает французский мыслитель. Он пересматривает феномен власти, и из некой постоянной функции, которая дает возможность воздействовать на других, превращает ее в сеть отношений[1]. В такой сети, которая, в трудах Ж. Делеза позже обозначается как ризома, есть лишь тот субъект, который может располагать властью лишь временно, может использовать определенные механизмы или ресурсы для ее осуществления на непостоянной основе. Такой субъект уже не может являться носителем власти, это скорее ее оператор . Оператор власти – это особый субъект властных отношений, который лишь временно обладает определенным набором различных механизмов для осуществления своих полномочий и постоянно меняет свою позицию внутри сети властных отношений. Оператор власти создает и задает динамику власти внутри властных отношений.

Во-вторых, субъект власти не обладает неким основанием, которое обеспечивает ему безвременное или постоянное властное положение. Оператор власти занимает свою властную позицию лишь временно потому, что нет никаких первопричин для его постоянного нахождения у власти. В качестве примеров, Фуко, в различные этапы своего творчества приводил примеры короля, врача - психиатра, философа - советника и других персонажей, которые, в рамках определенных дискурсов, имели некий фундамент для осуществления своей власти, обладали определенными ее механизмами, но лишь пока дискурсивные практики позволяли им быть субъектом власти. Иными словами, тот, кто получил власть и может ее осуществлять, должен быть также озабочен и тем, чтобы свою власть сохранить и укрепить, а не только использовать. Такой субъект власти, которого условно можно назвать оператором власти, активно использует дискурсивные практики для того, чтобы поддерживать свое положение внутри властных отношений как можно дольше. Именно здесь наиболее удачно находит

1 Фуко, М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. С. Ч. Офертаса под общей ред. В. П. Визгина и Б. М. Скуратова. — М.: Праксис, 2002. — 384 с. - с.68

свое место понятие дискурс, которое Фуко использует для обозначения одного из механизмов работы политической власти.

В-третьих, всякий субъект власти активно использует дискурс - особое пространство, которое определяет правила высказывания и целую систему разнообразных правил, по которым можно формировать знание в целом. Формируя систему знаний, субъект власти получает доступ не столько к телу объекта, не столько к его материальной оболочке, сколько к его внутренней составляющей, к его мировоззрению, представлению о мире, о науке, искусстве, к любой другой системе знаний. Эта характеристика является наиболее значимой для постмодернистского субъекта власти философии власти Мишеля Фуко.

Для Фуко объект власти представляется не как точка приложения власти, ее концентрации или давления, а скорее как точка сопротивления, имеющая вполне выраженное сопротивление всяческому насаждению власти[1]. Во-первых, объект власти не является пассивным игроком в игре, которую “разворачивают” властные отношения. В отличие от приемщика власти, от ее раба или послушника, вполне может сопротивляться любому властному давлению и самым различным технологиям власти. Во-вторых, такой объект власти может не только оказывать активное сопротивление насаждаемой власти через различные тактики и уловки, в том числе через дискурс, но и, пользуясь своей способностью сопротивляться, имеет возможность влиять на выстраивание дискурса. Для такого объекта власти больше подошел бы термин клиент власти, нежели ее приемщик. Клиент, как субъект, имеющий способность и волю к отказу от властного давления, к сопротивлению ей.

Продолжая мысль Фуко, можно сказать, что модернистский субъект власти, то есть носитель власти, использует скорее дисциплинарные и материальные ресурсы (которые более характерны для суверенного типа власти) – экономика, институты наказания, полицию и т.д. - для того, чтобы подавить приемщика власти, то есть, объект властных отношений. Он в гораздо меньшей

1 Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко. М.: Магистериум Касталь, 1996 - 446 с. - с. 196

степени использует дискурс для осуществления своего контроля над объектом политической власти, то есть над людьми. Субъект в модерне выстраивает дискурс и осуществляет контроль над знаниями, всячески пытаясь не дать объекту ворваться в пространство дискурса и подвергнуть некой угрозе свое незыблемое положение. Субъект власти использует его для поддержки своей власти, а не для осуществления контроля над объектом власти. Фуко говорит об этом в своем курсе лекций «Нужно защищать общество»: ”Традиционная функция истории…говорить о праве власти и усиливать ее славу…юридически прикрепить людей к власти”[1]. Другими словами, история, как часть науки, которая контролируется государством (к примеру, через цензуру), стоит на страже незыблемости государственного строя или деятельности политического руководства именно через воздействие на сознание общества, в данном случае – через образовательную систему. В рамках модерна, именно технологии наказания, запрета, исключения – контролируют объекта или объекты властных отношений. Все эти технологии осуществляются главным образом через ключевые социально-дисциплинарные институты, такие как церковь, армия, полиция, больница, суды и законодательная система и т.п. Доступ к влиянию на знания в целом у объекта власти здесь отсутствует, так как субъект власти отсекает его от дискурса.

По мнению Фуко, отношения власти выстраиваются по иной схеме, а точнее – с другой точкой приложения сил. Субъект власти в большей степени выстраивает дискурс так, чтобы объект власти не только не обладал волей к сопротивлению, но и вовсе не имел никаких механизмов, которые помогли бы ему сопротивляться власти. Заведомо формируя и предоставляя объекту власти определенные, выверенные, дозированные, знания, субъект власти может не только гарантировать себе властное положение, но и приручить, выдрессировать объект власти и принудить его, уже без различных пенитенциарных мер, к чему угодно. Различные дисциплинарные технологии, которые развивались примерно с

1 Фуко, М. Нужно защищать общество: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 учебном году. - СПб.: Наука, 2005. - 312 с. - с. 82

XVII века, выстраивались так, чтобы подчинить объект власти через практики запрета, наказания и исключения. А в фукодианском анализе власти основное значение имеет уже не контроль над конкретным индивидуумом через его физическое тело (объект властных отношений), а сбор, регистрация и анализ знаний об объекте в целом. Такая смена основных функций или режимов социально-дисциплинарных институтов является отличительной чертой биовласти, о которой Фуко говорил в конце своего переходного периода. Фуко говорит об этом и на примере психиатрических больниц, королевской власти и т.д. утверждает, что такая работа институтов формирует необходимую, или достаточную для подчинения, картину мира, в рамках которой, объект власти может сопротивляться, но не обладает достаточным знанием, чтобы пользоваться своей возможностью сопротивляться[1]. Именно воздействие на сознание людей, через знание, через формирование различных знаний во всех сферах человеческой жизнедеятельности, пользуясь терминологией Фуко – через дискурс, власть оказывает влияние на объект власти. Это одно из ключевых отличий постмодернистского субъекта власти.

Таким образом, рассматривая проблему власти и властных отношений с позиций М. Фуко, можно выделить не только такие категории как субъект, объект и ресурсы, которыми пользуется субъект для осуществления своей власти над объектом, но и категорию дискурс. Фуко утверждает, что дискурс отвечает не за осуществление власти одних над другими, а является областью формирования знания в целом, пространством на котором разворачивается основная борьба между оператором и клиентом власти, в то время как в модернистской концепции этой борьбы нет и быть не может.

Однако то, что было продемонстрированно на примере эволюции носителя власти в оператора власти и жертвы власти в клиента власти – является ярким примером того, насколько М. Фуко тонко и детально пытался обрисовать свое понимание субъекта, если бы он разрабатывал именно теорию субъекта. Оператор

---

1 Фуко, М. Психиатрическая власть: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973-1974 учебном году. - СПб.: Наука, 2007. 450 с. - с. 37

власти вбирал бы в себя свойства субъекта и объекта власти. Но как уже выше было сказано, французский исследователь всячески отрицал теорию субъекта и вместо нее пытался разработать теорию субъективации[1], то есть складывания субъекта, который, сформировавшись, будет способен управлять другими, то есть стать операторов власти. Необходимо добавить, что Делез частично говорил о том, что Фуко находился поисках такого элемента анализа, который был бы, по отношению к власти, в одинаковой степени и субъектом и объектом, и предлагал использовать термин «сингулярность»[2]. Тем не менее, он использовал этот термин в другом значении в своем оригинальном исследовании.

Технологии власти, которые М. Фуко приписывал субъекту политической власти на различных этапах своего развития, от суверенной власти до биовласти, можно описать через концепты паноптикума, дисциплинизации, практик регистрации и исключения, технологии нормализации и нормации и т.д. Эти технологии, по сути, использовались в различные исторические эпохи, но, тем не менее, и в современных государствах активно используются в целом комплексе[3]. Такой арсенал в руках политического субъекта власти, говорит о том, что технологии осуществления политической власти продвинулись гораздо дальше, чем технологии сопротивления власти или технологии освобождения, которые мог бы воспользоваться клиент власти.

Его этап анализа власти через призму макрофизики остановился на исследованиях биовласти, которые были отражены, к примеру, в курсе лекций “Рождение биополитики” или в работе «Воля к истине». На этом этапе развития своего представления о власти М. Фуко сменил свой вектор исследований. Попав в ловушку отрицания субъекта, присущую многим постмодернистским теоретикам, М. Фуко, также столкнувшись с мощной критикой своего первого

---

1 Horujy, S.S.Practices of the Self and Spiritual Practices: Michel Foucault and the Eastern Christian Discourse / S.S.Horujy. - Wm. B. Eerdmans Publishing, 2015. - p. 207 — p. 5-26

2 Делез ,Ж. Фуко / Пер. с франц. Е.В. Семиной. М.: Издательство гуманитарной литературы, 1998. - 172 с. - с. 51

3 Там же. - с. 57-74

тома “Истории сексуальности” – решил пересмотреть свои взгляды на соотношение власти и субъекта.

Этот тупик, в котором оказался М. Фуко, полностью устранив субъект, тем самым сильно ограничив в возможностях свой анализ власти, подтолкнули его на активное выяснение того, какие технологии сопротивления власти существовали в различные исторические эпохи, можно ли сопротивляться власти, возможно ли освобождение из под властных технологий и как это освобождение будет происходить, если все социальное тело пронизано властными практиками. Таким образом, видно, что анализируя технологии власти, как это делал Фуко в свои ранние годы, можно было прийти только к таким же результатам, которые были достигнуты модернистскими концепциями власти, которые использовали теорию субъекта. Видимо логика Фуко исходила из того, что чтобы выявить технологии сопротивления власти, ее подрыва, необходимо отказаться от теории субъекта. Таким образом, Фуко решал и другую проблему — он смог бы выявить или изобрести такую категорию, которая была бы и не субъектом и не объектом, а чем- то промежуточным между ними, неким новым элементом. Такой элемент мы схематически уже обозначили как «оператор власти». Теперь, когда понятно по какой причине Фуко избрал для себя путь теории субъективации, а не теории субъекта можно перейти непосредственно к рассмотрению его позднего материала.

Последние курсы лекций и книги были всецело посвящены анализу того, как формировался субъект в античную эпоху и разработке теории субъективации. Примерами таких исследований являются курсы лекций ”Герменевтика субъекта”[1], ”Управление собой и другими”[2], ”Мужество Истины”[3] и главный труд последних лет жизни Фуко – трехтомник ” История сексуальности”, который

---

1 Фуко, М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982-1983 году / М. Фуко: Пер. с фр. А.Г. Погоняйло. – СПб.:Наука, 2007 – 677 с.

2 Фуко, М. Управление собой и другими: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982-1983 году/ М. Фуко: Пер. с фр. А.В. Дьяков. – СПб.:Наука, 2011. – 432 с.

3 Фуко, М. Мужество истины: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983-1984 году / М. Фуко: Пер. с фр. А.В. Дьяков. – СПб.:Наука, 2014. – 358 с.

включал в себе три крупных оригинальных исследования "Воля к знанию", "Использование удовольствий"[1] и "Забота о себе"[2], однако лишь последние две книги можно отнести к микрофизическому этапу анализа власти.

Детально он успел рассмотреть только эпоху античности, которая привлекала его внимание в последние годы жизни. На основе его разработок, можно утверждать, что ключевыми механизмами сопротивления власти объектом в эту эпоху являлись различные духовные практики, которые активно разрабатывались основными философскими течениями – стоиками, киниками, эпикурейцами и перипатетиками, хотя Фуко об этом прямо не пишет[3].

В целом, рассмотрение античной философии как практики развития духовности человека и его самосовершенствования, имеете совсем недавнюю историю. Собственно, в том виде, в каком духовное и физическое самосовершенствование человека рассматривалось в античности – так называемые практики себя - изучались лишь горсткой исследователей. Л. Жерне, Ж.-П. Вернан, М. Детьенн, Э.Р. Доддс, А. Жоли и, безусловно, самая важная фигура, П. Адо. Ещё одной ключевой фигурой, которая активно развивала идею практики себя и усматривала её корни в античной философии, и стал М. Фуко. Два последних автора описывали целый ряд практик по развитию физического, интеллектуального и духовного потенциала человека, которые предлагали античные мыслители и практики (ими являются, по мнению, П. Адо, большинство античных философов). Проанализировав работы Фуко и Адо, можно выделить три сферы жизнедеятельности человека, которые воспринимались ими как режимы субъективации.

Отправной точкой анализа послужат курс лекций М. Фуко “Герменевтика субъекта”, и «Управление собой и другими», «Мужество истины», книги

---

1 Фуко, М. Использование удовольствий. История сексуальности Т.2./ Пер. с франц. В. Каплуна - СПб.:Академический проект, 2004. - 432 с.

2 Фуко, М. История сексуальности-III: Забота о себе / Пер. с фр. Т. Н. Титовой и О. И. Хомы под общ. ред. А. Б. Мокроусова.- Киев: Дух и литера; Грунт; М.: Рефл-бук, 1998.- 288 с.

3 Fillion, R. Freedom, Truth, and Possibility in Foucault’s Ethics / R. Fillion. - Foucault Studies, 2005. - No 3. - pp. 50-64

«Использование удовольствий», «Забота себе», а также работа коллеги Фуко - П. Адо - “Духовные упражнения и античная философия и «”[1] Философия как способ жить»[2].

По мнению Фуко, если попытаться классифицировать упражнения, предлагаемые нам античными авторами то необходимо выделить три сферы человеческой жизнедеятельности, в которой человек может себя совершенствовать, - это сфера физического (тело), интеллектуального (ум) и душевного (душа). Эти три сферы соответствуют режимам субъективации.

Существуют и другие этапизации того периода творчества Фуко, когда он рассматривает проблемы субъективации. Ярким примером является работа Сергей Хоружия, который выделяет платоническую модель, эллинистическую (этическую) модель и христианскую (религиозную) модель. Такая классификация в лучшей степени позволяет проследить, как хронологически разворачивалась «забота о себе» в мысли Фуко и эволюция его взгляда на концепцию субъективации[3].

Сфере физического, в фукодианской мысли, уделяется немало внимания в некоторых современных работах. К примеру, Маркула-Денисон трактует идеи Фуко касательно спорта и физической активности как ключевую для субъективации не только в античности, но и в современном мире[4]. Начиная с области физического, т.е. ухода за собой, М. Фуко выделяет в своем исследовании переписку Марка Аврелия и Фронтона, в которой подробно анализирует то, что

---

1 Адо, П. Духовые упражнения и античная философия / Пер. с франц. В.А. Воробьева. М.; Спб.: Изд-во ”Степной ветер”; ИД “Коло”, 2005. – 448 с.

2 Адо, П. Философия как способ жить / Пер. с франц. В.А. Воробьева. М.; Спб.: Изд-во ”Степной ветер”; ИД “Коло”, 2005. – 288 с.

3 Horujy, S.S.Practices of the Self and Spiritual Practices: Michel Foucault and the Eastern Christian Discourse / S.S.Horujy. - Wm. B. Eerdmans Publishing, 2015. - p. 207 — p. 27-65

4 Pirkko, M.-D. Foucault, Sport and Exercise: Power, Knowledge and Transforming the Self / M.D. Pirkko , R. Pringle. - Routledge, 2007. - 264 p.

следует учитывать в своей заботе о теле.[1] Выделяется три направления – диететика, экономика и эротика[2].

1. Под диететикой понимается комплексный подход ко всему, что касается здоровья. Во-первых, это вопросы гигиены – чем заболел, какие лекарства принял, насколько ухудшилось или улучшилось состояние здоровья. Во-вторых, это вопросы питания – что ел и что пил, в каких количествах, не брал ли пример с тех, у кого проблемы со здоровьем, у слишком тучных или тощих и т.д. В-третьих, вопросы, касающиеся физических упражнений – купание, прогулки или пробежки и, конечно же, физическая подготовка (обязательная впрочем, для всех военных и аристократии). В-четвертых, обсуждение качества сна – что снилось, как спалось – хорошо или дурно, в какой позиции человек спит и т.д. Вот это целый ряд вопросов из раздела диететики.

2. Экономика включает в себя исполнение религиозных и семейных обязанностей. Здесь необходимо отметить следующее: разговоры с родственниками, обязательное для того, чтобы узнать подробности об их здоровье, любовных делах др. и посещение различных религиозных обрядов (похороны, праздники, пиры); хозяйствование и сельскохозяйственные работы, включающее в себя физический труд, который обязателен для формирования себя, а также различные экономические вопросы по дому; свободное время же, надо использовать для чтения и письма.

3. Последняя сфера - эротика - охватывается целый ряд вопросов о том, что есть любовь, может ли она быть между двумя мужчинами или женщинами, насколько сексуальные отношения влияют на сферу любви и др.

С какой целью Фуко анализирует физическую сферу самосовершенствования? Безусловно, для того чтобы провести параллель с современностью. Необходимо поставить вопрос о том, насколько сильно современная власть ограничила человека и в соответствии с этим понять,

---

1 Фуко, М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982-1983 году / М. Фуко: Пер. с фр. А.Г. Погоняйло. – СПб.:Наука, 2007 – 677 с. - с. 182-185

2 Там же. - с. 70-81, с.180-190

насколько сильно конкретной сфере человек перестал управлять собой. Ведь эти три сферы — диетика, экономика и эротика — не просто описание распорядка жизни, а комплекс предписаний, который необходимо соблюдать для того, чтобы сформировать себя как человека, личность, субъекта[1].

Этот перечень подчеркивает направления занятий, которыми занимались, в основном аристократы, которые, имея больше свободного времени и финансовых возможностей, могли активно заниматься “техниками себя”. Проводя аналогию с современностью видно, что физические техники себя полностью охвачены функционалом современных социальных институтов. Физическая подготовка и спортзалы; питание и современные маркетинговые исследования, стандарты качества пищи и диеты; гигиена и медицинская сфера; только лишь вопросы сна, в силу своей излишней иррациональности, не могут быть охвачены социальными институтами (хотя и в этой сфере психология и психоанализ имеют определенный успех).

Можно сказать, что в области физического саморазвития, которое в античном мире представляло собой целый рад практик себя, человек перестал управлять собой. Те цели, которые ставило перед собой этот раздел саморазвития, теперь достигаются общественными институтами, которые работают в рамках государства. К примеру - система здравоохранения, которая институционально берет на себя функции поддержания человеческого здоровья (биовласть) и контролирует медицинский дискурс, то есть ту совокупность знаний, которая принимается за истину, и в рамках которых и говорят о том, что такое здоровье, что такое недуг, что значит нормальность, выделяются критерии всех тих категорий, признаки, основные симптомы и методы лечения и т.д. Медицинский дискурс крайне широк и включает себя и психиатрический дискурс и дискурс сексуальности и другие сферы современное научного знания, которые в целом покрывают весь тот спектр вопросов, которые античные мыслители оставляли на попечение самому субъекту-человеку.

---

1 Taylor, C. Foucault and the Ethics of Eating / C. Taylor. - Foucault Studies, 2010. - No. 9. - pp. 71-88

Переходя ко второй сфере, которую выделяет Фуко – сфере интеллектуальные упражнений - можно выделить четыре направления развития себя, разбитых по парам: слушание и говорение, чтение и письмо.

Об умении слушать Фуко много берет из целого ряда сочинений Плутарха[1]. М. Фуко подчеркивает двойственность природы слуха у греков, найдя разделение слуха у Плутарха на pathetikos и logikos. Оно состоит в том, что из всех чувств (зрение, обоняние т.д.) – слух, т.е. слушание, самое слабое по отношении к злу, но в тоже время, лучше всего может познать добродетель. Из-за того, что по большей части человек пассивен, когда слушают речи, людей можно одурманить, впечатлить, польстить им, обмануть, сказав неправду и т.д., отсюда – слабость (pathetikos). Однако, так как греки считали, что только разумная речь связана с добродетелью, они заключали, что и слух в таком случае наиболее близок к научению добродетелью, отсюда – связь слуха с логосом (logikos). Именно поэтому, слуху должно уделяться наибольшее внимание и должным образом необходимо вырабатывать технику слушания. Вырабатывая технику слушания, человек будет в большей степени управлять самим собой и будет менее всего подвержен различным влияниям извне, в том числе влияния, к примеру, лживой власти.

Сноровка в слушании – это то, к чему должен стремиться каждый, кто не хочет быть слабым (в широком смысле, к примеру – наивным) из-за чужих речей. Однако, одна лишь сноровка, которая словно физическое упражнение, усиливается с каждым новым прослушиванием, то есть постоянной практики слушания, не обеспечит нас эффективным навыком слушания. Помимо практики слушания, которое у греков вылилось в традицию прочтения, написания и слушания лекций, необходимы определенные правила. Эпиктет, по мнению М. Фуко, наиболее полно раскрывает эту технику, указывая три основных правила слушания:[2]

---

1 Фуко, М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982-1983 году / М. Фуко: Пер. с фр. А.Г. Погоняйло. – СПб.:Наука, 2007 – 677 с. - с 360-380

2 Там же - с. 361

1) Молчание (Плутарх, Пифагор, Порфирий) – одно из самых древних правил слушания, о котором много известно в пифагорейском учении. В пифагорейской традиции, новичок не имел права выражать свое мнение на дискуссиях и в ходе споров в течение пяти лет. Плутарх и Эпиктет описывают стоическую, более приспособленный под ежедневный ритм жизни, вид правила молчания. Основной посыл к молчанию у стоиков – это необходимость удержать услышанное в себе. Надо, услышав урок или лекцию, прочитав поэму или узнав что-либо от мудреца, окружить то новое знание молчанием, а не превращать услышанное тот час же в речь. Положить услышанное на хранение, а не тут же растратить вот основная мысль. Контроль над собой через молчание - главная составляющая субъективации в этом правиле.

2) Соблюдение особых способов поведения при слушании – второе, не менее важное правило. Оно включает в себя принятую слушающим человеком позу, игру жестов или поз (т.е. их возможная смена) и выражением желания слушать. Полный покой тела и отсутствии помех для прослушивания – это главные показатели правильности позы. В данном случае покой тела гарантирует покой души слушателя. Делая ссылку на Филона Александрийского, М.Фуко выделяет и другие правила для поз, которые используются для слушания: надо стоять, повернувшись лицом к говорящему, требуется неподвижность и сосредоточенность, надо использовать движения головы для того, чтобы показать, что слушатели понимают говорящего и использовать улыбки и кивки головы для одобрения, а также, поднимать указательный палец вверх для того, чтобы задать вопрос или выразить непонимание предмета, о котором ведет речь говорящий. Итак, неподвижная и спокойная, удобная поза, минимум лишних жестов, показ желания слушать, что помогает и самому говорящему. Снова мы видимо необходимость контроля надо собой, над своим телом. Оно необходимо для того, чтобы иметь власть над собой, не подвергаться влиянию извне, не отвлекаться на внешние факторы. Строгость и контроль над телом - основные факторы субъективации.

3) Внимание – третье правило, о котором наиболее подробно ведет речь Эпиктет. Внимание включает в себя принцип, согласно которому, слушателю необходимо направлять свое внимание на то, что называется to pragma. Это означает направлять внимание на суть сказанного, а не на его форму. Это во многом касается прочтения поэм и трагедий, поиска в них смысла и выделения наиболее главного, т.е. сути. То pragma призывает игнорировать красоту формы любого выражения, не обращаться внимание на эту поверхностную софистическую или риторическую хитрость. Вслед за тем, как прослушал что-либо и выделил pragma необходимо сразу эту запомнить как можно подробно и детально. Это параллельно является и упражнением памяти, которые часто у греков проскальзывает в текстах лишь на втором плане. Это упражнение также пересекается с молчанием. Необходимо, услышав что-либо, не говорить это вслух, а выделить pragma и начать запоминать её, проговаривая про себя, а уже после этого необходимо проверить самого себя, спросить себя, усвоили ты то, что услышал, сможешь ли это использовать. Таким образом, внимание надо удерживать не только на pragma, но и на себе самом.

Молчание как контроль за своими мыслями; сохранение поз как контроль над своим телом; внимание — как контроль за внешним - Ээи три аспекта слушания составляют комплекс слежения за собой и управления собой. Все это призвано самосовершенствовать человека, делать его более самостоятельным, не слушать других и не быть подчиненным каким-либо воздействиям извне.

Наибольшее взаимодействие видно между слушанием и говорением. Эти два направления работают в комплексе и, следовательно, развиваться должны параллельно друг с другом. П. Адо, к примеру, объединял эти два направления развития себя и обозначал как «научиться вести диалог»[1]. Рассматривая раздел говорения, поставим вопрос, что важного находит Фуко в техниках говорения для своих исследований?

---

1 Адо, П. Духовые упражнения и античная философия / Пер. с франц. В.А. Воробьева. М.; Спб.: Изд-во ”Степной ветер”; ИД “Коло”, 2005. – 448 с. - с. 34-41

В первую очередь Фуко отмечает, что если слушание требует усердия, повторения и тренировки, то говорение также, помимо этого, требует ещё и tekhne, т.е. искусства. Как надо говорить – этот вопрос гораздо чаще обсуждается и наставления по этой теме часто можно найти у риторов, т.е. учителей риторики, а также в некоторых сочинениях Платона, посвященных софистам – “Софист”[1], “Протагор”[2]. Фуко обращается к стоический традиции, которую извлекает из текстов Эпиктета. Организация речи, подчеркивает он у Эпиктета, включает в себя две вещи. Первая – это lexis, манера говорения. Вторая – это разнообразие и тонкость выражения, включающее разнообразие синонимов, метафор, аллегорий, различные семантические и стилистические приемы речи и т.д. Важно, однако, что для противостояния риторикам, философ должен при всех этих ухищрениях иметь лишь одну приоритетную цель – донести истину до слушателя, а не прельстить аудиторию. Здесь поднимается важная для Фуко тема парресии, которую он подробно рассматривает в ряде курсов лекций[3]. Изучению роли, места и значения концепта парресии в философии Фуко, посвящен ряд англоязычных и франкоязычных работ, написанных и опубликованных в последние годы[4], в том числе и ее радикальные интерпретации[5]. В рамках данной

---

1 Платон. Собр. соч. в 4-х томах. Том 2. М.: "Мысль", 1993. - с. 216 - 268

2 Платон. Диалоги: Протагор, Большой Иппий, Иппий Меньший, Евтидем, Евтифрон, Апология Сократа, Критрон. - М.: Академический Проект, 2011. - 351 с. - с. 9-79

3 Фуко, М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982-1983 году / М. Фуко: Пер. с фр. А.Г. Погоняйло. – СПб.:Наука, 2007 – 677 с.; Фуко, М. Управление собой и другими: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982-1983 году/ М. Фуко: Пер. с фр. А.В. Дьяков. – СПб.:Наука, 2011. – 432 с. ; Фуко, М. Мужество истины: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983-1984 году / М. Фуко: Пер. с фр. А.В. Дьяков. – СПб.:Наука, 2014. – 358 с.

4 Dyrberg, T. Foucault on the Politics of Parrhesia / T. Dyrberg. - Springer, 2014. - 141 p.; Nathan, W. Harter. Foucault on Leadership: The Leader as Subject / Harter W. Nathan. - Routledge, 2016. - 138 p.; Foucault, M. Discours et vérité: Précédé de La parrêsia / M. Foucault, F. Gros.- Librairie Philosophique Vrin, 2016. - 320 p. ; Адо, П. Философия как способ жить / Пер. с франц. В.А. Воробьева. М.; Спб.: Изд-во ”Степной ветер”; ИД “Коло”, 2005. – 288 с. - с. 140 -155

5 Simpson, Z. The Truths We Tell Ourselves: Foucault on Parrhesia / Z. Simpson. - Foucault Studies, 2012. - No 13. - pp. 99-115

работы, обозначим только те ее черты, которые значимы для процесса субъективации.

Парресия – это, по сути, искреннее говорение, озвучивание всех своих мыслей, т.е. свободно, открыто, без страха и лести говорить все, что думаешь. В христианстве держали речь в основном представители духовенства, исполняя функции научения, проповеди, исповеди – осуществляя тем самым патэнетические функции, или же учили слову божьему, используя Писание – исполняя учительские функции. Параллельно с ними миряне, имели лишь два режима речи – это молчание или говорение истины, но только о себе самых, так как истина Писания им неизвестна. Именно тогда, по мнению М. Фуко, произошел решающий момент изменений отношения субъекта и истины. Говорение истины о себе являлась покаянием и имела обязательный характер, неповиновение этому принципу могло повлечь изгнание из общества, через отлучение от церкви, следовательно, даже парресия, призванная служить субъективацией, стала инструментом объективации человека.

В античности дело состоит совсем иным образом. Ни учитель, ни ученики не обязаны говорить истину. От ученика требовалось только молчать, а говорить истину или нет – не регламентировалось. Таким образом, говорение истины в античности имело инструментальный характер (говорить правду, доверять наставнику, откровение с друзьями – все это использовали для признания ошибок и дальнейшего своего совершенствования) и не носил обязательный характер исполнения. Парресия, используя разнообразие речи и определенную манеру поведения при говорении (схожие правила со слушанием – позы, жесты, привлечение внимания), составляет суть правильной речи. Она является ключевым аспектом субъективации, которую Фуко пытается найти в практиках себя в античной культуре. Парресия всегда поддерживает модальность истины и имеет больший доступ к власти, в отличие от своего главного, по мнению Фуко, противника — риторики. Фуко разбирает занимательный пример, который объясняет, как именно осуществление техники парресия взаимодействует с осуществлением власти.

Он начинает рассуждение с фигуры льстеца, который «разговаривает и, разговаривая, возмещая некоторым образом недостаток власти». Используя риторику, «он может добиться от вышестоящего того, чего хочет....Но используя таким образом превосходство вышестоящего, он преувеличивает это превосходство»[1].Таким образом риторика, во-первых, усиливает субъекта власти, во-вторых, создает зависимость между субъектом власти и льстецом и, в-третьих, приводит к утрачиванию осознания реальности как у льстеца, так и у субъекта власти, в силу того, что они, взаимно друг друга усиливая и веря в то, что их власть — самая правильная и добродетельная. Следовательно, они теряют свою субъектность и вскоре могут лишиться власти, в частности, если их связь распадется.

Фигура парресиаста занимает противоположную, в контексте субъективации, позицию. Любой советник, использующий парресия, говорит истину прямо и не заботясь о последствиях. Он также не говорит меньше чем необходимо (когда льстец бы умолчал), и не говорит больше необходимого (когда льстец стал бы говорить много лишнего, чтобы отвлечь от истины). Фигура, использующая парресия, «не путает себя с государем, не путает себя с его заместителем, ни даже с полновластным представителем верховной власти государя. Он осуществляет свою власть как ремесло, соответствующее должности, которую он получил»[2]. Таким образом, парресия исполняет несколько функция. Во-первых, она позволяет субъекту власти (государю) не расценивать свои поступки чрезмерно высоко, он всегда получает истинную картину мира и, не находя излишней похвалы, не позволяет многого советнику-парресиасту, который, благодаря этому, также не получает избытка власти и делает только то, что соответствует его должности.. Во-вторых, как говорит Фуко «parrhesia, скрепляет, удостоверяет, упрочивает независимость другого — того, кто воспринял слово, от того, кто его произнес»,. В-третьих, создается ситуация, при

---

1 Фуко, М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982-1983 году / М. Фуко: Пер. с фр. А.Г. Погоняйло. – СПб.:Наука, 2007 – 677 с. - с. 406

2 Там же. - с. 408

который и советник и государь, будучи независимыми друг от друга (происходит снятие проблемы ббинарности субъекта и объекта) могут в полном мере заниматься субъективацией.

Переходя к чтению и письму[1], Фуко делает ряд замечаний касательно терминов melete и meditadio. В прямом смысле, эти термины обозначают, упражнение в рассуждении и медитацию соответственно. Эти термины в равной степени одинаково относятся к тематике чтения и письма. Melete, означая рассуждение, подчеркивает совсем другой процесс, нежели тот, который понимается под ним сегодня. Современный человек представляет себе упражнение в мышлении как развертывание своей мысли путем отталкивания от чего-либо прочитанного. В античности это означает иное, а именно две вещи: во-первых, принять истинность мысли (а не истолковывать её на свой лад, что снимает проблему интерпретации), а во-вторых, запомнить её для того, чтобы использовать и повторять в необходимых ситуациях (в суде, в споре и т.д.). Meditatio, в свою очередь, это упражнение с помощью которого человек посредством мышления ставит себя в определенное положение, чаще всего проблемное. Письмо и чтение одинаковым образом сочетает в себе melete и meditatio. Видно, что Фуко связывает воедино тему субъективации, доступа к истине и власти над собой, подчеркивая при этом изменения в представлениях о чтении, письме, слушании и говорении.

В чтении он выявляет две функции чтения - досуг и пища для размышлений. Ссылаясь на Сенеку, он также говорит, что чтения и письмо неразрывно связаны и их необходимо сочетать, так как занимаясь постоянно чтением наши внимание рассеивается и расслабляется, а чтение всегда удручает и придает усталость. П. Адо также говорит о чтении, выделяя ее как отдельную

1 Там же. - с. 185- 395

сферу субъективации[1]. Ссылаясь на Сенеку, М. Фуко выделяют следующие правила чтения:[2]

Во-первых, не следует читать много. Читать надо не всех авторов, которых встречаешь на своем пути, но также, не надо читать и все произведения, даже если вы и сумели найти очень талантливого или популярного писателя. Очень важно при прочтении помнить о том, что необходимо выбирать лишь самые важные мысли, самые интересные для читателя – то есть выбирать определенные главы, книги или абзацы. Здесь формируется так называемая практики пересказа, т.е. форма изложения и пересказа, которая используется в современных образовательных программах разного уровня. Это правило подчеркивает, что чтение в большим количествах вредно в том смысле, что может увлечь внимание читателя и навязать свою логику, свою истину, поэтому необходимо тщательно обдумывать прочитанное и не увлекаться долгим ”впитыванием”.

Во-вторых, в момент чтения надо помнить, что основная цель книг – давать повод к размышлению. Не глубокое проникновение в учение, не знакомство с самим автором является главной задачей, а научится обдумывать, запоминать и систематизировать полученные знания. Здесь формируется практика антологий, т.е. пересказов больших объемов информации с помощью систематизации её небольших элементов. Такая форма обучения была распространена как в античности , так и в христианской практики (где большую популярность конечно же приобрела практики заучивания).Это правило работает вместе с предыдущим и указывает на то, что работа над собственными мыслями важнее, их обработка и систематизация важнее, чем дословное запоминание — изменение, которое постигло эту практику в Средние века.

Говоря о культуре письма, Фуко часто обращается к Эпиктету. В его сочинениях он выделяет три основных функции чтения.

---

1 Адо, П. Духовые упражнения и античная философия / Пер. с франц. В.А. Воробьева. М.; Спб.: Изд-во ”Степной ветер”; ИД “Коло”, 2005. – 448 с. - с. 52 - 65

2 Фуко, М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982-1983 году / М. Фуко: Пер. с фр. А.Г. Погоняйло. – СПб.:Наука, 2007 – 677 с. - с. 384

Первая функция заключается в продолжении, закреплении и реактивации чтения через письмо. Чтение и письмо тесно связаны между собой в античной культуре, которая базировалась, во многом, на комментировании друг друга и переписках между друзьями, будь они учениками или наставниками. Записывая собственные размышления о прочитанном или особенно трудные для понимания части текста, мы формируем целый ряд заметок, на которые потом необходимо обращать внимание, как в ходе беседы с другими людьми, так и по мере своего собственного роста, возвращаясь в темам, которые ранее вызывали проблемы. Записывая — мы обрекаем себя на дальнейшее прочтение, а читая — обязуем себя на дальнейшие записи.

Вторая функция – это сохранение мыслей на письме для их дальнейшего обсуждения с самим собой (через внутренний диалог) или с другими (для эпикурейцев – с друзьями, для стоиков или ранних христиан – с наставниками). Запись своих мыслей помогает разобраться в собственных мыслях, в том, о чем думаешь. По-гречески, ведение записей после чтения или после беседы называется hupomnemata, что означает “опора для памяти”. Если чтение собирает logoi речь, то письмо собирает corpus знаний, которое известно нам по примерам Corpus Platonicum или Hippocratic Corpus.

Третья функция – духовное общение. Обмен политическими новостями в переписках многих мыслителей занимает немало места, гораздо больше чем библиографические элементы. Духовность переписки заключается в обмене насущных проблем и передаче друг другу советов, а также в повторении записываемых мыслей самому себе, постоянное напоминание. Таким образом, не только через выстраивание модели наставник - ученик, но и через переписку, каждый человек становится сам себе наставником, обеспечивает руководство над самим собой, лучше запоминая записываемое (снова вторичное упражнение памяти). Более того, у греков был принят соревновательный характер переписки, в ходе которой выяснялось, кто ближе всего добрался до истины и кто дальше зашел в пути добродетели.

Видно, что письмо в наибольшей степени стимулирует самость и саморазвитие, указывает на субъективацию и необходимость заботы о себе. Первые две функции - реактивация чтения и обсуждение мыслей с самим собой — нацелены на то, чтобы замыкать чтение и письмо на самом себе. Наиболее интересной представляет третья функция — духовное общение. Большая часть переписок служат не обычным способом общения с другим человеком, а формирование такого потока мыслей, который не имел бы авторства. Переписка составляет текст, который призван для обоих служить и напоминанием и соревнованием, при этом соревнование ведется не с тем, с кем идет переписка, а с самим собой. Эта идея, безусловно, привлекала Фуко потому, что он как находился в поиске новой формы субъективности, которая бы исключала бинарность субъекта и объекта. В такой переписке как раз и снята проблема разделения ролей на наставника и ученика.

Парные элементы греческой и римской культуры – слушание и говорение, чтение и письмо – активно используются в сфере заботы о себе и практики себя. Интеллектуальная сфера для античности не менее, а для философско-религиозных течений, была более важной, чем физическая. Для Фуко, эти четыре направления интеллектуального развития также, как и три направления физического, составляют комплекс стратегий по осуществлению власти над собой. Если в области физического самосовершенствования человек должен был заботиться о своем теле, то область интеллектуального — о разуме. Осталась лишь третья сфера — сфера совершенствования души — которая занимала особое положение в античной философии и культуре и потому обладает гораздо более широким спектром техник.

В имперскую эпоху, пишет Фуко, аскетика как духовная практика т.е. преобразование себя, включала – медитацию, воздержание, размышление о смерти, размышления о грядущих бедствиях, испытание сознания. В тоже время гностицизм, т.е. проблема познание себя уже не занимала первое место. Традиции христиан и некоторое культурное влияние востока, чьи духовные концепции, как правило, исключают гностицизм, привели к переключению духовных практик

исключительно на вопросы самосовершенствования (или заботы о себе, если вам угодно). Можно сказать, что, начиная с имперского периода, практики себя стали уже некими сводами правил, целыми комплексами, упражняясь в которых человек мог достичь определенных пределов своего совершенства.

Самые первые и общие техники и практики себя формировались наряду с углублением философской этической мысли времен античности. Фуко подчеркивает, что нарастающее философское знание трансформировало эти техники, и некоторые из них становились более частными. Таким образом, составляя общий список техник, которые Фуко упоминает в своих лекция и работах, мы получим следующий список практик себя:

1) Обряды очищения
2) Техники отрешения \ выносливости или концентрация души
3) Техники испытания
4) Техники обращения на себя
5) Досмотр души \ досмотр сознания
6) Упражнение по разложению на составные части
7) Упражнение по предвещающему размышлению о зле
8) Упражнение последнего дня

Для чего необходимо было Фуко рассматривать эти практики и насколько их необходимо принимать во внимание в контексте концепции власти? Во-первых, эти упражнения рассматриваются Фуко не только как техники субъективации, но и как практики позволяющие получить допуск к истине и власти. Во-вторых, эти упражнения сами по себе представляют целый комплекс действия по подрыву власти, сопротивлению различным макроструктурам власти и их дисциплинарным механизмам, сопротивлению власти, как любому влиянию извне или воздействию на человека со стороны самых разных внешних факторов. Их необходимо рассмотреть для того, чтобы понять их место в той системе

микрофизики власти, которую конструировал Фуко в поздний период своего творчества.

Большая часть упражнений практиковались стоиками, но многие техники были позаимствованы ими из текстов Платона, учений пифагорейцев и часто пересекались, а иногда и расходились, с практиками эпикурейцев.

1) Обряды очищения. Использовались греками для того, чтобы подготовить себя ко сну или другим религиозным обрядам, будь то жертвоприношение, поход к оракулу или бракосочетание. Практика очищения использовалась как подготовительный этап перед встречей с богами, в какой бы то не было ситуации, или приобретение некого одобрения богами. Поскольку для того, чтобы боги были благосклонны к человеку, необходимо быть чистым в своих помыслах и действиях своей души.

Обряд очищения чаще всего встречается у пифагорейцев, как обязательное приготовление ко сну. Так как соприкосновение с потусторонним, божественным и истинным миром происходило согласно их учениям только во сне, необходимо было очиститься, так как дешифровка сна не должна быть чем-либо искажена (например, дурными помыслами). Очищения обычно достигалось с помощью слушанья музыки или вдыхания благовоний, а также использовали досмотр сознания, о котором будет сказано ниже.

Фуко не делает большого акцента на данном упражнении, и оно не является необходимым для рассмотрения связи между субъективацией, истиной и властью, поэтому оставим его здесь только для полноты анализа.

2) Техниками отрешения (или воздержания, выносливости) пронизана вся античная литература, или, по крайней мере, вся философская литература этого периода. В качестве примера техники испытания можно взять небольшой отрывок Плутарха: “утро начинается с долгих, трудных, утомляющих физических упражнений, цель которых — вызвать аппетит. И как только с этим покончено, велят накрыть роскошные столы и подать чрезвычайно обильный завтрак, состоящий из самых соблазнительных блюд. Испытывающий себя садится перед ними, смотрит на них, погружается в размышления. Затем зовет рабов. Он отдаст

завтрак рабам, а сам довольствуется крайне скудной пищей, той, что обычно едят рабы”. Подобные техники, которые описывались одним из собеседников в сочинении Плутарха, судя по всему пифагорейцем, уже тяготеют к средневековой аскезе. Однако мы уже отмечали выше, что цели подобных аскетических упражнений были противоположны.

Это упражнение в меньшей степени связано с осуществлением власти, но помогает человеку в складывании себя как субъекта. Техники самоограничения получили большее распространение в христианской практике, которые использовались, к примеру, монахами-отшельниками. С другой стороны, призывы поститься в христианстве, уже не носили такого добровольного характера и могут рассматриваться как объективация власти, то есть использование техник отрешения (от еды, роскоши, барка) для процесса превращения человека в объекта власти.

3) Техника испытания и техника воздержания имеют, по словам М. Фуко, отличительные черты. Во-первых, испытание всегда задается вопросом познания себя – где я нахожусь сейчас и кто я и где я окажусь после испытания и кем я могу стать. Во-вторых, всегда предполагает осознанную и целеполагающую деятельность, т.е. человек, в отличие от ежедневного воздержания, осознает конкретную цель, которой он хочет достигнуть в ходе испытания. В-третьих, испытание всегда помогает выработать такой способ поведения человека, который пригодится и будет полезным в жизни – помогает выработать форму жизни. Примером испытания может служить испытание-договор с самим собой, который обеспечивает продвижение к намеченной цели и вместе с тем, служит его мерой. Плутарх предлагал заключать с собой договор – не гневаться в течение 30 дней, или отказаться от выгоды на 2 недели.. Цель такого испытания – доказать себе, что можно обходиться без чего-либо определенный, длинный срок времени, а, если возможно отказаться на 30 дней от чего-либо, можно отказаться и вовсе.

Также, подобные упражнения, которые закаляют не только волю или укрощают пороки человек, встречаются в описаниях “неподвижности и покоя души” в “Федоне”. Обретение душевного и телесного покоя, гарантия стойкости

души через стойкость тела, отрешение от мира, в том смысле, в котором мир может принести нам различный вред (будь то холод или зной, голод или болезни) – все это результат концентрации души на самой себе. Образ Сократа, который стоял день и ночь, как столб, босой на снегу, не реагируя на окружающий мир – это состояние anakhoresis (др.-греч. отшельничество), состояние уединения души. Один из примеров уединения души можно отыскать в “Размышлениях” Марка Аврелия, довольно длинный пассаж является наставлением по тому, как необходимо уединиться в себе, например: “В любой момент ты можешь удалиться в самого себя…среди истин заметь особенно две.…Во-первых, вещи не касаются души…Во-вторых, все что ты видишь, подлежит изменению и вскоре исчезнет…Мир – изменение, жизнь – убеждение. Самое тихое и безмятежное место, куда человек может удалиться – это его душа…Почаще же разрешай себе такое уединение и черпай в ней новые силы”.[1] (добавить, Фуко, стр. 62)

Особые техники воздержания и выносливости можно встретить у Мусония Руфа. Он разделяет упражнения на те, что для души и те, что для души и тела одновременно. И те и другие, по его словам, помогают выработать несколько добродеятелей – это мужество (andreia), умение умерять порывы (sophrosune).[2] Платон, в своих “Законах” упоминает о развитии стойкости и самообладания через гимнастику.[3] В отличие от платоновских текстов, у Мусония Руфа ставка делается на развитие тела терпеливого, а не тела атлетического. Важно также и то, что Сенека добавляет мысль, согласно которой, воздержания и испытания не должны пронизывать всю жизнь человека, а использоваться им иногда, лишь для поддержания своей души и тела в хорошей форме. Это безусловно является полной противоположностью будущей форме воздержания, которая проникнет в христианские практики.

---

1 Аврелий, М. Наедине с собой. – М.: 2011 - 384 с. – Книга IV

2 Фуко, М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982-1983 году / М. Фуко: Пер. с фр. А.Г. Погоняйло. – СПб.:Наука, 2007 – 677 с. - с. 462

3 Там же.

Здесь Фуко, главным образом, делает ставку на соотношение власти и этики. Субъективация пронизана выработкой добродетелей. Добродетели сами по себе суть истина. Следовательно, очевидна связь между субъективацией, истиной и власть. Развитие собственных добродетелей приводит к истиной власти.

4) Обращение на себя. Довольно сложная и достаточно разностороння для понимания техника, которая, тем не менее, упоминается на протяжении всей античности. М. Фуко, довольно много внимания уделяет этому понятию. В действительности, различные метафоры и образы обращения человека встречаются в работах Платона, Сенеки, Марка Аврелия, Эпиктета, Плотина. У Платона есть термин – epistrophe – который обозначает сразу три вещи – призыв к тому, что бы человек отвернулся от видимости; призыв к тому, чтобы человек признал свое незнание и занялся собой, т.е. повернулся к себе; призыв к тому, чтобы человек вспомнил себя (более подробно можно рассмотреть теорию припоминания Платона); и, наконец, вернулся на родину, к первоначалу.

М. Фуко подчеркивает, что в более поздние, эллинистический и римский периоды, тема обращения несколько изменилась. В эти периоды речь, во-первых, идет уже о том, что человек должен повернуться не от одного мира, к другому, а в рамках одного лишь мира, отвернуться от того, что от него не зависит (тема стоиков). Во-вторых, целью обращения является не освобождение тела от души (и наоборот), а обретение более цельного и адекватного отношения к самому себе. В-третьих, окончательной целью epistrophe, как и всей заботы о себе в этот период, становится не статическая цель - познание себя, а длительный, жизненный процесс тренировки, аскезы и упражнений над собой. У эллинов такие практики уже приобретают другие названия - askesis или convertere ad se.

Также, французский философ упоминает переход этого упражнения и в христианскую практику, в которой она сильно искажается. В III-IV веках для обозначения христианского обращения, используется термин metanoia. Однако, стоит посмотреть, чем отличается христианская и эллинистско-римская metanoia. Христианская metanoia призывает к освобождению в виде разрыва, к отказу от самого себя перед Богом, в том время как эллинистическо-римский подход,

metanoia призывает к освобождению как к исправлению себя, бегства от рабства, к трансформации самого себя. Во-вторых, если в христианской традиции взор человека должен быть направлен к Богу, а эллины и римляне считали, что взор нужно направлять на себя, удерживать взгляд на себе, смотреть на самого себя.(отсюда множество выражений у Сенеки и Марка Аврелия – blepe se, observa te, se respicere) В-третьих, христиане предполагают некую остановку в самосовершенствовании и ожидания изменений лишь сверху, если на то будет воля Бога, в то время как эллины и римляне говорили о том, что надо идти самому и лишь к одной цели - к самому себе.

Упражнение обращения на себя включает в себе два компонента. Во-первых, это обозначает отвернуться от других - повернуться спиной к ежедневной суете, перестать интересоваться другими, сдерживать свое любопытство приобрести безмятежность и спокойствие по отношению к ежедневной рутине и быту. Во-вторых, это означает то, что необходимо концентрироваться на чем-то конкретном и полезном. К примеру, Плутарх, в своем сочинении “О любопытстве”, выделяет три сферы, на которые действительно стоит обращать внимание – это тайны природы, это история и это спокойной, жизненной миросозерцание.[1] Эти три сферы не обязательны для каждого, но лишь показывают пример того, как четко человек должен расставлять приоритеты и конкретизировать свои жизненные цели и задачи.

Необходимо понимать то, что это упражнение не призывает к разбирательствам и рефлексии в самом себе. Оно призывает к тому, чтобы человек концентрировался на одном конкретном деле, оценивая свои возможности и просчитывая свой путь. При этом, представление того, где находится человек сейчас по отношению к своей цели и каким образом и где он должен находится в скорее – один из самых распространенных образов, которые применяются к этому упражнению. При этом, самой конечной целью этой траектории должно быть само совершенствование человека, т.е. подкрепление

1 Фуко, М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982-1983 году / М. Фуко: Пер. с фр. А.Г. Погоняйло. – СПб.:Наука, 2007 – 677 с. - с. 247

своей субъективации, позиционировании себя и истины для большего допуска в власти и сопротивление власти[1].

5) Следующая техника – это досмотр души. Это упражнение также можно увидеть в других значениях. К примеру, у пифагорейцев, которых считают авторами этой техники, встречается название - досмотр сознания, а Мусоний Руф - стоик времен имперского периода- называет это упражнение по самоконтролю.

Как правило, досмотр души производился два раза в день – утром и вечером. У пифагорейцев досмотр души, в вечернее время, необходим для того, чтобы перед сном очиститься от дурных мыслей и вынести суждение о том, что было сделано за день. Стоики уже разделяют это упражнение на утреннее и вечернее, каждое из которых дополняет другое. Утренний вариант предполагает, что необходимо перебрать в голове все, что ты собираешься сделать за день, какие обязательства выполнить, с кем встретиться, какие делать сделать и какие могут быть препятствия на пути к их осуществлению. Вечерняя же процедура принуждает нас к тому, чтобы перед сном, в тишине и покое, можно было сосредоточиться на то, что было сделано за день, какие цели достигнуты были, а какие нет, выяснить причины успеха или провала.

Это упражнение можно встретить и у Сенеки, который говорил: “каждый вечер я гашу светильник и, когда умолкнет жена, собираюсь с мыслями и придирчиво разбираю весь день” или, также: “время от времени надо разворачивать перед собой свиток собственной жизни и минувших времен”.[2]

Таким образом, утренний досмотр заключается в том, чтобы ставить перед собой цели и задачи, продумывать используемые средства. Это в очередной раз подчеркивает направленность данных упражнений на укрепление субъективации. Вечерний досмотр подводит итоги, дает оценку и является, в дополнение ко

---

1 Yates, C. Stations of the Self: Aesthetics and Ascetics in Foucault’s Conversion Narrative. - Foucault Studies, 2010. - No. 8. - pp. 78-99

2 Фуко, М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982-1983 году / М. Фуко: Пер. с фр. А.Г. Погоняйло. – СПб.:Наука, 2007 – 677 с.- с. 185

всему, упражнением памяти. Видно, что предлагаемые практики непосредственно связаны с различными сфера самосовершенствованиями, описанными выше.

6) Упражнение по разложению на составные части. Для полного понимания сути этого упражнения, надо обратиться к весьма большому пассажу Марка Аврелия, который анализируется как М. Фуко так и П. Адо, в котором он подробно говорит, как необходимо смотреть на вещи для их разумного познания и принятия[1]. По сути, это упражнение предстает перед нами как прообраз современного общенаучного анализа, который применяется в различных дисциплинах. Если выделить по пунктам метод анализа Марка Аврелия, то он будет выглядеть так:

- Описать и определить предмет. При этом необходимо отделять условности и иллюзорные предубеждения об этом предмете, для того, чтобы увидеть его в “чистом” виде, обнаженными и без примесей.
- Мысленно разложить предмет на составные части. Здесь Марк Аврелий говорит о возможности разделения предмета по количественному признаку (на несколько вещей) и по качественному признаку (на составные части единого целого). Чем более мелкие детали мы получим в конце, тем боле правильным будет наш взгляд на предмет.
- Произнести название предмета и запомнить его. Здесь важна сама вербализация имени, которое мы даем предмету – она позволяет лучше запомнить все то, о чем человек размышляет, подвергая анализу тот или иной предмет. Функция памяти также присутствует здесь и играет немаловажную роль – необходимо не только изучить, но и запомнить.
- Определить значимость или ценность предмета. Ценность, связь с миром, значение для граждан и для себя самого – этот ряд синонимов подводит нас к тому, чем должно завершаться это упражнение. Основной целью, помимо тренировки ума, является разоблачение различных вещей, с которыми человек может столкнуться в природе и в каждодневной жизни.

---

1 Там же. - с. 318

Очевидно, что это упражнение одновременно предназначено как для развития интеллектуальных качеств, так и для духовных. Именно заключительный этап этого упражнения приводит нас уже к духовному аспекту этого упражнения. М. Фуко берет принцип этого анализа для того, чтобы охарактеризовать и наделить смыслом три других, более частных упражнения, которые предлагает Марк Аврелий. Это упражнение по темпоральной декомпозиции, упражнение по разложению на составные части и описательная редукция[1]. Говоря о темпоральной декомпозиции, Марк Аврелий отмечает: “Такие изображения, доходя до самых вещей и проникая в них, дают возможность увидеть, каковы они на самом деле…если какие-либо вещи кажутся нам, безусловно заслуживающими нашего одобрения, следует обнажить их, прозреть всю их суетность и устранить ореол, придаваемый им россказнями”.[2] Это упражнение представляет собой разоблачение иллюзорности, разрушение различных мифов и предубеждений, которые касаются того или иного предмета. Используя метод анализа каждой вещи можно дойти до самой сути, понять её внутреннюю природу и тем самым оценить их по достоинству. Сохранить господство над собой, не быть подверженным чарам, сохранить собственную свободу – вот основные цели. “Что я такое? Я — плоть, дыхание, разумное начало Как плоть, что я такое? Я — грязь, кровь, кости, нервы, жилы, артерии” и т.д.[3]

Разложение на части преследует схожую цель, но использует метод аналитического разделения. Разделить предмет на составные части, увидеть мельчавшие его элементы для того, чтобы не боятся и не поклоняться этому предмету, избегать всяких ошибочных суждений. У Марка Аврелия можно встретить множество примеров умаления значимости предметов: “Что такое пурпурная полоса на знаменитой латиклавии, предмет зависти для столь многих?

---

1 Фуко, М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982-1983 году / М. Фуко: Пер. с фр. А.Г. Погоняйло. – СПб.:Наука, 2007 – 677 с. – с. 328; Аврелий М. Наедине с собой. – М.: 2011 - 384 с. – Книга XI

2 Аврелий, М. Наедине с собой. – М.: 2011 - 384 с. – Книга VI

3 Там же. – Книга II

— Шерсть и краска. Что такое шерсть? — Это волосы овцы. Что такое краска? — Кровь, кровь улитки…”.[1]

Описательная редукция или описание с целью умаления значимости, лишения величия путем детального описания. Эта техника более проста, упражнение состоит в том, чтобы составить по возможности более точное и детальное представление о ком-то и с его помощью лишить его ореола, видимости величия, создаваемой окружением, убрать украшения, которые могут привлечь к нему или внушить страх.

Таким образом, в интеллектуальных упражнениях просматриваются результаты, которые влияют на субъективацию через духовное самосовершенствование. Вполне возможно, что это упражнение было бы ещё более актуальным в современном мире, где информационное пространство, идеологии, религии, политические игры запутывают и вводят человека в такое состояние, при котором он не может позволить себе сделать осознанный и взвешенный выбор. Идеологии навязывают идеалы, информационное пространства тотально контролируется сверху, религии (в средние века) навязывались насильно, политическая сфера наполнена различными уловками и т. д. Выстраивание какой-либо субъективации в таких условиях невозможно, в то время как это упражнение призывало к анализу всех вышеперечисленных властных эффектов.

Фуко настаивает, что “метод, предложенный Марком Аврелием, целиком и полностью меняет нашу оценку предметов и событий человеческой жизни. Обычно, когда люди хотят что-либо оценить, они применяют систему чисто человеческих ценностей, зачастую унаследованную от традиции, искаженную страстями. Это то, что Марк Аврелий называет tupbos, т.е. раздутостью мнения”.[2]

7) Одно из самых распространенных и интересных упражнений является так называемое предвещающее размышление о зле (Preliminario malorum). Эту

---

1 Там же. – Книга VI

2 Адо, П. Духовые упражнения и античная философия / Пер. с франц. В.А. Воробьева. М.; Спб.: Изд-во ”Степной ветер”; ИД “Коло”, 2005. – 448 с. - с. 139

особую технику практиковали в основном стоики, и, особенно в имперский период, она была также наиболее популярна и часто встречалась у Цицерона, или неоплатоников.

Понимание этой техники кроется в том, как в античные времена, особенно стоики и эпикурейцы, относились ко времени. Для обоих этих направлений – настоящее время, настоящий момент – является главным и наиболее необходимым для человека. Будущее для них - лишь туманные предсказания и мечты, а прошлое – пережитый опыт, который не отпускает человека в дальнейшее странствие, но, тем не менее, дает человеку возможность преодолевать проблемы легче. Это делает будущее время ненужным, мысли о будущем неразумны, необходимо концентрироваться здесь и сейчас, в этот самый миг на настоящем моменте, или же уходить в прошлое. Человек, сконцентрированный на будущем "пренебрегает памятью, давай поглотить себя беспамятству".[1] Однако, preliminario malorum, интересное упражнение в том плане, что оно, по своей сути, концентрирует внимание на возможном будущем. Это упражнение заключается в том, что необходимо представить себя дурную ситуацию, в которую вы попали. При этом есть ряд правил:

- необходимо представить себе то, что с вами случилось не одно, какое-нибудь ежедневное происшествие, а с вами случилось все, что только могло случиться.
- то, что с вами произойдет – произойдет непременно, этого нельзя будет избежать, столкновение с бедой неизбежно и нет шансов, что вы избежите вызова судьбы.
- То, что вы представили, произойдет не только непременно именно с вами, но и произойдет именно сейчас, в ту секунду, когда вы размышляете, то есть придется использовать те средства, которыми вы обладаете сейчас и никаких запланированных мер к спасению у вас нет.

---

1 Фуко, М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982-1983 году / М. Фуко: Пер. с фр. А.Г. Погоняйло. – СПб.:Наука, 2007 – 677 с. - с. 507

Эпикурейцы, имея несколько отличную от стоиков концепцию практики себя, считали, что это упражнение несет в себе слишком много негативных рассуждений и разработали аналогичное упражнение, но с концентрацией на благостных воспоминаниях. “Упражнение в avocatio, которое заключается в том, чтобы отвлекаться от представлений или мыслей о зле, стараясь, напротив, думать о приятных вещах, которые ожидают нас если не сегодня, то завтра; и упражнение в revocatio, наоборот, предохраняющее и защищающее нас от несчастий, или, якобы, зол, которые могут нам угрожать, с помощью воспоминаний о наслаждениях, которые мы когда-то испытали”.[1]

Такие алгоритмы размышлений должен использовать человек, упражняющийся в preliminario malorum. Чем интересно это упражнение? Не смотря на то, что вопреки античной культуре, это упражнение, казалось бы, нацелено на будущее, необходимо понимать, что на самом деле оно призывает к концентрации на настоящем. Речь идет о том, что человек, представляя будущее, помешает его в настоящее и тем самым, по словам М. Фуко, отменяет будущее. Иными словами, в отличие от упражнения по досмотру своего сознания, где мы конструируем свою реальность, здесь, мы используем некий антиконструктивизм, т.е. производим некую редукцию реальности.

Таким образом, это упражнение нацелено на то, чтобы выработать у человека привычку быть всегда ко всему готовым, ничего не удивляться и рассчитывать только на самого себя. Все это является частью взращивания себя как субъекта, который будет независим не только от каких-либо политических структур, но и сможет противостоять власти страха, зла, лести и т.д.

8) Melete thanatou или упражнение последнего дня – это крайняя форма рассуждения о зле, т.е. предыдущего упражнения. Тема смерти являлась одной из ключевых в античной культуре. С помощью мысли достичь вершины зла, т.е. смерти – вот цель этого упражнения. Для Фуко это упражнение также занимает наибоеле высокое положение, поскольку, стимулирует субъективацию до уровня,

1 Там же. - с. 508

при котором человек становится независим даже при угрозе смерти. Особенно важным это было в сочетании с техникой парресия.

“Размышления” Марка Аврелия пропитаны размышлениями о смерти, за что очень часто его творчество рассматривается как пессимистическое, а фигура императора-философа представляется многим людям человеком, который имеет множество психологических проблем. Однако, по мнению П. Адо, упражнение последнего дня занимает особое место в античной культуре, его часто рассматривают как одно из наиболее важных не только для философов, но и для тех, кто хочет иметь господство над самим собой[1]. Это особая форма познания себя, особенный взгляд, который человек направляет сам на себя с точки зрения смерти. Это упражнение можно смело называть упражнением последнего дня, поскольку среди стоиков, прожить день с установкой на то, что он последний в твоей жизни – очень частый сюжет. К примеру, XII письмо Сенеки[2], в котором он предлагает Луцилию прожить свой день так, будто он последний в его жизни, ссылаясь на то, что подобно закату дня или концу любого времени года, клонится к концу и каждый день и жизнь каждого человека. Марк Аврелий и вовсе рекомендует проживать каждый день своей жизни как последний.

М. Фуко выделяет две особые функции этого упражнения. Во-первых, это упражнение позволяет взглянуть на жизнь сверху вниз, мысленно прервать ход занятий и течение жизни Том миг, который человек запечатлеет, позволит ему понять всю ценность и правильность (или неправильность) своих действий, поступков и т.д. В момент, когда человек осознает, что этот день последний и его застали за определенным делом (как говорит Эпиктет: “Земледельцы – земледелием, мореплаватели – мореплаванием и т.д.”[3]) – он сможет по достоинству оценить свое занятие.

---

1 Адо, П. Духовые упражнения и античная философия / Пер. с франц. В.А. Воробьева. М.; Спб.: Изд-во ”Степной ветер”; ИД “Коло”, 2005. – 448 с. - с. 41 - 52

2 Сенека. Нравственные письма к Луцилию. / Пер. с лат. С. Ошерова. – М.: АСТ: Астрель, 2012. – 408 с.- Письмо XII

3 Эпиктет. Беседы / Перевод с древнегреческого и примечания Г.А. Тароняна. Москва: Издательство «Ладомир», 1997. - 269 с. 162-163

Во-вторых, и тут имеется несколько иной ракурс, упражнение позволяет окинуть жизнь ретроспективным взглядом. Здесь уже происходит не остановка времени и не моментальный снимок жизни человек, а охват всего того, что было сделано за жизнь и объективная оценка всего того, что было совершено и что было достигнуто. (Сенека: ”Смерть покажет, чего я достиг, ей я и поверю”.[1])

Таким образом, взгляд на себя в настоящий момент и ретроспективный взгляд на себя используется для наиболее правильного и адекватного оценивая своего поведения и деятельности – главная цель этого упражнения. Возвращаясь к примеру с советником и государем, можно отметить тесную связь этого упражнения с темой парресии.

Необходимо также добавить, что основными чертами всех упражнений является добровольность и самодисциплина. Современному человеку, благодаря выработанным технологиям власти, дисциплинизации внутри институтов и т. д. не хватает этих черт. Современный человек, хоть и обладает целым рядом свобод и широким полем свободного взаимодействия с окружающим миром, находится в неком дисциплинарном поле, гораздо более сильном, чем в античную эпоху. Воля к жизни, или воля к власти, у античного человека гораздо сильнее, чем у современного индивида. Самодисциплине уделялось также очень большое внимание, особенно в имперский период античности (что тесно связано с историей и особенностями Римской Империи), однако, нельзя сказать, что сейчас ситуация схожа. Античный человек, практикующий «заботу о себе», обладал гораздо более сильным осознанием себя как субъекта. Современный человек, во многом, дисциплинирован благодаря юридической власти закона и карательной властью различных исправительных учреждений, в то время как организация античного общества во многом полагалась на нравственность и духовное и культурное развитие человека. Фуко утверждает, что какое бы давление ни оказывал полис, как бы ни важна была идея закона (nomos - обычай, закон), как бы глубоко ни проникла религия в греческое мышление, ни политические

1 Сенека. Нравственные письма к Луцилию. / Пер. с лат. С. Ошерова. – М.: АСТ: Астрель, 2012. – 408 с.- Письмо XXVI

структуры, ни законы, ни требования религии никогда не могли диктовать греку или римлянину, но прежде всего греку, как он должен поступать в тех или иных жизненных ситуациях... Человеческая свобода находит место для грека не только или не столько в полисе, не только или не столько в законе, не в религии, но в этой самой tekhne (в этом искусстве самого себя), практикуемой на себе самой.

Итак, рассмотренные выше упражнения (техники, практики) культуры себя – представлялись интересными для Фуко в той мере, в какой решали поставленные им задачи. В первую очередь — очертить некую теорию субъективации, которая бы могла стать противовесом представлениям о субъекте власти, которые Фуко не устраивали. Самосовершенствование в трех сферах – тело, разум и душа – это триада, на которой концентрируется большая часть философского учения античной эпохи – это некий способ конструирования «субъекта истинного знания и правильного действия». Истина становится целью, а совершенствование самого себя через различные практики - динамическим процессом, который можно было бы назвать субъективацией.

Во втору очередь, Фуко, изучая эти практики как способы субъективации, хотел указать на тот резкий переход, который был совершен западным обществом на стыке античной и средневековой этапов своего развития. В своих исследованиях Фуко указывает более точное время – период институализации христианства, когда техники, которые были описаны выше и предназначенные для субъективации, были переняты церковью и использованы для объективации людей. Из техник, предназначенных для складывания мужественного и справедливого субъекта, появились техники пригодные для взращивания смиренного и богобоязненного человека-объекта. Можно также предположить, поскольку сам Фуко не продвигался столь далеко в своих генеалогических исследованиях субъективации, что эти техники объективации также были переняты у церкви государством-нацией, которое установилось примерно на стыке ослабления западнохристианской церкви и усиления королевской власти. Эти техники объективации в целом и сформировались как репрессивный и дисциплинарный механизмы власти, которые до сих пор актуальны для

современного западного общества и которые исследовались Фуко в ранний период творчества, обозначаемый как этап анализа макрофизики власти.

Возвращаясь непосредственно к вопросу о соотношении субъекта и власти, необходимо отметить, что для Фуко – и субъект и объект представляется как результат осуществления самых различных технологий и практик как подчинения, так и сопротивления власти. Таким образом, после детального анализа античных практик субъективации, которые были ключевыиы для позднего М. Фуко, можно сказать, что философ объединяет, смешивает субъект и объект власти (оператор и клиент власти срастаются), их функции и значение во властных отношениях.

Необходимо сделать небольшое отступление для того, чтобы прояснить разницу между понятиями знание, дискурс и истина, которые являются своеобразным мостом в философии М. Фуко между субъектом и властью.

Возвращаясь к анализу власти на уровне макрофизики, то есть к рассмотрению осуществления политической власти, необходимо вспомнить дисциплинарные институты, которые создают своеобразное дисциплинарное пространство. Это пространство внутри тюрьмы, казармы, больницы, психиатрической лечебницы, школы и т.д. По мере того, как люди пребывают в подобных институтах, они находятся под влиянием некоторого числа правил и системы наказания за нарушения этих правил. Суть дисциплинизации состояла в том, чтобы подчинять людей правилам внутреннего распорядка, т.е. соблюдать определенную дисциплину. В пространстве таких учреждений человек фактически лишается свободы и становится объектом, а не субъектом власти. Начинается эпоха нормализации, то есть того времени, когда норма становится принципом принуждения. Контроль над людьми начинает происходить за счет сравнения и выяснению соответствия конкретного индивида заданной норме. Для того чтобы раскрыть некоторые тонкости подобной механики власти М. Фуко

вводит концепт “власть-знание”[1]. Как уже говорилось в предыдущем параграфе, дисциплинизация является лишь одним из уровней макрофизики власти в ходе которой происходит объективация человека. На уровне дисциплины происходит некий синтез власти и науки. Власть, подобно науке начинает формировать некий объект познания и им становится человек дисциплинарного типа. “Власть-знание” – это особый тип знания, который определен властными институтами и развивается посредством сбора сведений о людях как об объектах. Сбор данных происходит через регистрацию, статистику, наблюдение, эксперименты, систематизацию и категоризацию всех полученных данных. Можно сказать, что из античного представления о власти как искусстве управления людьми, в Новое Время, то есть во время появления дисциплинарной власти, власть стала наукой об управлении, со всеми присущими ей качествами. Режимы власти-знания выстраиваются из мириад локальных очагов. Фуко описывает такое выстраивание не как кумулятивный эффект, а как выявление единой «силовой линии»: «ни одна стратегия не может иметь глобальных эффектов, если она не поддерживается скрытыми отношениями, которые не являются ее аппликациями или следствиями, но основой и точками укорененности»[2]. Определяя конкретные формы осуществления властных отношений (социальную практику), режимы власти-знания остаются зависимыми от тех изменений, которые происходят на уровне локальных очагов. Режимы власти-знания всегда имплицируют контрвласть, сопротивление, влияющее на сами эти режимы. Контрвласть всегда имплицируется режимами власти-знания и, опираясь на локальные очаги власти-знания, способна трансформировать господствующий режим власти и иерархию знания. Некоторые исследователи считают, что концепт власти-знания сопровождает работы Мишеля Фуко во всех периодах его творчества, хоть и имплицитно.

---

1 Фуко, М. Власть и знание // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. С. Ч. Офертаса под общей ред. В. П. Визгина и Б. М. Скуратова. — М.: Праксис, 2002. — 384 с. - с. 278 - 303

2 Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко. М.: Магистериум Касталь, 1996 - 446 с. - с. 132

Данная механика власти не могла напрямую быть связана с государством, иначе, его неминуемо ожидал бы крах. Институты дисциплины являлись встроенными по отношению к государству, но не могли с ним отождествляться, что позвонило этим институтам работать с людьми как с объектами власти и знания. Особенно ярко это проявлялось в медицинской сфере и в сфере педагогики. В пространстве госпиталя человек мог по желанию или принуждению быть подвергнут процедуре осмотра, таким образом, сделав тело человека объектом знания, после чего, все обнаруженные данные тщательно записывались, сохранялись, документировались, регистрировались симптомы болезни, их протекание, методы применённого лечения, результаты и т.д. То же самое происходило и в пространстве школы, но уже посредством экзамена. Если раньше власть сама демонстрировала себя через пышные балы и карнавалы, через гербовую символику, символическое тело монарха и т.п., то теперь ситуация перевернулась. Теперь, именно в ходе экзамена, человек обязан был сам показать себя, проявить свои особенности, отклонения от нормы или соответствия им. Результаты каждого экзамена фиксировались, оценивались, сравнивались, документировались и систематизировались и т.д.

Так действовали все дисциплинарные институты, которые обслуживали широкие слои общества – сироты, инвалиды, заключенные, больные, психические больные, бездомные и другие социальные группы не соответствующие норме. Здесь М. Фуко делает акцент на индивидуализации, уточняя: “В тот момент, когда совершался переход от исторически-ритуальных механизмов формирования индивидуальности к научно-дисциплинарным, а «норма» заняла место «предка», а мера соответствия норме – место статуса, когда место индивидуальности человека известного заняла индивидуальность человека вычислимого, в этот момент и стало возможным формирование наук о человеке, ибо именно тогда была запущена новая технология власти и новая политическая анатомия тела»[1]. Иными словами, когда центр тяжести власти перетекает из суверенного типа власти в

1 Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. Пер. с фр. М.: "Ad Marginem", 1999. - 479 с.- с. 195

дисциплинарный, как отмечает Фуко, человек перестал быть объектом описания в истории, превратившись в объект науки, который сравнивается не со своим предком из истории, а стал сравниваться со своим соседом в соответствии с нормальностью. Именно с этого времени, по мнению автора, первый режим работы дискурса, переключился на второй режим.

Так что же такое дискурс? Дискурс - это изобретение человека, которое позволяет упразднить истину онтологического характера и утвердить истину локального характера.

Истина, в ее онтологическом смысле, для М. Фуко не интересна, а для человечества, по его мнению, недостижима. Тем не менее, человек всегда интересовался вопросом истинности слов, поступков, будущего и прошлого, знания и т.д. Человечество всегда обладало знаниями - будь это натурфилософия в античный период или междисциплинарные исследования во второй половине XX века. Единственное, что позволило бы из всей совокупности знаний отделить истинное - это создать некий инструмент, метод верификации или фальсификации. Но, гораздо раньше, чем такой инструмент был найден, политические деятели сумели взять в свои руки контроль над всеми сферами человеческой жизнедеятельности, включая и те, которые производили знания, и, также как и с другими сферами – институализировали ее, придав статус науки и внедрив определенные технологии наблюдения и контроля.

Таким образом, сфера власти стала доминировать над сферой знаний. Власть стала подавлять неугодное знание (или же просто его игнорировать) и выделять и активно поддерживать знания, которые ей выгодно (или которые не мешают). Такое выделение какой-либо части знания из всего знания, накопленного обществом, является дискурсом. Дискурс является локализованной истиной потому, что все, что власть не поддерживает автоматические признается неистинным, но при этом власть располагает механизмами, с помощью которых

можно признать что-либо истинным через целый ряд институтов, в которых эти знания добываются, аккумулируются, сохраняются, регистрируются и т.д. [1]

Необходимо сделать небольшое замечание в связи с таким определением дискурса. Если дискурс, согласно Фуко, это локализованная истина, то это также раскрывает замысел его методологии (об этом частично говорит и Делез[2]). Археология или, как он позже ее назовет, генеалогия, знания – это особый тип выстраивания знаний, который был бы лишен всяческих властных эффектов. Именно поэтому, как указывал М, Фуко, генеалогия не против официальной научной позиции по какому-либо вопросу, а напротив, дополняет его[3]. Это указывает на то, что М. Фуко, неуклонно следуя своей методологии, самым активным образом пытается расширить свое виденье любой исследуемой проблемы и выйти за рамки самого официального дискурса. Парадоксально, но М. Фуко, используя такую методологию в своих исследованиях, пытается избежать тех эффектов власти, которые в ходе своих исследованиях и обнаружил.

Возвращаясь к вопросам об истине, дискурсе и знании. Если знание рассматривать как самое широкое понятие из этой триады и определить как весь накопленный человеческий опыт, а дискурс – как извлеченная из всего знания локальная истина, которая является истинной лишь потому, что власть этого хочет, то остается разобрать подход Фуко к истине. Как уже было сказано ранее, онтологическую истину М. Фуко отвергает и не исследует, но, в своем заключительном творческом периоде, активно исследует вопрос субъекта, истины, и их взаимодействия. Если знания – слишком широкое и нейтральное понятие, а дискурс – это истина, которая призвана объективацией власти, то как встраивается вопрос об истине в тот период творчества Фуко, который называется микрофизическим?

---

1 Фуко, М. Лекции о Воле к знанию с приложением «Знание Эдипа»: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1970-1971 учебном году / М. Фуко. Пер с фр. А.В. Дьяков. - СПб.: Наука, 2016. - 351 с. - с. 231-253

2 Делез ,Ж. Фуко / Пер. с франц. Е.В. Семиной. М.: Издательство гуманитарной литературы, 1998. - 172 с. - с. 41

3 Фуко, М. Нужно защищать общество: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 учебном году. - СПб.: Наука, 2005. - 312 с. - с. 29

В своих ранних исследованиях, посвященных эпистемологии, М. Фуко активно использует подход Ницше к истине, считая его наиболее значимым переломом в восприятии знания, истины и воли к знанию в западной философской традиции, восходящей к Аристотелю[1]. Однако в своем макрофизическом этапе он отходит от этих позиций и возвращается к ним лишь ближе к 80-м годам. В целом, следуя своей ницшеанской ориентации, он убежден, что субъект, в своем стремлении к истине ограничен познанием, то есть наукой, научным дискурсом, а дискурс сам по себя является областью преломления власти. Именно следуя по следам Ницше, он начинает свой микрофизический этап анализа власти с анализа античных практики культуры себя и познания истины, ее изречения, которые еще не были институализированы христианской церковью и позволяли формировать субъекта истины, т.е. субъекта, который может сам себя формировать в соответствии с истиной. С тех пор как эти техники были изъяты христианскими практиками и стали использовать позже государством и его дисциплинарным аппаратом, субъект стал ограниченный допуск к истине, которая стала истиной не онтологической, а истиной локализованной (словами Ницше – изобретенной) в дискурсе.

Что касается эволюции анализа власти, то необходимо сказать, что дробить микрофизический этап на несколько подэтапов, как это было сделано с макрофизическим анализом власти Фуко, нецелесообразно. Дело в том, что его поздний период творчества полностью посвящен проблемам субъективации. Анализ упражнений и практик себя, которые был дан выше, в какой-то степени отражает то, как Фуко находил в них техники сопротивления власти. Эволюция его взглядов на субъективацию как противостояние, подрыв, сопротивление власти, будет состоять лишь в изменении конфигураций этих упражнений. В таком случае, можно обратиться к работе С.С. Хоружия, в котором он разделил все практики себя, описываемые Фуко, на три этапа — платонический,

1 Фуко, М. Лекции о Воле к знанию с приложением «Знание Эдипа»: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1970-1971 учебном году / М. Фуко. Пер с фр. А.В. Дьяков. - СПб.: Наука, 2016. - 351 с. - с. 46-60

эллинистический и христианский[1]. При этом он подчеркивает, что Фуко в большей степени разрабатывал эллинистическую модель практик себя. В каждом из этих этапов эти упражнения будут находить большее или меньшее место и в соответствие с этим можно будет обнаруживать практики сопротивления власти, однако маловероятно это можно назвать полноценной эволюцией стратегии анализа власти в творчестве Фуко. Эту тему можно обозначить как эволюция взглядов Фуко на субъективацию и требует отдельного исследования.

В целом, концепция власти Мишеля Фуко, которая была рассмотрена здесь, предлагает нам эффективный анализ власти и властных отношений, вводя новые категории и делая понятийный аппарат более тонким, позволяя по-иному взглянуть на проблему власти.

Во-первых, если анализ власти раннего Фуко, который во многом базировался на модернистских понятиях, предполагает наличие субъекта и объекта власти, а также некий ресурс, который позволяет им взаимодействовать по формуле “распоряжение-исполнение-наказание”, то поздний этап его анализа власти предполагает использование нескольких элементов, которые существенно меняют всю конфигурацию власти. Помимо оператора власти, который становится чем-то средним между объектом и субъектом власти, а также введения понятия субъективации, в общую концепцию внедряется проблема истины, тесно связанная с таким понятиями как знание и дискурс. В анализ власти также вводится понятие сеть отношений, вместо бинарной связки объект-субъект, которая характерна для модернистского мышления. Это видно по тем примерам взаимодействия людей, которые Фуко обнаруживает в античной философии. Сеть отношений, в которой статус оператора власти зависит от доступа к истине, задает динамику власти, заменяя собой статику власти, которая выражается в формуле “распоряжение-исполнение-наказание”. Иными словами, фукодианский анализ власти полностью меняет понятийный и категориальный аппарат.

---

1 Horujy, S.S.Practices of the Self and Spiritual Practices: Michel Foucault and the Eastern Christian Discourse / S.S.Horujy. - Wm. B. Eerdmans Publishing, 2015. - 207 p. - p.

Во-вторых, в фукодианском анализе власти бинарность субъекта и объекта власти преобразовывается в некий другой элемент, который условно был обозначен как оператор власти. Субъект, которому в модерне присущи черты носителя власти, рассматривается как оператор власти, который наделен иным набором свойств: 1) он использует истину для осуществления власти над объектом 2) он использует истину, чтобы поддерживать свое положение во властных отношениях, а также обладает властью лишь временно, только до тех пор, пока дискурс способен поддерживать его власть. Объект власти также меняет свои характеристики, он как бы сливается воедино с субъектом. Теперь есть только одна действующая фигура внутри сети властных отношений. В рамках фукодианской доктрины этот новый элемент способен и должен оказывать сопротивление, использовать практики неповиновения и освобождения, а также с помощью истины влиять на дискурс, который может быть развернут вовне. Такой ансамбль и игра техник навязывания власти и ее подрыва со стороны оператора власти задает динамику власти.

В-третьих, понятие дискурс, применительно к властным отношениям, приобретает вполне определенный смысл. На уровне макрофизики, то есть при осуществлении политической власти, дискурс работает на оператора власти в двух режимах: в режиме поддержки власти и в режиме влияния на клиента власти. Любой человек, по мнению Фуко, который представляется ему этим самым оператором, может не только сопротивляться дискурсу, но и влиять на него с помощью выстраивания своей субъективации и изречения истины. Это и есть уровень микрофизики власти. Более подробно ее действие будет описано в последней главе данного исследования, при обращении к анализу власти в повседневных практиках, где будут приведены примеры анализа власти на ее границах, то есть там, где места для сферы политического уже нет. Здесь стоит отметить, что понятия знания, дискурса и истины Фуко четко разделяет, придавая именно понятию дискурс наибольшую значимость потому, что он является отражением сферы знания и место регуляции власти одновременно, неким смыкающим звеном между властью и знанием.

Завершая главу, необходимо четко отметить, как протекала эволюция стратегий анализа власти в творчестве Фуко (таблица 3)

Макрофизический этап анализа власти берет свое начало в творчестве М. Фуко в 1971 году и рассматривается им через призму суверенной власти и дисциплинарной власти, чьи черты мы уже отметили. Этап, который будет длиться до 1975-1976 года можно охарактеризовать так: четкое и строгое определение субъекта власти — дисциплинарные институты; концентрация анализа власти на собственно политических институтах; основная механика власти, которая представляется важнейшей для Фуко - дисциплинарно-правовая и биополитическая; центральными элементами анализа становятся пространство и время, а также человек-тело как продукт взаимодействия этих двух элементов; место человека предопределено работой дисциплинарных механизмов и находится в подавленном, угнетенном, подчиненном положении. В целом, макрофизический анализ власти предполагает такую конфигурацию субъекта и объекта власти, а также из взаимодействия (диспозитива[1]) при котором есть четкий силовой центр власти, правила взаимоотношения строго установлены макроструктурами, а человек является объектом властных технологий и не имеет возможности подрыва власти.

Переходный этап знаменуется выходом курса лекций «Нужно защищать общество» и, отчасти продолжается работой «Воля к истине» и продолжается буквально несколько лет. Основные характеристики этого периода: скептическое взгляд на возможность определения субъекта власти, из которого вытекает переосмысление таких понятий как государство, суверенитет, население, человек и т. д.; концентрация анализа на политических и собственно политических институтах; основная механика власти, интересующая Фуко здесь — пастырская и биополитическая; центральные элементы анализа — нормы и жизненные процессы; место человека в система властных отношений - не четкое, с одной стороны видны попытки предпринять новый анализ власти, в котором Бог и

1 Bussolini, J. What is a Dispositive? / J. Bussolini. - Foucault Studies, 2010. - No 10. - pp. 85-107. – p. 90-92

человек не находились бы в отношении подчинения, с другой стороны — повышенный интерес к биовласти и механизмам государства по управлению населением.

Началом микрофизического этапа можно считать 1980 год и все последующие книги и курсы лекций до 1984 года. Его можно охарактеризовать следующим образом: постоянного субъекта власти нет; концентрация анализа на неполитических институтах, там где власть находится на своих границах, достигает своих пределом или где эффект политической власти и вовсе отсутствует; основная механика власти, представляющаяся интересной для французского философа — выстраивание власти на основе субъективации, практик себя или практики преображения, построения субъекта истины; центральные элементы анализа власти - человек и практики себя; человек занимает центрально положение в анализе властных отношений, может стать субъектом власти при условии возможности «управления собой» (или, говоря в целом, смена линзы анализа власти — смена теории субъекта на теорию субъективации). Микрофизический анализ власти — этой такой диспозитив власти, при котором отсутствует силовой центр власти, не существует строго установленных «правил игры» в сети властных отношений, а человек, через субъективацию (их практику), становится субъектом властных отношений (оператор власти).

Таблица 3.

Анализ власти Мишеля Фуко

Макрофизический этап			Переходный этап	Микрофизический этап
Собственно политические институты			Несобственно политические институты	Неполитический институты
Суверенная власть	Дисциплинарная власть	Биовласть	Пастырская власть	Субъективация как возможность власти

Глава 3. Концептуальные границы и применение фукодианской концепции власти

3.1. Концептуальные рамки философии власти М. Фуко

Довольно сложно определить границы применения той или иной теоретической концепции, особенно когда она не имеет эмпирического подтверждения. Границы применения концепции власти Фуко, на взгляд автора, лучше всего могут прояснить концептуальные рамки. Под концептуальными рамками необходимо понимать не только то место, которое занимают идеи М. Фуко среди мыслителей XX века, которые осмысливали проблематику власти, то есть их радикальность или умеренность, либеральность или «левачество» мыслей и т.п., но и совпадения, которые встречаются у различных авторов по поводу объекта и предмета исследования. В данном случае, можно обозначить целую группу исследователей, которые занимались разработкой концепции власти наряду с М. Фуко. Обозначить концептуальные рамки (или границы) — означает найти точки пересечения и несовпадения в содержательном, методологическом или других смыслах и таким образом раскрыть оригинальность и новизну определенной концепции. Демаскируя границы различных концепций, можно понять, насколько тот или иной мыслитель глубже или шире, подробнее или размыто, рассматривает определенный аспект своего исследования. Таким образом, устанавливая концептуальные рамки, мы решим сразу три задачи. Во-первых, обозначим авторов, которые являются ближайшими «конкурентами» в области разработки концептов власти. Во-вторых, сможем выделить определенные аспекты концепции, которые будут уникальны для данного автора. В-третьих, позволит выявить ту узкую сферу применения этой концепции, которая свойственна только ей.

В данном случае, необходимо рассмотреть концептуальные рамки концепции власти М. Фуко в трех аспектах — понимание власти, понимание субъекта и понимание истины.

Говоря о вопросах сходства подходов к власти, следует отметить К. Шмитта и Д. Агамбена, а также критику Ю. Хабермаса, о которой будет сказано позже.

К. Шмитт сходится с М. Фуко в том, что власть является чем-то, что существует само по себе, без какого-либо вмешательства человека. Власть не может быть ресурсом или собственность, которой можно располагать, по крайней мере, на постоянной основе. В статье И.В. Соболевой достаточно детально изложено сходство позиций М. Фуко и К. Шмитта по вопросам власти в разрезе суверенитета и легитимности власти. Оба автора схожим образом рассматривают основу легитимной власти. К этому выводу позволяют прийти 4 основных признака – схожий консервативный тип мышления, аналогии в концептуализации пространства, проблема тайны власти и ее импликации и суверенитет как провокация[1]. Также можно согласиться с тем, что Шмитт и Фуко одинаково “интерпретируют сакрализацию Гоббсом суверена как метафору символического тела монарха”[2] и что оба автора выводят концепт суверенитета в сакральное пространство и не уходят от проблемы символизации власти при рассмотрении политического. Тем не менее, в целом, схожесть подхода К. Шмитта не столько противоречит М. Фуко, сколько подтверждает или дополняет его концепцию, особенно на уровне суверенной власти.

Также есть еще одна интересная деталь, которая указывает на некоторое пересечение мыслей К. Шмитта и М. Фуко. В статье “Разговор о власти и о доступе к властителю”[3], К. Шмитт использует понятие коридора власти, однако, впоследствии не разрабатывает этот концепт. Из того, что он сказал в ходе своего

---

1 Соболева, И.В.. Карл Шмитт и левая мысль. Пределы совместимости концепций. - Логос №5 [89], 2012 - с. 178-195

2 Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. Пер. с фр. М.: "Ad Marginem", 1999. - 479 с. -с. 45

3 Шмитт, К. Разговор о власти и о доступе к властителю // Социологическое обозрение Том 6. - № 2. - 2007. - с.27-38

интервью можно лишь понять, что если “есть пространство прямой власти ”, то также есть и “ образующееся вокруг него предпространство косвенных влияний и сил” и “в любом случае в ходе мировой истории в этом предпространстве власти составлялось пестрое и смешанное общество. Здесь собираются «косвенные». Здесь мы встречаем министров и послов в роскошных мундирах, но также духовников и личных врачей, адъютантов и секретарш, камердинеров и любовниц...Вдруг предпространство оказывается действительно официальной государственной палатой, в которой для доклада собираются достойные господа в ожидании, когда их пропустят дальше. Но частенько – это не более чем приватный кабинет”. При этом “процесс образования коридора, о котором мы тут говорим, совершается ежедневно, минимальными, бесконечно-малыми начинаниями, повсюду, где люди исполняют власть над другими людьми, будь то в великом или малом. В той же мере, в какой смыкается пространство власти, организуется и предпространство этой власти”.

Расплывчатые цитаты К. Шмитта напоминают то, о чем Фуко пишет, когда пытается охарактеризовать власть, как сеть отношений, в которой именно точки соприкосновения различных сил, давления власти или сопротивления ей, сталкиваются и создают саму структуры властных отношений. Отличие рассуждения состоит в том, что для К. Шмитта коридор власти является непосредственным входом в состоянии политического властвования, но это понятие вряд ли может претендовать на то, чтобы стать универсальным. Для М. Фуко, власть через сетевое взаимодействие - универсальное объяснений всех властных отношений и основа социальной структуры. Таким образом, при схожем подходе к объяснению пространства власти, различаются их масштабы и сферы применения.

Изобретение дисциплинарной власти, как концепта, всецело можно признать за М. Фуко. Дисциплинарная власть как одно из измерений реализации власти политической не рассматривалась до М. Фуко ни одним автором, а все последующие работы были развитием идей французского философа. В этой сфере концептуальных сходств или границ у фукодианской концепции власти нет.

Говоря о биовласти и биополитике, необходимо сказать, что эти понятия являются одними из самых обсуждаемых в современном поле гуманитарных наук. М. Фуко ввел это понятие в дискурс гуманитарных наук 1970-е годы (хотя биологи и медики уже использовали его на десятилетие раньше). Однако последние теоретические разработки вопроса о биовласти все дальше отдаляются от модели, предложенной самим Фуко. Среди прочего это касается и проблемы возникновения, исторического происхождения биополитики. Если Фуко более или менее четко датировал ее рождение рубежом XVIII–XIX вв., то современный итальянский философ Дж. Агамбен связывает «власть над жизнью» с появлением суверенной власти как таковой. В своей работе Дж. Агамбен рассматривает биополитику как “решающее событие современности” и одновременно указывает на ее «незапамятный», архаический исток. Концептуальные границы учений Фуко и Дж. Агамбена детально описаны в статье “Истоки и сингулярность. Дж. Агамбен и М. Фуко о рождении био-власти”. [1]

Теоретические выкладки Дж. Агамбена это диалектическое сочетание биополитики М. Фуко и политической философии К. Шмитта, которая направлена на включение первой в предварительно деконструированную автономию второй. С одной стороны, последователи фукодианской биополитики рассматривают биологическую жизнь человека как прямой источник всех политических феноменов, некую позитивную область перед лицом власти-знания. С другой стороны, концепции на основе учения К. Шмидта, которые понимаются как теоретические устройства, которые пытаются сохранить разделение между до-политическими живыми субъектами и наложенными на них нормами[2].

Дж. Агамбен, развивая идеи М. Фуко, вписывает их в довольно близкий к М. Хайдеггеру и В. Беньямину теоретический контекст. В самом начале своей работы “Суверенная власть и голая жизнь” Дж. Агамбен пишет: «Греки не имели единого термина для обозначения того, что мы называем словом “жизнь”. Они

---

1 Кобылин, И. И. Исток и сингулярность: Дж. Агамбен и М. Фуко о рождении био-власти // Философия и общество. Выпуск №3(63) - 2011. - с. 171-183

2 Snoek, A. Agamben’s Foucault: An overview / A. Snoek. - Foucault Studies, 2010. - No. 10. - pp. 44-67

использовали два термина, которые, несмотря на то, что обнаруживают единый корень, семантически и морфологически отличаются: zoe, выражающий просто факт совместной жизни во всех видах существования (животных, людей, богов), и bios, который показывает правильную форму или путь для индивида и группы»[1]. Ссылаясь на "Политику" Аристотеля, Агамбен подчеркивает, что в классическом мире zoe была исключена из сферы полиса и сильно ограничена в силу своей репродуктивной функции – т.е. сферой домохозяйства. Это различение, которое предложил Аристотель, продолжает Дж. Агамбен, использует и М. Фуко: «На протяжении тысячелетий человек оставался тем, чем он был для Аристотеля: живущим животным, способным, кроме того, к политическому существованию; современный же человек – это животное, в политике которого его жизнь как живущего существа ставится под вопрос»[2]. Следовательно, М. Фуко относит захват естественной жизни политической сферой только к эпохе модерна. Дж. Агамбен, в свою очередь, античное исключение zoe из области сферы политического понимает как "включенное исключение". Таким образом, он самым отодвигает рождение биополитики к тому моменту, когда появилась политика как таковая: «Можно сказать, что производство биополитического тела есть изначальный акт суверенной власти»[3].. Отсюда можно резюмировать, что все современные государства, которые сделали биополитику своей основной стратегией управления, лишь возродили связь между властью и так называемой "голой жизнью"[4].

В своей концепции суверенитета Дж. Агамбен, как уже было сказано выше, следует за немецким теоретиком К. Шмиттом. «Политическая теология» К. Шмитта гласит: «Суверенен тот, кто принимает решение о чрезвычайном

---

1 Агамбен, Д. Суверенная власть и голая жизнь / Д. Агамбен. - Москва.: Издетельство Европа, 2011 - с. 240. - с.11

2 Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко. М.: Магистериум Касталь, 1996 - 446 с. - с. 248.

3 Агамбен, Д. Суверенная власть и голая жизнь / Д. Агамбен. - Москва.: Издетельство Европа, 2011 - с. 240 — с. 15

4 Кобылин, И. И. Исток и сингулярность: Дж. Агамбен и М. Фуко о рождении био-власти // Философия и общество. Выпуск №3(63) - 2011. - с. 171-183

положении»[1]. Следовательно, суверен – это тот, кто может законно приостановить действие любого закона, т.е. тот, кто определяет исключения из юридической нормы. К. Шмитт указывает: «Исключение интереснее нормального случая. Нормальное не доказывает ничего, исключение доказывает все; оно не только подтверждает правило, само правило существует только благодаря исключению»[2]. Основной парадокс суверенитета состоит в статусе его носителя: ведь суверен находится одновременно и внутри самого юридического порядка, и вне его. Дж. Агамбен интерпретирует этот парадокс следующим образом: «Я, суверен, тот, кто вне закона, объявляю, что нет ничего не подвластного закону»[3]. Подобная всеохватность закона может быть достигнута именно посредством "включенного исключения". Через исключение суверенная власть захватывает и распространяет свой контроль на объекты, которые изначально не входили в сферу ее компетенции, включая биологический уровень существования граждан.

В премодерную эпоху, как указывает Дж. Агамбен, «состояние исключения» было «невидимым основанием» системы, но в период модерна оно выходит на свет. Одну из ключевых ролей, по его мнению, здесь сыграла «Декларация прав человека и гражданина», принятая в США в 1789 года, которая провозглашала врожденные права человека на свободу, собственность, безопасность, а также сопротивление угнетению. В действительности, он счиатет, что исторической функцией «Декларации» является тотальная политизация «голой жизни», которая теперь полностью вписывается в политико-юридический порядок государства-нации. Само изобретение врожденных прав привносит в «голую жизнь» новое политическое измерение, наделяя ее суверенитетом. Эти процессы привели к тому, что все современные общества, как индустриальные (демократические), так и развивающиеся (переходные или тоталитарные) – начинают жить в режиме постоянного "чрезвычайного положения". «Если когда-то парадокс суверенности выражался формулой "ничто не существует вне

1 Шмитт, К. Политическая теология. – М.: Канон-пресс-ц, 2000. – 336 с. - с. 15.

2 Там же. – с. 29

3 Agamben, G. Potentialities: Collected Essays in Philosophy. – Stanford: Stanford University Press, 1999. – p. 160.

закона”, то в наши дни, когда исключение стало правилом, формула парадокса принимает симметричную форму – “все существует вне закона”[1]. Таким образом закон действует только в постоянной приостановке своих собственных норм и правил, как “сила без значения”. Концентрационный лагерь, по его мнению, является неким символом современного общества. Именно лагерь - «серая зона» неразличимости мира юридического и фактического, измерения внешнего и внутреннего - становится биополитическим основанием модерна, а лагерный «мусульманин» – образцовым примером современного Homo Sacer'a.

Различие версий происхождения биовласти у М. Фуко и Дж. Агамбена базируется, судя по всему, на противоречии в методологических установках при анализе истории. Подход М. Фуко, по мнению П. Вена, заключался в переключении внимания историков с естественных объектов (политика, государство, управляемые, власть) на некие сингулярные практики, которые жестко привязаны к определенному моменту и порождают сингулярные “объективации”. «Вместо того чтобы предполагать, что существует некая вещь под названием “управляемые”, на которую направлены действия “правителей”, надо принять во внимание, что “управляемых” можно рассматривать с точки зрения практик, столь меняющихся от эпохи к эпохе, что эти “управляемые” объединены только их названием»[2]. Управляемых создали как категорию, как очень естественный объект, как объектов дисциплинарного воздействия и, наконец, как “население”. Трансформация самого объекта управляемых зависела только от техник власти. П. Вен утверждает, что ключевым понятием в фукодианском анализе можно считать “редкость”, а сам метод можно определить как “прореживание”. «Человеческие факты редки, они не укоренены в полноте разума, вокруг них имеется пустое пространство для других фактов, о которых наш разум не догадывается; ведь то, что есть, могло бы быть другим»[3]. Следовательно, задачей историка становится не описание детерминированных

---

1 Там же. – p 169

2 Вен, П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии. – М.: Научный мир, 2003. – 354 с.

3 Там же. - с 351.

исторических форм “вечных” объектов в их развитии и преемственности, а обнаружение произвольных “редкостей” и единичных практик. Вместо телеологических поисков исторического движения, какого-либо аналога первопричины или “перводвигателя”, необходимо искать конкретную “редкую” практику, которая объясняется исходя из всех других смежных практик, с которыми она взаимодействует. Именно это делает для М. Фуко столь важным определение уникальной объективации – биовласти и ее коррелят – население в их исторической перспективе, в их привязке к определённой исторической ситуации.

Обращаясь к вопросам, связанным со статусом субъекта и его взаимодействию с властью и истиной, стоит указать на то, что в этой сфере М. Фуко, соблюдая свою оригинальность, все же концептуально пересекается с целой плеядой мыслителей второй половины XX века.

Вновь возвращаясь к К. Шмитту, можно указать, что он, рассуждая о власти, часто апеллирует к субъекту власти, которого он сам уничтожает. “Ведь все это делает (говоря о властных полномочиях – прим. автора) не человек как человек, а запущенная им цепная реакция. Власть куда более, нежели техника, ускользает из рук человека, и люди, которые осуществляют власть над другими при помощи таких технических средств, больше уже не свои среди тех, кто подчинен их власти”.[1] К. Шмитт часто апеллирует к власти техники и технологии над человеком, несмотря на то, что технологии сами по себе - изобретения человека. “Человеческие массы, которые безвластно подвержены действию современных средств уничтожения, прежде всего, знают о своем бессилии. Действительность власти проходит мимо действительности человека”.[2] Немецкий теоретик власти указывает на то обстоятельство, что субъекта власти нет, или, по крайней мере, его нет в современной действительности, в отличие от государства эпохи Нового Времени, в которых власть воплощалась в монархе. Таким образом,

---

1 Шмитт, К. Разговор о власти и о доступе к властителю // Социологическое обозрение Том 6. - № 2. - 2007. - с.27-38

2 Там же. - с. 34

взгляд Шмитта на субъект власти еще более пессимистичен, по сравнению со взглядом Фуко, который гласит, что хоть и на некоторое время, но власть может принадлежать субъекту.

Э. Левинас, в своей работе «От существования к существующему»[1] говорит о том, что человек, будучи сознательным субъектом, но, находясь в некоторых ситуациях, перестает быть хозяином самого себя. Бессонница, страдания, страх смерти, усталость, лень, слушание музыки – все это состояния сознания человека, когда он перестает быть субъектом, теряет свою осознанность и власть переходит в руки чего-то, что не обладает никаким сознанием, некой сущности, которая находится над человеком, т.е. к чему-то возвышенному. Для Левинаса такие состояния вводят субъект в некую зону, которая находится между двумя состояниями. К примеру, для бессонницы – мы ворочаемся между желанием заснуть и возможностью бодрствовать. Существуют исследования, посвященные анализу сходств в представлениях субъекта, проделанные М. Фуко и Э. Левинасом[2].

Вообще, идея возвышенного, была одним из фундаментальных тем для анализа человека и сознания в работах целого рядя мыслителей, которые использовали идею возвышенного не для того, чтобы, подобно Канту, возвеличить разум (особенно нравственный) человека, но наоборот, чтобы поставить под сомнение сам разум. Для Ж. Лакана таким возвышенным является понятие “пустота”, для Ж. Деррида – различие, для Ж. Делеза – хаос, для Левинаса – инаковость. Все эти понятия, в той или иной мере, схожи с тем, что для М. Фуко было бы состоянием, когда субъект теряет власть в силу того, что власть временно переходит в руки чего-то не-сознательного.

Большой вклад в разработку проблемы субъекта внесли представители критической школы - М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Э. Фромм, Г. Маркузе. Они также критикуют позицию сознательного субъекта и выдвигают тезис о том, что

---

1 Левинас, Э. Избранное: Тотальность и бесконечное / Пер. И. С. Вдовиной, Б. В. Дубина. — М.; СПб.: Культурная инициатива: Университетская книга, 2000. - 416 с.

2 Moss, J. The Later Foucault: Politics and Philosophy / J. Moss. - SAGE, 1998. - 224 p. - p. 78-93

он, по сути, перестает быть субъектом в рамках той экономической и материально-технической природы современного общества. О том, что многое из того, о чем размышлял и что исследовал М. Фуко, сделали представители данной школы, французский исследователь сам признается в одном из своих интервью.[1]

Э. Фромм, начиная свою книгу “Человек для себя”[2], ставит проблему следующим образом: “современный человек чувствует тревогу и замешательство. Он трудится и стремится, но испытывает смутное чувство бесплодности своих усилий. В то время как его власть над материей растет, он ощущает бессилие в своей индивидуальной жизни и в обществе. Создавая все новые и лучшие средства овладения природой, он увязает в сетях этих средств и теряет представление о цели, которая единственная придает им значимость,- человеке как таковом. Став господином природы, он сделался рабом машин, созданных его собственными руками. При всех своих знаниях о материи, человек невежествен в самых важных и основополагающих вопросах человеческого сосуществования: что такое человек, как он должен жить, как может быть высвобождена и продуктивно использована огромная энергия, заключенная в самом человеке?..”[3]

Эта книга, которая вскрывает в основном психологические проблемы, является продолжением его проектной книги “Бегство от свободы”[4], в которых Э. Фромм начинает поднимать проблему кризисного состояния современного человека. Из этого небольшого отрывка можно выделить несколько идей, по векторам которых немецкий психоаналитик развивает свою концепцию.

Во-первых, поднимается проблема психологического состояния человека, т.е. субъекта. Беспокойство, тревога, страхи, замешательство – такие характеристики приписывает немецкий ученый современному человеку. Описывая проблемы XX века, Э. Фромм указывает на наличие у человека сверхсвободы, которая обусловлена расширением демократии вширь и вглубь

---

1 Фуко, М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. Б.М.Скуратова под общей ред. В. П. Большакова — М.: Праксис, 2006. - Ч.3. - 320 с. - с. 255

2 Фромм, Э. Человек для себя / Э. Фромм; пер.с англ. А.В. Александровой. – М.: Астрель, 2012. – 314 с.

3 Там же - с. 17

4 Фромм, Э. Бегство от свободы / Пер. с англ. - АСТ, 2008. - 284 с.

современного общества. В то же время он говорит о том, что войны, которые имели место быть после Второй Мировой Войны - это лишь последние реликты старого мира, экономические кризисы - случайности, а авторитарные режимы списывали на редкие явления, когда до власти добирались безумцы. Именно такая иллюзорность современного мира ведет человека к тому, что он абстрагируется от реальности и даже не предполагает по какой причине у него возникают вышеперечисленные характеристики.

Во-вторых, делается акцент на материальный успех человека. При этом можно рассматривать успех в двух перспективах. Одной из них является глобальный успех человечества, который выражается в невероятно быстром развитии технологий, которые дают людям все большую власть не природой, над окружающим миром, над так называемым объектом. Современные технологии дают защиту, знания, силу предсказания, нивелируют расстояния и время, которое необходимо было тратить раньше. Человек смог подчинить себе время и пространство, но не смог подчинить себе самого себя, как сказал бы М. Фуко, ссылаясь на античных философов. Вторая перспектива - это индивидуальный материальный успех. Либерализм в экономике, демократия в политической сфере и социальное равенство, к которому современное общество приходит через использование элементов социализма, приводит общество в состояние всеобщей материальной радости, где каждый человек может позволить себе гораздо больше, чем человек, который жил в любой развитой стране в предыдущие века и эпохи. Человек имеет возможность приобрести все, но знает ли он, что он ему действительно нужно.

В-третьих, и это наиболее важный и заключительный пункт, человек призвал себе на помощь не только экономический успех, социальное равенство и политическую свободу, но и технологический процесс, который в современном мире приобретает все более высокий темп развития, как в количественном, так и в качественном смысле. Элементарный пример – ещё в XVI веке воину необходимо было подойти к врагу вплотную для того, чтобы пронзить его мечом, в середине XX века появились более совершенные средства ведения войны, например танки,

для которых, чтобы разрушить дом, необходимо лишь визуально видеть цель, сейчас – можно обойтись лишь картой и кнопкой запуска, чтобы стереть с лица земли целый город с помощью ракеты со сверхточным наведением. Подобное возрастания эффекта технологического развития человека можно наблюдать в любой сфере человеческой жизнедеятельности. Однако, по мнению Э. Фромма, единственной сферой, в которой человек не продвинулся (сам или с помощью техники) – это сфера человеческих отношений. Именно здесь всплывает проблема этики, которая должна являться передаточным механизмом между человеком (личностью, индивидом, субъектом) и миром, при условии, что под миром подразумевается общество, экономическое пространство, технологическая сфера, сфера властных отношений и т.д.

Г. Маркузе отражает схожую проблему в своей работе “Критическая теория общества”[1], но уже не с психологической точки зрения, а с точки зрения современной культуры и общества. Используя более глобальный подход и критику социальных институтов, Г. Маркузе подчеркивает проблему “человеческого фактора”: “Новое качество (общества – прим. автора) возникает в силу прогрессирующего перехода власти от человека к технологическому и бюрократическому аппарату, от живого труда к мертвому, от личного управления к дистанционному, от машины к группе машин и целостной механизированной системе…Главное, что при этом переходе власти совершается передача ответственности, связанной с чувством вины. Она освобождает индивида от автономного существования в труде и досуге, в его потребностях и их удовлетворении, и в мыслях и чувствах”.[2]

Здесь, в первую очередь, следует подчеркнуть тематику власти. Разумеется, Г. Маркузе, не говорит о власти индивида над самим собой или окружающим его миром, проблема состоит в том, что власть как таковая перешла в руки безликой социальной структуры – бюрократии – и нечеловеческому технологическому

---

1 Маркузе, Г. .Критическая теория общества: Избранные работы по философии и социальной критике / Пер. с англ. А.А Юдина. – М.; АСТ: Астрель, 2011. – 382с.

2 Там же - с. 66-67

пространству. В современном понимании это слово приобрела совсем другое значение, нежели когда-то оно имело во времена античной цивилизации. Современная бюрократия – это сложная система взаимоотношений не людей, а отдельных позиций, званий, должностей и рангов. Единственным средство общения здесь является не слово, а документ, а единственные род отношений – не эмоции и чувства, а приказы и их исполнение, иерархия, субординация. В этой области нет имен, нет рода занятий, личной жизни, интересов, личностных особенностей и пристрастий (да и вообще личности), здесь субъект либо спускает приказы, либо исполняет приказы. Двухсторонне движение – вверх или вниз. При этом никто не вникает в детали, не интересуется, что он подписывает или исполняет. Это машинерия работает также как и современный завод, состоящий только лишь из механизмов, которые не думают, не рассуждают, не интересуются, лишь делают и лишь иногда перепроверяют. Для того чтобы такая “человеческая машина” работала, организуют новые комиссии, комитеты, должности, которые следят за всей этой структурой и, не задумываясь о том, что делает этот механизм, также попадают в мир отчетов, приказов, бумаг и подписей, должностей и иерархии. Таким образом, этот “мир человеческой машины” разрастается и расширяет свое влияние до таких пределов, что охватывает всю сферу деятельности современного человека. Подчеркивается не просто ослабление позиции субъекта, но полное растворение субъекта во власти.

Человечество изобрело не только “человеческую машину” под названием бюрократия, но и технологическое пространство. Заводы и фабрики, магазины и стоянки, наш собственный дом и средства передвижения – все это автоматические технологии. Заводы создают территориальные пространства, на которых человек не обладает властью над собой или другими, а обнаружить осознанную деятельность или властные отношения между людьми представляется сложным. Несколько человек, которые не связаны друг с другом через коллектив (в отличие от работников в цехах эпохи первых индустриальных революций) или родственными связями (как это было у ремесленников в Средние Века или эпоху Возрождения), только лишь проверяют исправность машин и эффективность

работ. Если в прежние времена технологический прогресс лишь помогал человеку, а любое изобретение ускоряло бытовые процессы и облегчало ежедневную человеческую деятельность, то теперь технологические новшества меняют человека, искореняя в нем субъект. Теперь, по мнению Маркузе, не мы имеем власть над технологиями, а технологии имеют власть над людьми. Машины перераспределили центр тяжести власти - объем работы до такой степени сместился на сторону машины (робота, механизма) что человеку остается лишь лениться и наслаждаться. Изобретения служили человеку, теперь человек, глупея, дает власть изобретения над нами. Эту мысль можно продолжить словами Г. Маркузе: “Освобождение не несет свободы от отчужденного труда – индивиды вынуждены по-прежнему тратить физическую и умственную энергию в борьбе за существование, положение, преимущества. Они служат аппарату, который их к этому принуждает, что является для них источником страданий. Новое рабство в мире труда не компенсируется новой автономией по отношению к нему”.[1]

В работе под названием “Одномерный человек”[2] Г. Маркузе, анализируя тип личности позднекапиталистического общества, приходит к выводу, что оно не только принудило человека к определенному типу экономического поведения, превратив потребность в привычку, но и выработало у него определенное политическое сознание. “Одномерное общество” продвинулось ещё дальше — оно сделало из человека фигуру нуждающуюся исключительно в физиологических реакциях, потребностях и влечениях”. “Одномерное мышление” и “одномерное общество” делают так, что человек перестает, критически мыслить и видеть в различных нормах, установках и принципах своего поведения нечто навязанное сверху и конструирующее его без его воли. Здесь в свою силу вступает автоматизм, который формирует, через стереотипизацию и привычку, иллюзорное ощущение того, что желанно, а не что потребно. Таким образом,

---

1 Там же.

2 Маркузе, Г. Одномерный человек. Исследование идеологии Развитого Индустриального Общества. / Пер. с англ. - М., 1994. - 368 с.

“одномерный” человек попадает в зависимость от неких структурирующих его поведение механизмов, которые и составляет тут единственную реальность, в которой он находится. Говоря о зависимости и о возможности отсутствия зависимости от этих механизмов, Г. Маркузе утверждает, что лишь те, кто в меньшей степени зависит от системы, могут её более эффективно противостоять. Аутсайдеры общества, нигилисты, национальные или сексуальные меньшинства, эксплуатируемые и угнетенные прослойки население – вот кто может быть в меньшей степени подвержен механизмам такого рода рабства. Именно они могут составить оппозицию тем, кто уже вовлечен в систему одномерности. Можно сказать, что в какой то степени они сами были вытеснены этой системой, однако, наличие этих “изгоев” является единственной надеждой создания протообщества будущего, в котором не будет одномерности

Макс Хорхеймер и Теодор Адорно излагают свои мысли в своем фундаментальном труде ”Диалектика Просвещения”[1], в которой видят проблему современного человека в том, что он находится в обществе, основной характеристикой, которой является, по их мнению “индустрия культуры”. Идея “индустрии культуры” продолжает рассматривать современное общество через призму критических размышлений над социальными институтами, которые были возведены человечеством. Основной проблемой, на их взгляд является изменение вектора развития культуры как феномена, который первоначально был направлен на продвижение Просвещения, хотя “с давних пор просвещение в самом широком смысле прогрессивного мышления преследовало цель избавить людей от страха и сделать их господами”.[2] “Сегодня культура на все накладывает печать единообразия. Кино, радио, журналы образуют собой систему. Вся массовая культура в условиях господства монополий является идентичной, а ее скелет, сфабрикованный последними понятийный костяк, становится отчетливо очерченным. В его (господства монополий) маскировке правители уже более не

1 Хорхейер, М. Адорно, Т.В. Диалектика просвещения. Философские фрагменты / Пер. с нем. М. Кузнецова. М. - СПб.: Медиум, Ювента, 1997. - 312 с

2 Там же - с. 16

столь уж и заинтересованы, их власть упрочивается по мере того, как все более и более брутальной она себя выказывает”.[1]

Здесь очевидно, что на все те проблемы, которые были оговорены выше, накладывается ещё одна проблема, которая одновременно является наиболее скрытой, но самой широкой по своему эффекту и воздействию – это проблема иллюзорности современного общества.

Во-первых, иллюзорность проявляется в массовой культуре. Разнообразие сюжетов книг и фильмов сводятся к одинаковым моделям, повторяясь вновь и вновь на разных языках, в разных контекстах, под разным “соусом”. Газеты и журналы пестрят одинаковой информацией и рекламой, которая дублируются и копируют друг другу, соревнуюсь лишь в форме – цвете и качестве обложке, стиле и размере шрифта, красотой оформления заголовков. Такое положение дел отрицательно влияет не только на общество, но и на формирование духовного субъекта. Человек, который получает каждый день лишь форму, а не содержание, похож на человека, который пытается удалить голод лишь запахом пищи. В современном мире не хватает смыслов для подпитывания мышления человека, ему нечего оценивать, не над чем размышлять. “Пока что всем этим техника культуриндустрии была превращена в феномен стандартизации и серийного производства, а в жертву было принесено то, что всегда отличало логику произведения искусства от логики социальной системы”.[2]

Во-вторых, иллюзорность выражается в схематизме. Даже в экономике проявляются те же проблемы, что и в массовой культуре – обман потребителя в разнице качества и цены товара в зависимости от производителя, хотя, как говорят представители Франкфуртской школы “Схематизм используемого метода проявляет себя в том, что, в конечном итоге, механически дифференцированные продукты во всех случаях ни в чем не отличаются друг от друга. То, что различие между серийными изделиями фирм "Крайслер" и "Дженерал Моторс" по сути дела является иллюзорным, известно любому ребенку, различиями подобного

1 Там же - с. 149

2 Там же - с. 150

рода увлекающемуся. Дискуссии знатоков по поводу преимуществ и недостатков данного рода продуктов способствуют лишь увековечиванию видимости якобы наличной тут конкуренции и возможности выбора”.[1]

В-третьих, немаловажным признаком культуриндустрии является стилизация, которая предоставляет её наибольшую защиту – маскировку благодаря которой весь этот механизм становится невидимым. Стилизация позволяет культуриндустрии подчинять себе каждый шаг человека ежедневно, таким образом, приобретая тотальную власть над обществом, а следовательно и над каждым отдельным её членом, в котором необходимо попытаться найти субъекта-носителя духовных ценностей. “Подчиняя одинаковым образом все отрасли духовного производства одной-единственной цели - скрепить все чувства человека с момента выхода его из здания фабрики и до момента прохождения контрольных часов там же на следующее утро печатью как раз того трудового процесса, непрерывный ход которого он сам обязан поддерживать в течение рабочего дня, - эта ситуация самым издевательским образом воплощает то понятие единой культуры, которое было выдвинуто философами-персоналистами в противовес ее омассовлению”[2].

Можно резюмировать все вышесказанное следующим образом. Современный человек не несет более никаких этических норм и установок. Любые принципы и нормы, будь то поведение или потребление, навязаны человеку сверху. При этом создается иллюзорность желания, потребления и поведения. Это делается для того, чтобы человек не мог даже помыслить, что его эксплуатируют и обманывают.

Говоря о том, что контролирует человека и властвует над ним, необходимо говорить, прежде всего, об изобретениях человека – будь то технология, бюрократия или наша массовая культура. Все эти явления создают пространство “одномерности”, которые наполнены лишь иллюзорным успехом и тотальным контролем над человеком.

---

1 Там же - с. 153

2 Там же - с. 164

Тем не менее, многие представители современного общества, и чем более они дистанцированы от этой системы подчинения, тем сильнее, подсознательно реагируют на сложившуюся ситуацию. Эта реакция заключается в том, что человек испытывает негативные эмоции все чаще – страх, злость, неуверенность, апатия, усталость, тревогу. Все эти явления взрывают социальную среду, в которой отражаются эти эмоции – самоубийства, желание причинять боль и страдание, насилие, воровство, супружеские измены, нигилизм, психологические расстройства.

Человек себя потерял в том пространстве, которое сам себе и построил. Угодил в ловушку, которая первоначально была задумана как уютный дом. В конце концов, потеряв себя, современный субъект также потерял связь с окружающим себя миром и с окружающими его, другими субъектами. Если ситуация не изменится и современные тенденции будут прогрессировать, то общество придет к точке невозврата, за которой его ждет лишь гибель.

Такое виденье проблемы субъекта и власти демонстрируют представители Франкфуртской школы. Здесь можно выделить целый ряд пересечений с теоретическими построениями М. Фуко.

Во-первых, видна линия рассуждения, схожая с мыслями М. Фуко об уничтожении субъекта, когда различные техники субъективации перешли из самостоятельных предприятий в сферу принудительных процедур, осуществляемых церковью. Отличие состоит лишь в том, критика представителей Франкфуртской школы направлена на капиталистическую систему, культуру потребления, идеологию и т.д. Несмотря на перенацеливание критики, она сосредоточена на вопросах субъекта и влиянии на него окружающее среды. Психологическое состояние индивида, на котором сконцентрированы идеи Э. Фромма и одномерность позднекапиталистического человека, о котором повествует Г. Маркузе, также является результатом работы и побочным эффектом той власти, которая осуществляется в западном капиталистическом обществе. Несмотря на то, что напрямую М. Фуко об этом не говорит, ясно, что его стиль рассуждений не противоречит таким идеям.

Во-вторых, схожая линия рассуждений видна по вопросу скрытности негативных эффектов власти. Фуко отмечает латентность дисциплинарной власти, ее постоянство маскироваться за филатропическими функциями (как у психиатрических клиник, больниц и т.д) или за простой механикой исполнения закона или распоряжений политической власти (армия, полиция, тюрьмы и т.д.). Представители Франкфуртской школы утверждают, что власть, которая всячески пытается сделать из человека объект, также активно прикрывается и такие ее уловки как создание иллюзорность, схематизация и стилизация являются одновременно и инструментов воздействия и невидимым прикрытием самой власти[1].

В целом, совпадение рассуждений Фуко и некоторых ярких теоретиков критической школы, говорит скорее о концептуальной совместимости и взаимодополнении, нежели неких ограничительных или исключающих положениях по отношению друг к другу.

Любопытную точку пересечения между Фуко и Гегелем (а точнее, интерпретацию Гегеля Кожевым) указывает А.В. Дьяков. В концепте Господина и Раба мы видим явное противопоставление двух участников властных отношений, в котором Господин является субъектом, а Раб – объектом. При этом “властное действие не встречает противостояния со стороны того, на кого оно направлено: «действуя властно, деятель может менять внешнего ему человека, не испытывая при этом обратного действия, т. е. не изменяясь по ходу своего действия”[2]. Фуко, который опирается на историко-политический дискурс, безусловно эта модель не устраивает. Для него, взаимодействие между всеми участниками одинаково, каждый из них обладает своей стратегией осуществления власти, следовательно, бинарность субъекта и объекта, предполагающая однонаправленное доминирование, у него заменяется взаимодействием двух субъектов, которая предполагают различные стратегии - как доминирования, так и сопротивления.

---

1 Cook, D. “Is power always secondary to the economy?” Foucault and Adorno on Power and Exchang / D. Cook. - Foucault Studies, 2015. - No. 20. - pp. 180-198

2 Дьяков, А.В. Мишель Фуко и его время. СПб. : Алетейя, 2010. — 672 с. – с. 486 - 487

Таким образом, концептуально его концепция власти имеет своим ограничением невозможность наличия двух не одинаковых, с точки зрения доступа к власти, участников властных отношений.

Также А.В. Дьяков также указывает на интересную ограниченность концепции Фуко по вопросу “амбивалентности власти, одновременно и субординирующей, и производящей”, т.е. неразрешённым у Фуко остаётся вопрос о том, что первично субъект или власть. А.В. Дьяков указывает на то, что “Д. Батлер очень ясно удалось сформулировать этот парадокс, но вот убедительно разрешить его ей не удаётся”. В целом, “самым продуктивным…моментом её интерпретации оказывается акцентирование повтора в производстве субъекта: субъект по Фуко никогда не производится целиком в один момент. Субъект становится таковым только через повторную артикуляцию себя как субъекта, и это придаёт субъекту незавершённый характер”.[1] Так, вскрывается одно из ограничительных полей концепции власти Фуко по оси власти. Он утверждает, что субъект власти никогда не достигает становления до конца, в то время как, к примеру, Д. Батлер, первоначально настаивала на том, что необходимо четко определить что является первичным – власть или субъект – и, следовательно, на какой стадии происходит их актуализация. Именно для того, чтобы избежать подобных вопросов, Фуко отказывается от теории субъекта и использует теорию субъективации, чьей ключевой идеей является постоянное и бесконечное воспроизведение себя как субъекта через различные практики себя. В данной работе такой субъект (который находится в бесконечном процессе субъективации, а становление субъектом, возможно, является его идеальной и отдаленной целью) был назван оператором власти.

Говоря о концептуальной совместимости в области дискурса, знания и истины, а также их соотношения с властью, необходимо отметить, что здесь у М. Фуко не так много оппонентов. Одним из ярчайших критиков фукодианского подхода к этим понятиям будет являться еще один представитель Франкфуртской

1 Там же.. – с. 489 - 490

школы – Ю. Хабермас. Проблему соотношения теоретических позиций Фуко и Хабермаса детально изучал В.Н. Фурс, который во многом уже определил их концептуальную совместимость[1].

Для начала можно обозначить то, в чем М. Фуко и Ю. Хабермас сходятся в свои размышлениях о власти и дискурсе (аналогом дискурса у второго является коммуникация). Во-первых, при формулировании концепта власти, они оба признают свою критическую позицию к классической концепции власти. Если для М. Фуко классический подход к власти не приемлем в целом, то Хабермас занимает промежуточную позицию между модернистским и постмодернистским подходами. Во-вторых, в той или иной мере, оба теоретика отказываются от концепции субъекта в его модернистском смысле. На этом список концептуальных сходств можно закончить и перейти непосредственно к различиям, которые необходимо рассмотреть более детально.

Как указывает Фурс, существенное отличие состоит в том, что Хабермас утверждает, что власть локализована в политико-административной сфере человеческого бытия и главным образом характеризуется негативными эффектами репрессии. Фуко, безусловно, стоит на противоположенной позиции, согласно которой власть локализоваться не может и не должна быть локализована при попытках ее анализа.

При анализе общества Ю. Хабермас использует «двухуровневую модель», которая состоит из «жизненного мира» и «системы». Жизненный мир включает в себя “культуру”, которая служит для накопления и хранения знаний и информации и “общество”, которое является социальной площадкой для индивидов. Жизненный мир включает в себя традиционные формы сосуществования и общения людей, к которым человек изначально приобщен и ежедневно практикуется. Система - это сфера формально-организованного действия, то есть все социальные изобретения человека в целом, продукт социального мира. Для жизненного мира взаимодействие определено языком и

1 Фурс, В. Н. Полемика Хабермаса и Фуко и идея критической социальной теории // Логос. - 2002. - № 2. - с. 120-152.

коммуникацией, для системы - внеязыковые медиумы координации действий, такие как власть (для политико-административной системы) и деньги (для экономической системы). Коммуникативная рациональность – работает внутри жизненной сферы и направлена на взаимопонимание и гармонию, а система – по принципам стратегической рациональности, которая нацелена на успех какого-либо действия. С помощью такой методологии Хабермас рассматривает общество.

Исходя из этого, для Хабермаса, о власти можно говорить только как о медиуме координации действий в политико-административной сфере, которая относится не к жизненному миру, а к системе. В жизненной сфере аналогами власти можно считать “влияние”, “авторитет”, “репутацию” “престиж”, “ценностные обязательства” и т.д. Отличие состоит в том, что в жизненном мире все аналоги власти работают на основе языка и коммуникации, в то время как в системе власть осуществляется исключительно через негативные эффекты, то есть репрессии, давление, угнетение. Хабермас обозначает это как “вторжение в ситуацию” актора. Он подчеркивает, что власть может вмешиваться в интеракции и коммуникации внутри жизненного мира. Подобное вмешательство часто приводит к социальным кризисам. Однако, очевидно, что Ю. Хабермас пытается найти определенную сферу социального бытия, по отношению к которой власть как «интервенцию в ситуацию» можно было бы истолковывать как нечто внешнее, привнесенное. В связи с этим, главное замечание немецкого философа состояло в том, что Фуко некорректно отождествляет сферу социальности с определённым типом интеракции, а именно, с её инструментальным, стратегическим типом. «Финальная онтология Фуко приравнивает социальную реальность к стратегической...»[1]. Такой «имманентизм» в понимании власти неправомерно расширяет сферу стратегической интеракции и распространяет ее на ту часть бытия, которая, по своей природе, не принадлежит ей. Имеется в виду тот тип действия, который ориентирован не на успех, а на взаимопонимание.

---

1 McCarthy, T. The Critique of Impure Reason: Foucault and the Frankfurt School / T. McCarthy // Political Theory. - Vol. 18, No. 3 (Aug., 1990), pp. 437- 469 - p. 263

Если властные эффекты действительно имманентны инструментальному действию, то в жизненномировой коммуникации мы встречаем тот тип рациональности, который базируется не на инструментальности, а на взаимном признании участников коммуникации как равных: «…инструментальные акты в той мере ограничены коммуникативностью, в какой они принимают участие в выполнении планов, связанных с планами других участников интеракции путём общего определения ситуации и процесса взаимопонимания»[1].

Как указывает Маккартни в своей статье, по мнению Хабермаса, взаимное признание участников коммуникации как равных, в смысле признания равных шансов на рациональную аргументацию в дискуссии, является специфическим трансцендентальным основанием коммуникации, то есть той базовой моральной интуицией, которую все участники жизненного мира уже априорно принимают. Вступая в коммуникацию, человек уже заранее соглашается с тем, что другой индивид может рационально объяснить свою мысль или, к примеру, привести рациональные аргументы против моих аргументов. Эти условия немецкий философ считает неизбежными и неотъемлемыми[2]. Влияние внеязыковых медиумов может распространяться и на сферу коммуникации и оказывать искажающее давление на саму коммуникацию. Наилучшим избавление от подобных внешних принуждений можно назвать установление определённых правил коммуникации, главными из которых являются симметричное распределение шансов между всеми партнерами дискуссии при выборе и использовании языковых актов.

Маккартни добавляет, что Фуко недооценивает силу коммуникации, как средство взаимодействия внутри общества, является, по мнению Хабермаса, одной из ключевых ошибкой в его концепции власти. Недооценка индивидуальной коммуникации приводит и к тому, что Фуко недооценивает индивидуализирующей характера социализации в целом, а также роли самоформирования и самодетерминации человека. Это замечание было бы

---

1 Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне / Пер. с нем. - М.: Издательство «Весь Мир», 2003. - 416 с. - с. 33

2 Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. - С-Пб, "Наука", 2001. - 382 с. - с. 195.

корректным по отношению к молодому Фуко 70-х годов, когда он еще находился в рамках своих работ «Надзирать и наказывать» и «Воли к знанию». Этот этап его творчества привел к тупику, как уже не раз говорилось ранее, от сознания Фуко просто пришел к телу. Однако поздний Фуко, как упоминалось ранее, уже осознавал методологическую ограниченность своего подхода. Об этом свидетельствует его обращение к проблематике конституирования субъекта («морального субъекта» как назвал его Фуко), а также направление своих исследований в сторону изучения сопротивлений власти, а не только техник власти в 80-х годах. Тем не менее, Фуко не отходит от своих прежних позиций, а лишь добавляет проблематику “техник себя”: «Если анализировать генеалогию субъекта в Западном обществе, то необходимо принимать во внимание не только техники доминирования, но также и техники себя. Необходимо принять во внимание интеракцию между этими двумя типами техник, точку, в которой технология доминирования одних индивидов над другими прибегает к помощи процессов, через которые индивиды также влияют на самих себя». Таким образом, оставляя за различными политическими институтами возможность конституирования субъекта (интериоризация власти), Фуко подчеркивает, что сама политическая власть непосредственно зависит от способности людей принуждать самих себя к действию. Попытки возродить древнегреческую этику и применить к современности “техники себя“, Фуко указывает на то, что складывание субъекта становится возможным только через «власть над собой» (encrateia), самопринуждение как контроль над сферой собственных желаний (aphrodisia). Таким образом, условие возможности самодетерминации - не усвоение системы личных местоимений (такое усвоение само по себе еще не гарантирует самоформирования и самодетерминации индивида), а приобретение определенного уровня самоконтроля как контроля над собственной «этической субстанцией» (aphrodisia), который теснейшим образом связан с властью как таковой.

Власть по Фуко имеет дело не с коммуникативно-компетентными индивидами, а только с телами, и их дисциплинарными характеристиками. Но

даже если следовать Фуко и согласить с тем, что человек как субъект полностью сформирован через институты власти (власть-знание), то нельзя ли сказать также, что благодаря этой институциализированной власти, субъект достигает определенного уровня автономии, которая позволяет ему осуществлять дальнейшую самодетерминацию. Такая постановка вопроса ставит под сомнение слабость позиций субъекта и его тотальную зависимость от дисциплинарной власти и власти-знания и приводит к мысли о том, что воспитательная силу этих двух механизмов приводит в конечном итоге к появлению автономной воли индивида[1].

Тем не менее, кажущаяся разгромная критика Фуко, которую провел Хабермас, держится лишь на том, как именно Хабермас вписывает власть в представлении Фуко в свою методологию. Немецкий философ отождествляет власть в анализе М. Фуко с эффектом стратегической интеракции. Таким образом, он тут же придает власти некое целевое и рациональное основание, которому всегда противился Фуко и его постмодернистские коллеги. Французский теоретик не связывает власть с рациональным действием, тем более рациональностью субъекта. Власть для М. Фуко является комплексным взаимодействием, которое имеют место в любом обществе, на всех его уровнях, независимо от источников их мотивации. Отсюда следует, что Фуко рассматривает власть гораздо шире, нежели интерпретация Хабермаса, в которой он помещает фукодианскую власть в административно-политическую сферу. Следовательно, этот выпад, проделанный Хабермасом уже после смерти М. Фуко, и не могло быть им отпарировано, не может серьезно ограничить концепцию Фуко

Ключевое отличие в понимании власти между Хабермасом и Фуко состоит в том, что первый считает, что власть можно охарактеризовать как влияние, которое через реализацию некоторых действия нацелено на успех, в то время

---

1 Biebricher T. Habermas, Foucault and Nietzsche: A Double Misunderstanding / T. Biebricher. - Foucault Studies, 2005. - No 3. - pp. 1-26

как для второго власть всегда тождественна влиянию. Два философа исследуют сущность власти в двух параллельных плоскостях. Для Хабермаса влияние через коммуникацию качественно отличается от влияния через власть, так как в первом случае можно видеть убеждение, а во втором – принуждение. Для М. Фуко влияние всегда привязано к власти, а значит любые средства – это всего лишь технологии власти. Хабермас открыл неверную интерпретацию фукодианской власти как атрибута стратегической интеракции и тем самым фактически зачисляет его теорию в разряд «системных»[1]. В действительности же, Фуко анализирует власть, судя по всему, на досистемном уровне. Государство для него "надстроечно по отношению к целой серии властных отношений, которые инвестируют тело, сексуальность, семью, родство, познание, технологии и т.д.".

Переходя к вопросам о субъекте и истине, а также к другим методологическим проблемам, Хабермас указывает и на целый ряд проблем и ограниченностей подхода Фуко. Один из них состоит в том, что французский философ использует презентистскую методологию, в то время как сам Хабермас не отвергает возможность объективной исторической истины. Согласно герменевтике, любое историческое исследование всегда имеет априорную «соотнесенность с современностью». Историк не обладает возможностью абстрагироваться от своего собственного исторического «сейчас» и всего спектра тех предрассудков, мыслей, категорий, которые присутствует в этом «сейчас». Однако Фуко апеллирует к категориям современности, опосредуя тем самым своё генеалогическое исследование, таким образом, впадая в презентизм и наивный подход к историческому анализу. Здесь позиция Фуко выглядит значительно слабее, чем по другим вопросам. Историческое исследование никак не может абстрагироваться от своей имплицитной или эксплицитной соотнесенности с современностью. «Отделяя и различая исторические эпохи

1 Honneth, A. The Critique of Power. Reflective Stages in a Critical Social Theory / A. Honneth. - The MIT Press, Cambridge, Massachusets and London, England, 1991. - 335 p. - p. 157-183.

Фуко не смог избежать имплицитного отношения к современности»[1]. Исторический анализ всегда будет косвенно связан с понятиями и категориями «сейчас», что позволяет выявлять отличия одной исторической эпохи от нашего времени.

Следующий вопрос, который адресует Хабермас французскому философу и, тем самым, ограничивая его подход – каковы критерии плохой власти? Как отличить хорошую власть от плохой? Почему надо противостоять дисциплинарному режиму? Зачем необходимо сопротивление? Однако, ставя такие вопросы, Хабермас делает сразу две неаккуратных шага в своей критике Фуко. Во-первых, он соскальзывает в сферу нормативности и ценностей, которая в его концепции держится в "жизненном мире", которого у Фуко априори нет. Во-вторых, вкрапливая в свою критику категории плохая или хорошая власть, он задается вопросом о легитимации, который для Фуко также не является существенным или, по крайней мере, он избегает этой темы.

Еще одно важное критическое замечание от Хабермаса состоит в том, что Фуко не объясняет появление социальных, а, следовательно, и дисциплинарных институтов. "Очень трудно объяснить, каким образом непрерывные локальные конфликты и противостояния консолидируются в институциализированную власть"[2]. По Хабермасу, условием возможности создания и развития институтов является установление традиций и норм построенных на основе коммуникации и взаимопонимания. Институты для него становятся определенными совокупностями правил, которые координируют и регламентируют всю человеческую деятельность. Таким образом, внутри институтов власть встречает ограничение в виде различных установленных норм и традиций, построенных на основе взаимопонимания внутри общества. У Фуко отсутствует всяческое объяснение.

---

1 Habermas, J. Questions concerning the Theory of Power // Power and Critic, The MIT Press, Cambridge,Massachusets and London, England, 1994 - p. 90.

2 Habermas, J. Questions concerning the Theory of Power // Power and Critic, The MIT Press, Cambridge,Massachusets and London, England, 1994. - p. 98.

Хабермас также неоднократно критикует Фуко в релятивизме. Не принимая методологическую установку участника хабермасовского “жизненного мира”, Фуко отбрасывает и имплицируемые этой самой установкой исследовательские перспективы, принадлежащие сфере ценностей и нормативов. Фукодианская «концепция власти как сети отношений, в которую мы всегда и везде уже вплетены, обесценивает вопрос о том, кто имеет власть и по какому праву он её имеет, или кто выигрывает, а кто страдает от неё»[1]. Сам Фуко подчеркивает, что любая власть порождает контрвласть, следовательно, любой господствующий, тотализирующий дискурс ведет к созданию маргинальных типов дискурса. Значит, речь самого Фуко должна была поддерживать один из этих типов дискурса. Французский генеолог намекает на то, что принадлежит к контрвласти, когда устанавливает оппозицию «универсальной критики» и «локальной критики», включающую археологию, а впоследствии и генеалогию. Генеалогией для Фуко является «поддержка требования внимания к локальным, неконтинуальным, дисквалифицированным, нелегитимным знаниям против требований унитарной теории, которая будет фильтровать, иерархизировать и упорядочивать их под именем определенного истинного знания…»[2]. Следовательно, Фуко необходимо отнести к контрвластному типу дискурса. Скрытые нормативные основания присутствуют и в исследовании дисциплинарной власти и без них сложно понять процесс ее институциализации. Фуко вступает в противоречие с собственной презентистской методологией, когда начинает критиковать понятие «тотализирующего дискурса». Ведь любая критика, так или иначе, апеллирует к определенным нормативным основаниям, с позиций которых она собственно и ведется. Выступление против универсальности тотализирующих дикурсов ведется с позиций защиты локальных, дисквалифицированных дискурсов.

---

1 McCarthy, T. The Critique of Impure Reason: Foucault and the Frankfurt School / T. McCarthy // Political Theory. - Vol. 18, No. 3 (Aug., 1990), pp. 437-469 - p. 253.

2 Foucault, M. Power / Knowledge. Selected Interviews and Other Writings 1972-1977 / Edited by Colin Gordon. - Pantheon Books, New York, 1980 - 261 p. - p.78 - 109

Также, с методологической точки зрения, ставится под вопрос столь серьезная фукодианская линия отказа от новоевропейской философской традиции. Хабермас указывает, что новоевропейская (классическая) философия субъекта стоит на двух основных тезисах - когнитивное отношение регулируется истиной суждения, а практическое отношение регулируется успехом действия. «Власть – это то, благодаря чему субъект осуществляет влияние на объект в действии, ориентированном на достижение успеха. В этой связи, успех действия зависит от истинности суждения, которая входит в план действия»[1]. Для Фуко дело обстоит иначе - не власть зависит от истины, а истина определяется властью. По мнению Хабермаса, такую реверсию нельзя принять за преодоление философии классического субъекта. Напротив, она по-прежнему и напрямую зависит от понятийно-категориального аппарата этой философии. Несмотря на критику позиций классического субъекта, Фуко сам в значительной степени остаётся зависимым от объекта своей собственной критики. Казалось бы, французский философ, при разработке дисциплинарной власти, обращается к телу, а не сознанию, для того, чтобы избежать столкновения с классическим субъектом. Однако существенным образом это не изменило виденье власти как силы, с тем лишь замечанием, что теперь тело становится носителем власти, а власть приобретает форму телесности.

Последним замечанием, которое можно отметить в критике Хабермаса, может служить вопрос о нормативности. Фуко анализирует нормативность только со ссылкой на то, что сама нормативность является специфическим срезом определённого режима власти-знания. По мнению Хабермаса, такой подход слишком радикален, в то время как сами социальные нормы могут быть когнитивно обоснованы с точки зрения их претензий на значимость. Здесь и вкрапливает хабермасовское понимание понятия дискурс. Дискурс – специальная коммуникативная процедура, которая надстраивается над повседневной коммуникацией и осуществляет проверку претензий на значимость

1 Habermas, J. Questions concerning the Theory of Power // Power and Critic, The MIT Press, Cambridge,Massachusets and London, England, 1994, p. 98.

определенных социальных норм. Правила построения такого дискурса однозначны. Объект дискурса - претензии норм на значимость, цель – проверка этих претензий, мотив – общий поиск истины, единственным правилом и действующей силой – сила «лучшего аргумента». Благодаря выполнению этих простых правил дискурс, по мнению немецкого критика, освобождается от влияния внеязыковых принуждений из системы – власти и денег, которые могут проявляться в неравенстве социальных статусов участников коммуникации. Дискурс становится единственным местом проявления истины. Участие в дискурсе должно быть максимально широким, в идеале – всеохватывающим. Очевидно, что такое виденье дискурса скорее идеалистично, но это именно тот механизм, который Хабермас противопоставляет Фуко, проводя ревизию понятия дискурс. Дискурс не только оправдывает нормы и их создание, но и рационально их обосновывает. Следовательно, по Хабермасу, нормы познаются, как познается и истина.

Взгляд Фуко на соотношение вопросов истины, дискурса и знания был отмечен в данной работе выше. Тем не менее, важно отдельно отметить отличия в понимании дискурса у Фуко и Хабермаса. В противовес идеалистичному понятию хабермасовского дискурса, в котором ключевую роль играет “лучший аргумент”, Фуко настаивает на том, что он сам по себе уже является частью властных технологий, а значит никакой множественности мнений и выявлении какого-либо одного, наиболее подходящего из них, не может быть. Нормативность вырабатывается в ходе построения дискурса, вне зависимости от того, является он юридическийм медицинским или научным - – он всегда будет вплетен в существующий диспозитив власти. Истина так же, как и нормативность, для Фуко, как ученика Ницше, является изобретением дискурса, единственным отличием которого является возможная политическая значимость.

В целом, можно сделать обобщающий вывод о противостоянии теоретических позиций Фуко и Хабермаса. Можно выделить две сильных позиции в критике Хабермаса по отношению к Фуко. Первая сильная позиция, которая ограничивает концептуальные рамки Фуко, состоит в том, что

французский исследователь ограничен в своей критике классического субъекта категориальным и понятийным аппаратом классической философией субъекта. Вторая сильная позиция – Фуко, в своих исторических исследованиях, использует презентистскую методологию, которая способствует тому, что Фуко не избавляется от категорий суверенитет, государство, идеология и т.д., что, в представлении Хабермаса, априори делает из Фуко “системного” мыслителя.

Можно выделить три слабые позиции в критики Хабермаса. Первая - Фуко оставляет неясность происхождения социальных институтов. Вторая – соотношение самоформирования субъекта и влияние на него дисциплинарной власти, которое Фуко в позднем периоде своего творчества детально описал и принял во внимание. Третья – признание Фуко релятивистом, что, в свою очередь, не может служить аргументом, ограничивающим концептуальное пространство его идей.

Еще две позиции никак не влияют на теоретическое наследие Фуко, так как Хабермас просто подменяет определение понятие или вписывает концепты Фуко в свою методологию. Во-первых, он вписывает понятие власти Фуко внутрь своей методологии анализа общества, локализую власть в “системе”, несмотря на то, что Фуко всегда был против локализации власти. Во-вторых, Хабермас ставит вопрос о дискурсе по-другому, используя идеалистичный подход и меняя вектор развития мысли, после чего позиции Фуко и Хабермаса по вопросам допуска субъекта к истине, к знанию и к созданию норм кардинально расходятся.

Таким образом, можно резюмировать, что концептуальные ограничения фукодианского анализа власти можно обнаружить не во всех направлениях его исследований. Очень часто обнаруживается, что его концепции не столько ограничены, сколько являлись точкой опоры для новых исследований, которые развивали его мысль. Однако те критики, которые могут ограничить рамки его концепции, действительно ставят вопросы позволяющие дисквалифицировать некоторые доводы Фуко.

По линии проблем, связанных с пониманием и интерпретацией власти и ее типологии, функциям, происхождению и т.д., Фуко сталкивается, главным образом, с К. Шмиттом и Д. Агамбеном, в меньшей степени с Ю. Хабермасом.

По линии проблематики субъекта, Фуко, безусловно, в силу постоянно расширяющихся дискуссий по этому вопросу, пересекается и расходится со многими крупными философами и теоретиками XX века. Схожие с ранним Фуко (макрофизического этапа) идеи по поводу смерти, слабости, несостоятельности, необходимости пересмотра смысла субъекта в современном мире, которые также характерны для радикального постмодернизма, находят свое отражение и практически дублируются представителя Франкфуртской школы, и отдельных авторов, таких как К. Шмитт, Э. Левинас, Ж. Деррида. Ж. Лакан, Ж. Делез. Однако, как правило, их концепции полностью укладываются в рамки тех идей, которые провозглашает Фуко, либо являются их развитием (Ж. Делез, Ж. Деррида). Поздний Фуко (микрофизический этап), который решил реабилитировать субъекта и встать на позиции умеренного постмодернизма, в целом, не ограничен со стороны какой-либо критикой или концептуальными рамками, но при этом обнаруживаются схожие линии размышления среди целого ряда антиковедов (П. Адо, П. Вейн и т. д.) и отдельных мыслителей (М. де Серто).

Наибольшее сопротивление концепция Фуко встречает по линии вопросов истины и знания, пересекаясь с хабермасовской линией рассуждений о коммуникации и информации. Здесь можно ставить вопросы о том, насколько М. Фуко верно разрабатывает проблематику на уровне своего категориального аппарата, рассматривая вопросы о власти и знании (истине) через категорию субъекта и, правильно ли он действует, когда, пытаясь внедрить правило отказа от таких универсальных понятий как государство, суверенитет, идеология и др., сам активно использует эти понятия в ходе своих исследований, меняя лишь их некоторое теоретическое наполнение.

Таким образом, можно утверждать, что те концептуальные рамки, которые складываются на основе критики других теоретиков или их дальнейших исследований на основе идей Фуко, в целом, делают его концепцию широкой по

своему применению, глубокой по своей аргументации и проработанности и развитым методологическим аппаратом. Главным образом, они позволяют концентрироваться не только на политической власти в ее репрессивной манере, а на власти на ее окраинах, на стыке эффектов власти и повседневности, на самом обрыве власти. При этом, если сам Фуко, указывая на то, что репрессивные институты, как объекты исследований, ему не интересны, изучая институты, связанные с дисциплинарными механизмами власти, открывает и иную область исследований, но не касается ее на протяжении почти что всей своей научной карьеры, оставив лишь небольшое теоретическое указание на их возможное исследование. Этим исследованиям будет посвящена следующая глава данной работы.

3.2. Анализ власти в повседневных практиках в пространстве гетеротопий

Как признавался М. Фуко, в своих исследованиях, он, в большей степени, интересовался не властью как некой репрессивной инстанцией, а властью “на ее границах”[1]. Если учитывать ту работу, которую он проделал своих последних исследованиях посвященных субъекту, то можно заключить, что повседневные практики, как практики власти или сопротивления власти – это то, на что был направлен его анализ.

Анализ власти, который предлагает М. Фуко, в первую очередь, направлен на культурные явления и социальные институты, которые не могут быть вовлечены в процессы власти. Свою концепцию дисциплинарной власти он развивал с тем, как изучал подробности работы таких институтов как больницы, лечебницы, тюрьмы, мастерские, казармы, школы и т.д. Однако, несмотря на

1 Фуко, М. Нужно защищать общество: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 учебном году. - СПб.: Наука, 2005. 312 с. - с. 46

попытки экстраполировать свой опыт анализа власти на современность, Фуко, чаще всего, останавливался лишь на уровне макрофизики власти, то есть на политическом уровне.

В данной главе автор попытается проанализировать те социальные институты или социальные технологии, которые французский философ не проанализировал по разным причинам. Если М. Фуко, в силу своей увлеченности дисциплинарными техниками и макрофизическим подходом к анализу власти, использовал для анализа властных механизмов такие пространства как больницы, тюрьмы, цехи, казармы, школы и т.д., то здесь автор попробует разобрать другие пространства, такие как пространство дорожного движения, парк развлечений, метрополитен, библиотека. Главным отличием этих пространств является их добровольность. Если дисциплинарные механизмы присутствуют там, где человек, рано или поздно, в меру своего взросления, окажется вовлеченным в процесс социализации, то гетеротопии, или “другие пространства”, являются добровольными в том смысле, что человек сам вводит себя в эти пространства, без принуждения пройти через их процедуры воздействия.

В своей статье Фуко выделяет утопии и гетеротопии. “Утопии – это местоположения без реального места”[1], то есть некие аналогии, идеализированные пространства уже существующих социальных реальностей. Гетеротопии – это “реализованные утопии”, т.е. пространства, которые имеют функции реального социального пространства, но, при этом, обладают функциями и других пространств, которые подобны зеркалу. Имеется в виду “помещение себя в пространство, где меня нет”. Таковым, по мнению автора, может быть и помещение себя в пространство власти. В своей статье Фуко приводит множество интересных примеров гетеротопий: поезд, кладбище, театр, кинотеатр, сад, ярмарка, публичный дом, колония, корабль.

Подобные пространства редко анализируются с точки зрения взаимоотношения власти и субъекта, не часто в подобный анализ вкрапливается

---

1 Фуко, М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. Б.М.Скуратова под общей ред. В. П. Большакова — М.: Праксис, 2006. - Ч.3. - 320 с. - с. 195

проблема знания и истины, и совсем отсутствуют подобные исследования с точки зрения фукодианской методологии. Проблема заключается в том, что сам М. Фуко рассматривал вопросы, связанные с анализом подобных пространств, но в итоге остановился только на тех из них, где сумел нащупать дисциплинарные техники. В конце 60-х годов он анализировал множество пространств, которые представлялись ему пересечением несколько измерений одновременно. Можно выделить это в отдельный, но в меньшей степени раскрытый концепт гетеротопий. Он не разрабатывал этот концепт после единственно прочитанной лекции в 1967 году, которая была опубликована лишь 17 лет спустя, и был раскрыт с позиции архитектуры, но не с позиции взаимоотношений власти, субъекта и истины. Вообще, необходимо отметить, что это была частая привычка Фуко – начать разрабатывать какую-либо тему, которая могла бы дать свои плоды в обозримом будущем, но прекратить исследования, занявшись другими проблемами, на которые он переключался в силу своей собственной заинтересованности.

Само описание “других пространств” он предложил называть гетеротопологией, по аналогии с генеалогией, не рискуя назвать ее наукой, он называет это “систематической дескриптивной практикой”. Фуко не дал точного определения для этого понятия, однако, вывел шесть принципов описания гетеротопий:

1. В мире нет ни одной культуры, которая бы не создавала гетеротопии
2. Общество может использовать гетеротопии самым разнообразным способом, функционирование гетеротопий можно изменить и начать использовать по-иному
3. Гетеротопия может помещать в одном реальном месте несколько пространств, несколько местоположений, которые сами по себе несовместимы
4. Гетеротопии также могут быть гетерохронологиями, то есть пространствами, связанными с разрывами во времени, а со связями в пространстве.

5. Гетеротопии всегда предлагают систему барьеров и проходов, которая одновременно изолирует их и делает проницаемыми. Тут Фуко проводит разделение пространств на добровольные и принудительные

6. Гетеротопии “по отношению к остальному пространству наделены некой функцией”, Фуко поясняет это разделением гетеротопий на те, которые создают иллюзорное пространство, которое разоблачает реальность (публичные дома) и на те, которые создают слишком аккуратное, упорядоченное пространство (колонии)[1].

Один из исследователей Фуко – Д. Фабиан - обозначил гетеротопии как «реализованные утопии»[2] т.е. результатом намеренного конструирования идеального образа из обломков прежних смыслов, которые помещаются в реальность и доводятся до своеобразного предела, конечной точки[3]. Другой исследователь – К. Хэтерингтон – определял гетеротопию как пространство особого социального порядка, главным парадоксом которого является объединение “пространства полной свободы” и “пространства тотального контроля”. Он указывает, что гетеротопию можно назвать неким space-between («между-пространством»), существующим между eu-topia и ou-topia, но которое стремится к достижению социального порядка, совмещающего как идеи контроля, так и возможность свободы. «Следовательно, гетеротопия выявляет процесс социального упорядочивания, будучи скорее процессом, нежели предметом»[4]. Р. Топинка подчеркивает, что “Фуко не только не дает точного определения гетеротопиям, но и не упоминает, где можно об этом узнать больше”, к примеру, в античной литературе[5].

---

1 Фуко, М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. Б.М.Скуратова под общей ред. В. П. Большакова — М.: Праксис, 2006. - Ч.3. - 320 с. - с. 197 - 203

2 Faubion, J.D. Heterotopia: an Ecology // Heterotopia and the City: Public Space in a Postcivil Society / Ed. by Michiel Dehaene, Lieven De Cauter. L.; N.Y.: Routledge, 2008.. - P. 31–39;

3 Harvey, D. Spaces of Hope / D. Harvey. Berkeley: University of California Press, 2000. - p.183

4 Hetherington, K. The Badlands of Modernity: Heterotopia and Social Ordering / K. Hetherington. L.: Routledge, 1997

5 Topinka R.J. Foucault, Borges, Heterotopia: Producing Knowledge in Other Spaces / R.J. Topinka. - Foucault Studies, 2010. -No. 9. - pp. 54-70

Анализ власти внутри других пространств – это само по себе является анализом повседневных практик и направлено на то, чтобы вскрывать отношения власти на самом ее обрыве, там, где ее не видно невооруженным взглядом. Анализ этих практик может выглядеть неправдоподобным и неважным, но именно в этом и состоит сложность его анализа – действия людей, их поведение, расписание, привычки и другие упорядоченные (или хаотичные) действия – являются настолько примитивными и вросшими в естественную жизнь каждого человека, что сам их анализ уже является подрывом их власти.

Схожие проблемы и само понятие гетеротопии, в современной гуманитарной мысли, изучаются в рамках архитектуры[1] или урбанистики[2], Существуют работы, в которых подчеркивается важность анализа пространств для понимания некоторых аспектов политическое власти, однако Фуко привлекается там без своего концепта гетеротопий[3]. Есть работы, которые используют концепт гетеротопий, как стартовую площадку для собственных исследований[4]. В общем, западное научное сообщество только с начала XXI века начала переосмысливать концепцию гетеротопий, но применяет его в основном к различных социальным феноменам вне контекста властных отношений. Например в тексте Д. Фобиона понятие гетеротопии сравнивается с «коммунитас» у В. Тёрнера и с «демоническим» Х. Блума, у Д. Агамбена понятие вовсе превращается в термин «лагерь» и т.д.[5] Исследования посвящены таким пространствам как торговые центры, жилые дома, пляжи, проекты городского обновления, искусственные острова, городские площади, кладбища и т.д. Одна

---

1 Scott, J.C. Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed / J.C. Scott. New Haven: Yale University Press, 1998 ; Fontana-Giusti G. Foucault for Architects / G. Fontana-Giusti. - Routledge, 2013. - 200 p.

2 Urbach, H. Writing Architectural Heterotopia // The Journal of Architecture.1998. - No. 3 (4). - p. 347–354.

3 Farrar, M. Building the Body Politic: Power and Urban Space in Washington / M.E. Farrar. - University of Illinois Press, 2008. - 183 p.

4 Elden, S. Space, Knowledge and Power: Foucault and Geography / S. Elden. Routledge, 2016. - 390 p.; Dehaene M. Heterotopia and the City: Public Space in a Postcivil Society / M.Dehaene, L. De Cauter. - Routledge, 2008. - 360 p.

5 Faubion, J. Heterotopia: and Ecology / J. Faubion // Heterotopia and the City: Public Space in a Postcivil Society / Ed. by Michiel Dehaene. - N.Y.: Routledge, 2008.- p. 31–39.

интереснейшая работа посвящена поиску гетеротопий в античном мире, которая отчасти касается проблем субъективации[1]. Некоторые отечественные исследователи также делали попытки использовать фукодианские гетеротопии для анализа, к примеру, идентичности[2], широких пространств[3], городских мест отдыха[4].

В рамках данной работы интересно рассмотреть эти пространства с позиций анализа власти М. Фуко – как на макрофизическом, так и на микрофизическом уровнях. Независимо от того, сколько можно найти пространств внутри каждого из этих примеров, автор будет выделять очевидное (т.е. поверхностное, безусловное) пространство и пространство власти. Вне всякого сомнения, в каждом их приведенных примеров можно находить и другие пространства – экономические, культурные, виртуальные и т.д.

Первый пример будет касаться дороги и правил дорожного движения. Пространство дорожного движения - это чистая и довольно старая гетеротопия. Будучи используемой всеми людьми и имея древнее происхождение, по - крайней мере, в западной цивилизации правила дорожного движения появились еще при Юлии Цезаре, дорога и правила, приписываемые каждому участнику движения на ней, имели очевидный смысл. С позиции очевидного, дорога и, сопутствующие движению на ней, правила, предназначены для повышения безопасности, предотвращения заторов (пробок), увеличение эффективности пропускной способности и прочие логистические функции. Однако эта гетеротопия имела и другое пространство – пространство, где осуществлялись властные отношения между участниками этого движения. Поначалу эти властные отношения носили

---

1 Smith, E. Foucault's Heterotopia in Christian Catacombs: Constructing Spaces and Symbols in Ancient Rome / E. Smith. - Springer, 2014. - 203 p.

2 Беззубова, О.В. «Другие пространства» Мишеля Фуко: современные стратегии интерпретации / О.В. Беззубова // Вестник гражданских инженеров. - 2011. - № 2 (27). - с. 199–204.

3 Филиппов, А.Ф. Гетеротопология родных просторов / А.Ф. Филиппов // Отечественные записки. - 2002. - № 6–7. - с. 48–62

4 Квят, А.Г. «Все будет иначе»: городской пикник как гетеротопия / А.Г. Квят // Вестник Томского государственного университета. - 2014. - №388 - с.65-75.

межличностный характер и осуществлялись между участниками-людьми. Однако с повышением интенсивности движения и с технологическим прогрессом, характер этих взаимоотношений изменился – появились светофоры, разметки, знаки, искусственные препятствия и преграды и т.п. Таким образом, дорога – это гетеротопия, обладающая как минимум двумя включенными в нее пространствами – пространством улучшения пропускной способности и пространством власти.

Необходимо взять пример, касающийся пространства дорожного движения, с небольшой локализацией - для наглядности, ситуация взаимодействием пешехода и светофора. Согласно модернисткой концепции власти, такую ситуацию нельзя рассматривать как властные отношения, так как есть лишь один субъект - это человек, в то время как светофор и вовсе не является разумным и рациональным элементом. Постмодернистский подход вполне может рассмотреть эту ситуацию, как отношения власти между человеком и некой инстанцией, которая временно обладает власть, т.е. светофором. В постмодернистской традиции нет необходимости рассматривать субъект и объект власти, и они не обязательно должно быть наделены разумом. Когда человек останавливается перед запрещающим сигналом светофора, он тут же теряет свои свойства субъекта власти, т.е. не может полностью реализовать свои возможности и способности, в данном случае не может перейти улицу. В такой ситуации светофор становится субъектом власти, или оператором власти. Эта ситуация показывает, как оператор, хоть и временно, но может быть субъектом, осуществляя контроль над своим объектом, т.е. человеком. При этом светофор не обладает никакими рациональными началами, помыслами, интересами, его создавали не для того, чтобы останавливать людей, а для того, чтобы регулировать дорожный трафик. Его цель первоначально была биополитической, используя подход М. Фуко. Цель светофора, как части большого биополитического устройства власти – регулировать передвижение большого количества людей и машин, а не осуществлять власть над конкретным индивидом. Тем не менее, именно светофор становится субъектом власти,

который с точки зрения фукодианского учения правильнее всего называть оператором власти. Даже в тот момент, когда светофор покажет разрешающий сигнал человеку-пешеходу, он все равно остается во власти светофора, а точнее, в пространстве его власти, так как подконтрольное светофору пространство ограничено. Когда человек преодолевает это пространство он тут же выходит из-под власти светофора и возвращает свою позицию субъекта (оператора) власти.

Таким образом, анализ данной ситуации дает право сделать несколько выводов. Во-первых, можно проводить анализ власти между двумя элементами любой системы, даже если не все из них наделены разумом. Во-вторых, субъект и объект власти – слишком громоздкие понятия для анализа власти на уровне микрофизики. На таком уровне адекватнее использовать понятия оператор власти, элемент, который находится на стыке понятия субъект и объект власти и при этом ограничен в своей власти, как во времени, так и в пространстве. В-третьих, оператор власти может не обладать никаким основанием, предысторией или фундаментом своей власти. Оператору власти достаточно повседневного устройства жизни для того, чтобы заполучить и использовать свою власть, это устройство жизни может быть совершенно не связанным с властью или институтами власти. В целом, в этом беглом анализе, использовался подход, который для позднего Фуко был наиболее характерен – поиск чего-то среднего между объектом и субъектом, т.к. использование категории, которая в рамках данной работы была обозначена как “оператор власти”.

В качестве второго примера возьмем такой социальный институт как метрополитен. М. Фуко не уделял внимания этому общественному институту и не анализировал его с точки зрения дисциплинарного устройства, хотя он обладает мощным дисциплинарным механизмом. Метрополитен первоначально создавался как транспортная система, которая помогала управлять перемещением людей, что было связано со все более частым появлением пробок на дорогах, с урбанизацией, с появлением множества рабочих мест в тех частях города, до которых трудно или чрезмерно долго добираться другими видами транспорта и т.л. С точки зрения биополитики, именно эта регулятивная функция является ключевой.

Регулирование потоков людей, перемещения больших масс людей – это то, на что в данном случае направлена макрофизика власти.

Отдельно можно выделить и экономическую составляющую власти в макрофизике метрополитена. Человек, который пользуется этим общественным институтом, должен обладать некоторым материальным ресурсом, которым он должен пожертвовать, чтобы воспользоваться услугами этого общественного института. Это отличает метрополитен и его механику власти от мастерской, казармы, тюрьмы или больницы, так как они не обладает экономической составляющей власти и являются либо обязательными институтами (армия, тюрьма), который посещают определенные группы людей, либо необходимыми для самого человека (больница, мастерская). Метрополитен, осуществляя схожую функцию дисциплинарной власти, является добровольным местом, где человек пребывает во власти определенных правил, ограничений и регуляций, что и делает это пространство гетеротопичным.

С позиции очевидного пространства, метрополитен – удобный и относительно независимый способ передвижения отдельно взятого человека. Но с позиций другого пространства, метрополитен – действительно дисциплинизированное место, наполненное правилами и техниками безопасности, негласными правилами, указателями, турникетами, наличием наблюдателей, дежурных на станциях, охраной и т.д. Это пространство остается гетеротопичным в силу того, что человек, оказывается, втянут в двойной регистр собственных действий.

Уровень микрофизики власти предполагает, что субъект должен располагать некоторым объемом власти в метрополитене. Однако, можно ли однозначно утверждать, что человек обладает властью над собой когда находится в пространстве власти метрополитена? Строгое расписание прибытия и отбытия поездов, распределение потоков людей с помощью эскалаторов, турникетов, других устройств, распределение скорости движения потока людей с помощью регуляция частоты приезда поездов или скорости движения эскалаторов, направляющие стрелки движения, само расположение входов и выходов в метро и

из него. Вся эта палитра дисциплинарных механизмов очень похожа на ту, что М. Фуко описывает в своих работах, анализирую распорядок дня рабочих, положение тела учеников за партой, строгий контроль над передвижениями больных или заключенных. Итак, во-первых, контроль над пространством, через управление телом человека, его скоростью передвижения, его положением в пространстве (к примеру, правила, гласящие, что нельзя лежать, сидеть, прыгать, бегать на эскалаторах) и, во-вторых, контроль над временем, которым располагает человек находясь в пространстве власти метрополитена – прибытие и отбытие поездов, открытие и закрытие дверей вагонов, открытие и закрытие турникетов и т.д. Эти два вектора, по направлению которых работает механика власти метрополитена, ограничивают субъекта в его собственной власти. Как и в предыдущем примере, находясь в пространстве власти (для метрополитена это может быть как вагон так и отдельно взятая станция), субъект становится объектом власти. Даже если предположить, что какой-либо отдельно взятый человек развивал себя в достаточной мере хорошо для того, чтобы физически не опасаться неожиданных ситуаций в пространстве метрополитена (например, может не стоять у ограничительной линии перрона, так как обладает способностью всегда забраться на платформу в случае падения), интеллектуально понимает свое значение в метрополитене (понимает, что не надо задерживать людей идущих сзади, толкать идущих спереди, загромождать проходы и т.д.) то все равно, происходит некая интериоризация сознания. Фуко говорит об этом, когда утверждает что, к примеру, паноптический контроль был гораздо более эффективным, так как основным механизмом принуждения были не цепи и оковы, а внушение того, что за узником наблюдают. Окружающая среда, то есть пространство власти метрополитена, переворачивают положение субъекта и делают его объектом. Власть при этом, безусловно, не переходит к тому, кто изобрел метро, построил его или его обслуживающим персоналом. Метрополитен, который практически полностью контролирует пространственные и временные координаты человека, становится чем-то выше субъекта, полностью воплощает собой власть, делая человека объектом своей власти. Однако покидая

пространство метрополитена человек вновь становится свободным от всяческого влияния субъектом, т.е. тем кто властен над собой и своими решениями, своим разумом. Именно такая динамика власти проясняет необходимость использования такого понятия как оператор власти.

В данном примере наиболее важным при анализе власти также является позиция Фуко, согласно которой, сам субъект власти – фигура динамичная, постоянно меняющая свои позиции с помощью техник навязывания власти или ее подрыва. С другой стороны, крайне важным здесь является и то, как можно охарактеризовать данное пространство с позиций фукодианской методологии. Именно метрополитен как гетеротопия позволяет увидеть в нем несколько накладывающихся друг на друга пространств и анализировать повседневность как ансамбль властных технологий.

Третьим примером может послушать воздушное судно, самолет. Пространство самолета, находящегося в воздухе, представляется гетеропопичным с точки зрения техники безопасности. С одной стороны, по своему обыкновению, пространство внутри самолета служит для комфорта пассажиров в ходе полета. Различные правила, которые распространяются как на экипаж, так и на пассажиров, являются частью дисциплинарного механизма. Для пассажиров это положение тела в разных режимах полета, необходимость пристегивания или перемещения по салону по требованию, подчинение капитану корабля или проводнице, как его транслятору, соблюдение правил пользования туалетом, баром, запрет на использование оружия, телефонов, взрывоопасных или токсичных предметов, распития спиртных напитков, наркотиков и т.д. Однако, в силу целого ряда особенностей, дисциплинизация не доведена до своего предела, как в других пространствах, к примеру, невозможна практика исключения, если только нет пересадок или промежуточных приземлений. Для экипажа основные правила заключаются в необходимости соблюдать порядок на борту и контролировать действия остальных пассажиров. Так, к примеру, действует принцип некого круга избранных, которые не имеют права входить в кабину самолета. По большей части, все полномочия и функции экипажа, работающего с

пассажирами, направлен на наблюдение, контроль и создание дисциплины в пространстве салона. Итак, дисциплина как метод установления безопасности на борту – основная характеристика пространства воздушного судна.

С точки зрения властного пространства, здесь можно выделить другую конфигурацию. Здесь, для анализа пространства подходит концепт Фуко о власти-знании. Здесь логика анализа будет выстраиваться вокруг ансамбля взаимодействий власти и знания и выстраивания иерархии того, кто знает и того, кто властвует. Если с позиций модерна капитан корабля – очевидный субъект власти, экипаж – его инструмент взаимодействия с объектами власти, а пассажиры – объекта власти, то с позиций фукодианского анализа дело обстоит иначе. Капитан корабля, несмотря на свое положение и обладание знанием о том, что происходит с самолетом с технической точки зрения и с точки зрения нахождения воздушного пространства, не обладает никаким знанием касательно дел, связанных с пассажирами. Для этого у него есть передаточный механизм, в виде членов экипажа, работающих с пассажирами, т.е. стюардессы или проводники. Однако могут ли проводники обладать всей полнотой информации, связанной с пассажирами? Пассажиры могут соблюдать молчание, могут давать ложную информацию, могут отказываться слушать команды или приказы экипажа или требовать информацию, которая от них утаивается. Подобное положение дел устанавливает не иерархию подчинения, а круг отношений, ансамбль операторов знания-власти. Капитан корабля, экипаж, пассажиры – они формирует сеть властных отношений и работу власти-знания. Эта схема может быть более сложной, если появится группа террористов. Их положение в иерархии власти, согласна модернистскому подходу, будет выше, чем позиция капитана корабля, однако, сама механика власти, которую предлагает, к примеру, фукодианский анализ, изменит и конфигурацию власти. Это будет игра, взаимодействие власти и знания среди пассажиров, члена экипажа и террористов, а фигура капитана корабля и вовсе может стать незначительной. В случае заражения инфекцией на борту корабля, в этот ансамбль власти войдет врач,

который в соответствии с властью-знанием займет позицию более значимую, нежели капитан судна, но все же не тотальную и т.д.

Этот пример указывает сразу на несколько положений. Во-первых, по-прежнему работает концепт оператора власти, т.е. субъекта, который в диспозиции власти (или в сети власти) постоянно меняет свое положение в зависимости от других операторов, с которыми происходит взаимодействие, от пространства, в котором находится и от дискурса, то есть системы знания и расположения истины в нем. Это происходит через различные тактики власти, которые работают через репрессию или сопротивление. Во-вторых, для анализа повседневных практик власти, работает, предложенный Фуко, концепт власти-знания. Он создает совершенно другую диспозицию власти внутри какого-либо пространства. В заключении можно отметить, что пространство самолета, как и другие ограниченные пространства, является гетеропопией, что позволяет поставить вопрос о двойном назначении и двойном взаимодействии с человеком. Первое назначение данного пространства дисциплинизирует и создает человека-объекта, который вынужден отказаться от себя и подчиняться ради безопасности в пространстве. Второе назначение пространства создает возможность для оператора власти проявлять себя, через различные тактики и уловки, подрыв власти, что он может осуществлять благодаря взаимодействию знания и власти.

Четвертый пример – библиотека. Входя в пространство библиотеки, человек обнаруживает себя в подобии сакрализованного места времен Древней Греции. Здесь, существующие правила не имеют обязательной и столь репрессивной силы, как в различных дисциплинарных институтах. В то же время, они не являются механизмом макрофизики власти, именно в силу слабости своего воздействия и небольшого масштаба своего использования. Однако они также переворачивают существование субъекта в его классическом понимании и делают его скорее оператором власти. В пространстве библиотеки он теряет возможность полностью располагать собой, иметь власть над собой или окружающим миров. Существует целый ряд процедур, которые не позволяют ему это сделать. Во-первых, необходима некая регистрация. Указание и подтверждение своей

личности, принадлежности к числу зарегистрированных или одобренных посетителей, которые будут наделены достаточным уровнем доверия и буду гарантированно ответственны за свои действия внутри пространства библиотеки. Это напоминает некий круг избранных по аналогии с Древней Грецией. Во-вторых, универсальное и подчас негласное, но обязательное правило библиотек – соблюдать тишину, порядок и чистоту. Это принципы напоминают правила этоса, которые предлагали пифагорейцы в эпоху Древней Греции. Вести себя тихо, спокойно и соблюдать чистоту – это то, как учили вести себя некоторых философские течения в античности, это то, что Фуко называл субъективацией, модусом существования себя. В-третьих - процедуры, более близкие к дисциплинарным методам – это система наказаний за нарушение правил, которая лишь стимулирует их соблюдение. Возмещение ущерба за испорченное или потерянное имущество (книги, журналы, пропуск в библиотеку) и исключение из пространства библиотеки на время или навсегда, в зависимости от ущерба и повторений проступков – это классическая тема для древнегреческих порядков. Возмещение ущерба и изгнание – основные дисциплинарные методы, которые влились во всю западную цивилизацию.

Таким образом, пространство библиотеки – это гетеротопия, которая включает в себя два пространства. С одной стороны, это пространство очевидного - получение знаний, работа с литературой, спокойное времяпрепровождение. Это пространство полной свободы. С другой стороны, это пространство другого – эстетизация себя и соблюдение строгих правил с фиксированной системой наказаний. Это пространство тотального контроля. При этом контроль осуществляется в двух модальностях: через призывы быть тихим, спокойным, чистым – подобно призывам сформировать себя, техники над собой – в данном случае – являются условием обладания власти оператором власти; и через систему наказания, которая навязывается сверху, подобно политической, репрессивной власти – здесь оператор власти уже теряет свои полномочия и вновь становится на позиции объекта. Пространство, которое включает два пространства и демонстрирует власть на своих границах – как с позиций

микрофизики, так и с позиций макрофизики власти – и обнаруживает субъект в двойном регистре.

При анализе этого примера также важным был концепт власти-знания, который Фуко применял, как правило, к дисциплинарным институтам, но которые можно обнаружить и в других пространствах. Более того, этот пример также интересен с той точки зрения, что в нем всплывают античные мотивы о субъективации и техниках себя, которые Фуко с таким интересом анализировал.

Пятый пример – здание суда. Для анализа этого пространства можно использовать статью Вернера Гепхерта, где он подробно рассматривает архитектуру и культурную включенность немецких судов.[1] Автор статьи дает исчерпывающее описание здания суда, как пространства очевидного: “Для зданий судов функция использования проистекает из действующего судопроизводства, которое диктует соблюдение архитектурных правил при строительстве здания. Так, согласно принципу «публичности» слушанья, необходимо, чтобы в помещении обязательно были места для публики. В концепции помещения должно учитываться количество судей. Задачи, стоящие перед персоналом судов в широком смысле слова, предполагают и определенные требования к постройкам, в зависимости от того, намерен ли суд, например, быть самоуправляемым или нет… При этом, конечно, мы подразумеваем, что «суд» вычленен из всех иных публичных строений, что уже произошла функциональная спецификация и выделение судопроизводства из числа иных публичных задач”.[2] Здесь указывается то обстоятельство, что здание суда, в первую очередь, в архитектурном смысле, должно выполнять свои прямые функции и обязанности. Простота, удобство, отсутствие роскоши, количество парадных и потайных входов и выходов, количество и размер окон и т.д. – все предполагает подчиненность эффективности и безопасности в здании суда. Далее автор статьи указывает и на другие пространства, которые можно извлечь в ходе

1 Гепхарт, В.. Места правосудия: судебная архитектура между сакральными и профанными строениями. Социологическое обозрение . - Том 6. - № 3. - 2007. - с. 21-33

2 Там же. - с. 22

социологического анализа зданий суда – эстетическое пространство (архитектура зданий суда как искусство), культурное (здание суда отражает дух западной, римской или французской правовой культуры и т.д.) В данной работе необходимо раскрыть, в качестве другого пространства – пространство власти.

С позиций модерна, здание суда и главный субъект внутри это здания – судья или судьи – может рассматриваться именно как субъект власти, власти судебной, одна из трех ветвей политической власти. Однако, не является ли он лишь оператором власти, то есть не обладает ли он властью лишь некоторое время, лишь оглашая поставленный вердикт или управляя процедурой самого судебного разбирательства? Он уполномочен задавать или отклонять вопросы, требовать объяснений, уточнений и т.д. Но не подчинен ли он сам процедуре дознания? Не должен ли он молчать в тот момент, когда говорит адвокат или прокурор, истец или ответчик, свидетель или эксперт? Не подчинен ли он тем законам, которые установлены в правовой системе его государства? Можно ли его считать субъектом, если он является лишь трансмиссией между обсуждаемым делом и существующей системой законом или лишь голосом этого закона? Все эти вопросы ставят ряд проблем, которые модернистскими концепциями власти не могут быть разрешены. Для модерна судья – только носитель власти, для постмодернистского анализа – это оператор власти. Только оператор власти может вписаться в динамику власти, так как ансамбль властных отношений между множеством перечисленных фигур не может быть статичным. Судья как субъект власти здесь также становится оператором, а не полноценным носителем или обладателем, его власть ограничена как самой процедурой, так и его положением в системе права. То же самое происходит и с другими фигурами любой судебной процедуры, которые в призме модерна являлись бы объектами власти. В действительности они могут разворачивать свои тактики в определенное время или при определенном положении в пространстве здания суда или помещения, где проходит судебное слушание.

Само здание суда, или помещение, где проходит судебная процедура можно назвать гетеротопией. Обыденные функции здания суда или помещения

судебного слушания – репрезентовать власть закона, проводить дознание истины, приводить в действие закон. Это основные функции и принципы работы этого пространства, как элемента макрофизической, или в целом, политической машины власти. Но в этой гетеротопии есть и иное измерение – пространство другого, пространство власти. Оно характеризуется тем, что всякий человек, который входит в пространство суда, несмотря на свое положение и весь дисциплинарный механизм процедуры судебного процесса, обладает тем большим количеством власти (различных тактик и техник воздействия), чем меньше приближен к самому закону. Если судья является гарантом и символом власти суда и обязан строго его блюсти, то адвокат или прокурор способен на различные махинации с существующими уликами или показаниями, а свидетели, ответчики, истцы, эксперты и вовсе могут, давать ложные показания или не давать суду допуск к истине. Таким образом, с позиций постмодернизма, оператор власти в здании суда подчинен некому принципу обратного тяготения – чем ближе к власти, тем меньше механизмов влияния и тактик воздействия. В итоге гетеротопия этого пространства как минимум предполагает два пространства: пространство суда как дознания истины и соблюдения закона; пространство власти, где оператор власти осуществляет свою власть по принципу обратного тяготения.

При анализе данной гетеротопии безусловно важным из фукодианской методологии является понимание сетевой локализации власти, ее динамичности и ансамблю властных техник, связанных с знанием. Также, данное пространство вновь отражает известные мотивы дознания истины с примыкающим к ним проблемам власти, которые Фуко рассматривал в античных сценариях[1].

Можно рассматривать и другие пространства, в которых субъект будет то наделяться, то лишаться своих властных полномочий, тем самым превращаясь в оператора власти, где власть будет проявляться только в своих пространственных или темпоральных характеристиках, где власть будет приставлена как нечто над-

1 Фуко, М. Лекции о Воле к знанию с приложением «Знание Эдипа»: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1970-1971 учебном году / Пер с фр. А.В. Дьяков. - СПб.: Наука, 2016. - 351 с. - с. 88-120

субъектное и т.д. Для анализа могут использоваться: культурные объекты – музеи, библиотеки, охраняемые сады, туристические парки; военные объекты – стрельбища, полигоны, призывные пункты, палаточный лагерь; объекты, ограниченные в пространстве – космическое судно, морское судно, самолет, в будущем возможны – колонии на других планетах, посадочные модули; другие объекты социального взаимодействия – помещения, где проводятся заседания правительства или парламента, столовые (рестораны, кафе, бистро ит.д.), места, предназначенные для курения, съемные или коммунальные жилища, общежития, лаборатории, гримерки, вокзалы, аэропорты т.д. Весь тот ансамбль властных взаимодействий, который Фуко обнаруживал в дисциплинарных институтах можно обнаружить и в гетеротопиях, однако во втором случае, они будут больше отражать специфику микрофизики, нежели макрофизики власти. Можно даже отметить, что в силу целого ряда возможных причин, все гетеротопии в той или иной степени наполняются дисциплинарными механизмами или элементами дисциплинарной власти, ее отголосками. Таким образом, Мишель Фуко, указывая на столь отдаленные от классического понимания и традиционной локализации, эффекты власти, сам все-таки исследовал в свой макрофизический период, исключительно дисциплинарные пространства, оставив в качестве неисследованного вопроса и интеллектуального наследия столь широкую области для ее дальнейшего изучения.

В качестве вывода, можно сказать, что фукодианская методология анализа власти эффективна при анализе властных отношений как на уровне макрофизики, так и на уровне микрофизики власти. Благодаря тем категориям, которые Фуко вводит в свой анализ и тем теоретическим наброскам Фуко, которые автор данного исследования попытался внедрить и создать, таким образом, универсальную методологию анализа власти, можно изучать различные эффекты власти на самих ее границах, там, где никогда не было репрессивной, и уже нет дисциплинарной властей. Эта общая методология могла быть очерчена только благодаря изучению эволюции анализа власти, который Фуко демонстрирует на протяжении своих исследований. Важным оказалось и то, как именно

анализировать его творчество, так как необходимо было отказаться от классической, более общей, трехуровневой классификации этих этапов в пользу новой, двухуровневой классификации, которая отражает отношение и подход, призму М. Фуко при рассмотрении власти.

Заключение

Исследование показало, что для понимания эволюции стратегий анализа власти необходимо было одновременно решить две задачи. Во-первых, необходимо было по-другому взглянуть на периодизацию творчества М. Фуко, которая в классическом виде строилась на основе всей его философской мысли, а не на основе его подходов к пониманию власти. При этом необходимо было учесть модернистские и постмодернистские компоненты в разные периоды его творчества, а не только изменение механик власти, которые он выделял в своем анализе. Во-вторых, в той или иной мере, нужно было очертить и детально описать его концепцию власти. М. Фуко не ставил такой цели перед собой, его идеи о власти носят разрозненный характер, но в данном исследовании необходимо было составить из нее цельную, концептуально завершенную конструкцию. Эти задачи не являлись стержневыми для данной работы, но сопровождали ее на протяжении всего развертывания мысли. Основополагающих задач было три и все они были достигнуты.

Во-первых, необходимо было определить местоположение идей М. Фуко как теоретика в спектре модернистских и постмодернистских доктрин. Для этого автор решил по отдельности рассмотреть то, как повлияли на Фуко различные философские идеи эпохи модерна и то, как взаимно влияли друг на друга Фуко и другие французские постмодернисты. После проведенного анализа были выявлены основные фамилии, которые встречаются в работах Фуко различного периода, а также стало возможным выделить основные параметры тех концепций власти эпохи модерна и эпохи постмодерна, которые использовал Фуко. Основными параметрами концепций власти эпохи модерна являются: инструментализм, рационализм, поляризация, концентрация, конфликтность, насильственность, фундаментализм, господство над другими. Если же говорить о концепциях французских постмодернистов, то здесь можно отметить следующие параметры: субстанциональность, иррационализм, децентрализация,

аконфликтность, ненасильственность, мифологизация, господство над собой. В конечном итоге, это позволило определить какой этап фукодианского анализа власти можно отнести, в большей степени, к модерну, а какой к постмодерну, а также обозначить умеренность или радикальности Фуко по отношению к проблеме субъекта.

Во-вторых, после локализации концепции власти Мишеля Фуко в спектре различных концепций, необходимо было переходить к особенностям этой концепции. Автор посчитал необходимым локализовать тот период творчества М. Фуко, в котором тема власти стала доминировать над темой знания, хоть обе из них работали во взаимосвязи в течение всех работ французского мыслителя. Далее автор сформулировал и закрепил понятия макрофизики и микрофизики власти, чтобы установить границы и отметить особенности двух противоположенных периодов, а также обозначить наличие переходного периода. После того, как был очерчен период 1971 - 1984 годов, необходимо было определить, по какому критерию и в каком году, можно было наблюдать наиболее сильное смещение или искривление линии размышлений М. Фуко по поводу власти. Выход книги “Воля к истине” и курса лекций «Нужно защищать общество» стали ключевыми и для творчества Фуко, и для определения границ трех этапов его критической мысли о власти. Макрофизика и микрофизика власти – понятия, используемые французским исследователем для характеристики власти в различных ее проявлениях - стали в данной работе обозначать две противоположенных стратегии в эволюции мысли Фуко о власти. Таким образом, были получены три этапа анализа власти, но только две полноценные стратегии анализа власти. При этом, если для него эти понятия в первую очередь вскрывали методы власти, то для автора центральным в этих понятиях было отношение еще к одной мыслеобразующей теме для Фуко – отношение к субъекту. Макрофизика и анализ власти с ее позиций означали: во-первых – ницшеанский подход к знанию как к изобретению и ее эксплуатацией в целях господства, во-вторых – редукцию позиций субъекта, в-третьих – принятие власти как субстанции абсолютной тотальности над социальным телом. По мнению автора, эти векторы

развития мысли М. Фуко и привели его к тому тупику (кризису, как выражается Делез), который он сам для себя обнаружил после завершения работы над “Волей к истине”. Это этап раннего Фуко, в котором его можно позиционировать как радикального постмодерниста или как “резкого, металлического, принципиального, порой беспощадного” мыслителя. Микрофизика и ее анализ власти позволил: во-первых - реабилитировать знание как нечто присущее не только власти, но и человеку, занимающегося субъективацией, во-вторых - вернуться к проблеме субъекта, полностью пересматривая его характеристики, в-третьих – обозначить власть как действие, воздействие, навязывание, сопротивление, уловки, подрыв и т.д. иными словами - понять власть как тактику и стратегию. Это поздний этап Фуко как умеренного постмодерниста, который стал “отличаться спокойствием, сдержанностью и чистотой”. Он пытался одновременно вернуться и уйти от вопроса о субъекте, но не успел завершить свой проект, который возможно бы стал немаловажным для всей западной философской мысли.

Обе стратегии были проанализированы на предмет особенности понятий, которые вводил М. Фуко. Его понятия, безусловно, вплетены в особенности постмодернистского мышления, что повлияло и на его концепцию в целом, однако многие темы были взяты им из модернистского измерения. Анализ власти на уровне макрофизики, в целом, приравнивается к анализу политической власти, где у Фуко ярко очерчиваются три типа власти – суверенная, дисциплинарная и биовласть. Каждая из них не только характерна для определенных исторических периодов, что для Фуко как историка было необходимым условием их выделения, но и в целом является частью той власти, из которого государство и подчиняющийся ей аппарат создают единый комплекс политической власти и который был обозначен как «governmentality» (искусство управлять). Внутри каждой из трех типов власти также были выделены отдельные концепты, которые были присущи, в большей степени, именно им – это концепт гротеск власти, концепт паноптикума и концепт власти-знания соответственно.

Анализ власти на уровне микрофизики – это то, что Фуко называл анализом власти на ее окраинах, границах, обрыве. Там, куда политическая власть и ее эффекты не могут дотянуться, могут возникать особые отношения, которые также являются властными, но иного рода. Они должны пониматься не как репрессивная власть, но как стратегия по воздействию одних сил на другие. В своем раннем периоде М. Фуко анализировал дисциплинарные институты, говоря, что школы, университеты, больницы, казармы и т.д. – не входят в прямое подчинение политической власти, но полностью пронизаны ее эффектами. Поздний, то есть микрофизический этап анализа власти, приводит М. Фуко в эпоху античности, где он пытается нащупать не только характеристики некого нового понимания субъекта, но обнаруживает и подчеркивает те самые модусы существования, субъективизации, складывания субъекта. Духовные практики, которые он в изобилии находит в различных философских школах, а позже обнаруживает у первых христиан, являются для него пространством поиска новых отношений власти. Управление собой для управления другими – формула, одноименная с одним из его курсов лекций - характеризует новые отношения трех ключевых элементов фукодианской концепции власти – знание, власть, субъект. Микрофизика власти для Фуко в последние годы его исследований – это метод получения знания о себе как о субъекте, который будет осознавать себя как субъекта и будет обладать знанием о том, как управлять другими. Несмотря на то, что он не подводил свои исследования к практикам своего времени, автор данной работы попытался применить его микрофизический анализ власти к повседневным практикам в последней главе. Также необходимо отметить, что именно в этом этапе и анализе, проведенном здесь, вскрывается понимание целого ряда терминов и концептуальных решений, предпринятых Мишелем Фуко. Проблема понимания субъекта и объекта власти, была разрешена введением понятий оператор и клиент власти, которые заменяют собой носителя и жертву власти. Несмотря на то, что автор описывает два новых понятия как постмодернистские, они наиболее всего подходят для концепции М. Фуко, где и вовсе фигурирует практически один оператор власти. Также более внятно

вписываются понятия дискурс, их взаимодействие с истиной и знанием, понятие сеть власти, сопротивление власти, объясняется динамика власти.

В-третьих, необходимо было разрешить две проблемы — определить концептуальные рамки фукодианской концепции власти (сформулированной в данной работе) и показать в каком направлении может двигаться, и чем интересен его анализ власти. Нужно было продемонстрировать на некоторых примерах работу микрофизического анализа власти, поскольку макрофизический анализ власти предельно хорошо представлен в самих работах Фуко. Однако перед этим появилась потребность в том, чтобы вписать полученную концепцию власти в некие концептуальные рамки, то есть ограничить сферы применения и их использования этой концепции, обозначить пределы, которые устанавливают при локализации эффективной и серьезной критики по какому-либо вопросу. Критика, которая устанавливала границы применения фукодианской концепции власти или устанавливала, что пределы этой концепции еще далеки от своей актуализации, выстраивалась по трем осям: ось власти, ось субъекта и его статуса по отношению к власти, ось взаимоотношения истины, дискурса, знания с властью и субъектом. Основные теоретики, которые могли здесь устанавливать какие-либо границы именно по этим осям: К. Шмитт, Дж. Агамбен, Ю. Хабермас, ряд представителей Франкфуртсткой школы. В целом, их критика указывает на некоторые пробелы и минусы в представлениях Фуко о власти, также как и перспективы для дальнейшего развертывания его идей, но они не вторгаются на территорию его мысли, что позволяет принять его концепцию как рабочую и занимающую свою нишу.

Последний параграф данной работы является лишь попыткой продемонстрировать в работе микрофизический анализ власти, в ходе которого был также использован еще один концепт М. Фуко, который он не разрабатывал в своих крупных исследованиях, это концепт гетеротопий. В целом, он был изобретен не для анализа власти, а, судя по всему, для анализа состояний сознаний человека. Но в рамках данной работы он был использован как инструмент по локализации пространств работы микрофизики власти. Если сам

Фуко большую часть своего анализа власти посвящал анализу дисциплинарных пространств, то автор данной работы попытался проанализировать власть в “других” пространствах, где эффекты политической власти вообще отсутствуют, и в полной мере разворачивается игра власти, знания и субъекта.

В целом, автор пытается переосмыслить М. Фуко сразу в двух плоскостях. С одной стороны, уникальный стиль мышления и выстраивания мысли на манер постмодернистов заставляет любого исследователя его творчества местами отходить от привычной академической логики исследования, принуждая постоянно возвращаться к различным вопросам, проблемам, понятиям, концептам, которые французский философ бессистемно и порой небрежно расставляет в различных периодах своего творчества. Анализ любого текста или идеи, выстроенной в эпохе постмодерна, принуждает к признанию некой размытости смыслов, двоякости понимания, полиморфности значений, отсутствию строгой методологии и неоднозначности выводов. С другой стороны, автор вынужден был параллельно ставить перед собой задачу модернистски анализировать постмодерн, выстраивая прямые логические связи между порой несвязанными элементами концепции или отдельными идеями, но при этом, пытаясь отделить и исключить из анализа те тексты или мысли Фуко, которые напрямую не вписывались в цели данного исследования. Эта задача становится сложнее не только в силу французской традиции философствования, но и в силу сложности личности Мишеля Фуко, которая, безусловно, влияла на ход его исследований: отказ от строгости методов, резкая смена векторов исследования, заброшеннсоть или отсутствие детальной разработки отдельных концептов и т.д. Таким образом, постоянно приходится придерживаться границы между этими двумя расходящимися тенденциями, которые преследуют любого, кто пытается анализировать М. Фуко.

Немаловажно также отметить, что данная работа концентрируется в большей степени на трудах самого Мишеля Фуко, а не анализе текстов постоянно возрастающего количества его интерпретаторов. М. Фуко, безусловно, притягивает множество критиков и комментаторов. однако, в анализе этих

комментаторов теряется сама мысль Фуко. Жиль Делез утверждал, что "логику Фуко плохо понимают...Но тем не менее, я не уверен в своей правоте по отношению к другим интерпретациям. Что касается сегодняшних возражений, то они идут отнюдь не от читателей и не представляют собой никакого интереса; они сводятся к критике отдельных высказываний Фуко, туманно понятых, без малейшего учета тех проблем, которые за этими высказываниями предполагаются. Когда люди следуют за Фуко, когда они увлекаются им, то это потому, что им необходимо сделать какую-то вещь вместе с ним в их собственной работе, в рамках их автономного существования"[1]. Автор данного исследования выражает свою солидарность с этими словами и полностью следует в своем исследовании этим словам.

Это исследование также ставит целый ряд проблем, которые необходимо решить в ходе дальнейших исследований и для которых понадобится включение целого ряда специалистов самых разных дисциплинарных направлений. Во-первых, необходимо поставить вопрос о том, как власть соотносится с бессознательным. Несмотря на то, что Фуко в молодости занимался психологией, а в своем творчестве практически исключил применения психоанализа для понимания власти, его работы сквозят темами бессознательного, особенно в сфере дисциплинарности. Во-вторых, необходимо продолжение исследований, которые М. Фуко не завершил, но которые были посвящены поиску нового типа субъекта, который был бы и не субъектом и не объектом. Если в данной работе была предпринята попытка описать это явление через понятие оператор власти, то необходимо и дальше развивать мысль в направлении ухода от декартовского субъекта. В-третьих, необходимо отдельно исследовать концепцию гетеротопий и установить точки соприкосновения с социальными исследованиями различных пространств, междисциплинарными исследованиями урбанистов и т.д. В-четвертых, взаимоотношения знания, власти, субъекта, которую помимо Фуко активно продвигала Франкфуртская школа. Возможно, необходима ревизия тех

1 Делёз, Ж. Переговоры. 1972—1990 / Пер. с франц. и вступ. ст. В. Ю. Быстрова. СПб.: Наука, 2004. - 234 с. - с. 65

идей, которые были поставлены критической школой, через призму фукодианского анализа. В-пятых, необходимы попытки унификации и обобщения методологии М. Фуко, не только для анализа власти, но и анализа знания, дискурса, истории, сексуальности, субъекта и т.д. Возможно, необходимо собрать воедино его методологические правила и составить единую методологию исследований различных проблем, или поставить вопрос о появлении нового типа классификации научного знания, основанного не на дисциплинах, а на дискурсивных методах. Таким образом, психоанализ, политология, философия, культурология, философия науки – тот минимум дисциплин, которые могли бы продолжать развивать интеллектуальное наследие М. Фуко, в том направлении, которое было поставлено в данном исследовании.

В качестве резюме необходимо сказать, что фукодианскую концепцию власти необходимо рассматривать как универсальную. Она способна анализировать власть в ее политическом аспекте, с чем справлялись все модернистские концепции власти, но также способна разворачивать свой анализ в любых других измерениях и пространствах, где только можно найти властные отношения во всем их разнообразии. Анализ повседневных практик показывает, как микрофизика власти работает и приобретает свою актуализацию в ходе взаимодействия людей как операторов власти, насколько власть изменчива и неуловима, насколько знание взаимодействует с человеком как политическим объектом в дискурсе и с человеком как субъектом в истине. Все это вписывается в то теоретическое наследие, которое оставил нам М. Фуко, раскрывая горизонты для дальнейших исследований.

Список литературы

Книги и монографии

1. Аврелий, М. Наедине с собой / Пер. С. Роговина. – М.: Астрель, АСТ., 2011 - 384 с.

2. Автономова, Н. С. Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках (Критический очерк концепций французского структурализма) / Н.С. Автономова - М.: Наука, 1977. - 269 с.

3. Агамбен, Д. Суверенная власть и голая жизнь / Д. Агамбен. - Москва.: Издетельство Европа, 2011 - 240 с.

4. Адо, П. Духовые упражнения и античная философия / Пер. с франц. В.А. Воробьева. - М.; Спб.: Изд-во ”Степной ветер”; ИД “Коло”, 2005. – 448 с.

5. Адо, П. Философия как способ жить / Пер. с франц. В.А. Воробьева. М.; Спб.: Изд-во ”Степной ветер”; ИД “Коло”, 2005. – 288 с.

6. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова.— М.: Прогресс, 1989—616 с.

7. Барт, Р. Как жить вместе. Романические симуляции некоторых пространств повседневности / М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. - 272 с.

8. Барт, Р. Мифологии / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С Зенкина. – М.: Академический Проект, 2010. - 351 с.

9. Бланшо, М. Мишель Фуко, каким я его себе представляю / Пер. с франц. и послесловие В. Е. Лапицкого. - СПб.: Machina, 2002. - 96 с.

10. Бодрийар, Ж. Забыть Фуко / СПб.: Издательство "Владимир Даль", 2000. - 95 с.

11. Бринтон, К. Истоки западного образа мысли. М., 2003 - 432 с.

12. Вебер, М. Политические работы, 1895 – 1919. – М.: Праксис, 2003

13. Вен, П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии. – М.: Научный мир, 2003. – 354 с.

14. Визгин, В.П. На пути к Другому: от школы подозрения к

философии доверия. М.: Языки славянской культуры, 2004. - 800 с.

15. Гиренок, Ф. Фигуры и складки / Ф. Гиренок. – М.: Академический Проект, 2014. – 244 с.

16. Гуторов, В. А. Античная социальная утопия: Вопросы истории н теории / В.А. Гуторов. - Л.: Издательство Ленинградского университета, 1989. — 288 с.

17. Гоббс, Т. Левиафан / Пер. А. Гутермана. - М.: Мысль, 1991. – 731 с.

18. Делез, Ж. Анти-эдип. Капитализм и шизофрения / Пер. с франц. и послесл. Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов. - Екатеринбург: У-Фактория, 2008. - 672 с.

19. Делез, Ж. Гваттари, Ф. Что такое философия? / Пер. с фр. и послесл. С Зенкина. - М.: Академический проект, 2009. - 261 с.

20. Делёз, Ж. Переговоры. 1972—1990 / Пер. с франц. и вступ. ст. В. Ю. Быстрова. СПб.: Наука, 2004. - 234 с.

21. Делез, Ж. Фуко / Пер. с франц. Е.В. Семиной. М.: Издательство гуманитарной литературы, 1998. - 172 с.

22. Дьяков, А. В. Жан Бодрийяр: Стратегии «радикального мышления» / Под ред. А. С.Колесникова—СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. — 357 с.

23. Дьяков, А.В. Мишель Фуко и его время. СПб. : Алетейя, 2010. — 672 с.

24. Ильин, И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа / И.П. Ильин. - Москва: Интрада, 1998. - 248 с.

25. Ильин, И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И.П. Ильин. - Москва: Интрада, 1996. - 253 с.

26. Ильин, И.П. Постмодернизм / И.П. Ильин. - М.: Интрада, 1997. - 160 с.

27. Левинас, Э. Избранное: Тотальность и бесконечное / Пер. И. С. Вдовиной, Б. В. Дубина. — М.; СПб.: Культурная инициатива:

Университетская книга, 2000. - 416 с.

28. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н.А. Шматко. - Спб.: Алетейя, 2015. - 160 с.

29. Маньковская, Н.Б. Шизоанализ вместо психоанализа? / Н.Б. Маньковская. - Москва: Знание, 1991. - 64 с.

30. Маньковская, Н.Б. «Париж со змеями»: Введение в эстетику постмодернизма / Н.Б. Маньковская М., 1995 - 220 с.

31. Маркузе, Г. Критическая теория общества: Избранные работы по философии и социальной критике / Пер. с англ. А.А Юдина. – М.; АСТ: Астрель, 2011. – 382с.

32. Маркузе, Г. Одномерный человек. Исследование идеологии Развитого Индустриального Общества. / Пер. с англ. - М., 1994. - 368 с.

33. Мишель Фуко и Россия: Сб. статей / Под ред. О.В. Хархордина. — СПб.; М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2001.— 349 с.

34. Негри, А., Хардт М. Империя / Пер. с англ. под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. М.: Праксис, 2004. - 440 с.

35. Ницше, Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей (1884-1888) / Под ред. Г. Рачинский. – М. : Транспорт, 1995 . – 301 с.

36. Ницше, Ф. Падение кумиров: сборник / Пер. с нем. – СПб.:Азбука, Азбука Аттикус, 2012. – 224 с.

37. Ницше, Ф.Человеческое, слишком человеческое / Пер. с нем. С. Франк. - М.: Академический проект, 2007. - 336 с.

38. Платон. Диалоги: Протагор, Большой Иппий, Иппий Меньший, Евтидем, Евтифрон, Апология Сократа, Критрон / Под ред. А.А. Гусейнова. - М.: Академический Проект, 2011. - 351 с.

39. Платон. Собр. соч. в 4-х томах. Том 2. / Под. общ. редакцией А.Ф. Лосева. - М.: "Мысль", 1993.

40. Подорога В.А. Власть и познание (археологический поиск М. Фуко) // Власть: Очерки современной политической философии Запада. М.:

Наука, 1989.

41. Руссо, Ж.-Ж. Об общественном договоре. Пер. с фр. - М.:"КАНОН-пресс", 1998. - 416 с.

42. Сенека. Нравственные письма к Луцилию. / Пер. с лат. С. Ошерова. – М.: АСТ: Астрель, 2012. – 408 с.

43. Серто, Де М. Изобретение повседневности / Пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. - 330 с.

44. Сокулер З. А. Знание и власть: наука в обществе модерна. — СПб. РХГИ, 2001. - 240 с.

45. Сокулер, З. А. Знание и власть: наука в обществе модерна / З.А. Сокулер СПб., 2001. - 184 с.

46. Фромм, Э. Человек для себя / Эрих Фромм; пер.с англ. А.В. Александровой. – М.: Астрель, 2012. – 314 с.

47. Фуко М. Порядок дискурса / Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко. М. : Касталь, 1996. - 448 С.

48. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. Пер. с фр. М.: "Ad Marginem", 1999. - 479 с.

49. Фуко, М. Мужество истины: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983-1984 году / М. Фуко: Пер. с фр. А.В. Дьяков. – СПб.:Наука, 2014. – 358 с.

50. Фуко, М. Рождение биополитики: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 году/ М. Фуко: Пер. с фр. А.В. Дьяков. – Спб.: Наука, 2010. – 448 с.

51. Фуко, М. Управление собой и другими: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982-1983 году/ М. Фуко: Пер. с фр. А.В. Дьяков. – СПб.:Наука, 2011. – 432 с.

52. Фуко, М. Археология знания / Пер. С фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой. Спб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2012. - 416 с.

53. Фуко, М. Безопасность, территория, население: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 учебном году. - СПб.: Наука, 2011. - 544 с.

54. Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко. М.: Магистериум Касталь, 1996 - 446 с.

55. Фуко, М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982-1983 году / М. Фуко: Пер. с фр. А.Г. Погоняйло. – СПб.:Наука, 2007 – 677 с.

56. Фуко, М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. С. Ч. Офертаса под общей ред. В. П. Визгина и Б. М. Скуратова. — М.: Праксис, 2002. — 384 с.

57. Фуко, М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Часть 2 / Пер. с франц. И. Окуневой под общей ред. Б. М. Скуратова. — М.: Праксис, 2005. — 320 с

58. Фуко, М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. Б.М.Скуратова под общей ред. В. П. Большакова — М.: Праксис, 2006. - Ч.3. - 320 с.

59. Фуко, М. Использование удовольствий. История сексуальности Т.2./ Пер. с франц. В. Каплуна - СПб.:Академический проект, 2004. - 432 с.

60. Фуко, М. История безумия в классическую эпоху / Мишель Фуко; пер. с фр. И.К.Стаф. - М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. - 698 с.

61. Фуко, М. История сексуальности-III: Забота о себе / Пер. с фр. Т. Н. Титовой и О. И. Хомы под общ. ред. А. Б. Мокроусова.- Киев: Дух и литера; Грунт; М.: Рефл-бук, 1998.- 288 с.

62. Фуко, М. Лекции о Воле к знанию с приложением «Знание Эдипа»: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1970-1971 учебном году / М. Фуко. Пер с фр. А.В. Дьяков. - СПб.: Наука, 2016. - 351 с.

63. Фуко, М. Ненормальные: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974-1975 учебном году. - СПб.: Наука, 2004. - 432 с.

64. Фуко, М. Нужно защищать общество: курс лекций,

прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 учебном году. - СПб.: Наука, 2005. - 312 с.

65. Фуко, М. Психиатрическая власть: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973-1974 учебном году. - СПб.: Наука, 2007. 450 с.

66. Фуко, М. Рождение клиники / М. Фукою - М.: Академический проект, 2010. – 252 с.

67. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. С фр. В.П.Визгина, Н.С. Автономовой. Спб., A-cad, 1994. - 405 с.

68. Фурс, В. Социально-критическая философия после «смерти субъекта» / Сочинения. В 2-х т. Т. 1. — Вильнюс: ЕГУ, 2012. - 434 с.

69. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. - С-Пб, "Наука", 2001. - 382 с.

70. Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне / Пер. с нем. - М.: Издательство «Весь Мир», 2003. - 416 с.

71. Хорхеймер, М. Адорно, Т.В. Диалектика просвещения. Философские фрагменты / Пер. с нем. М. Кузнецова. М. - СПб.: Медиум, Ювента, 1997. - 312 с.

72. Шмитт, К. Политическая теология. – М.: Канон-пресс-ц, 2000. – 336 с.

73. Эпиктет. Беседы / Перевод с древнегреческого и примечания Г.А. Тароняна. Москва: Издательство «Ладомир», 1997. - 269 с.

74. Эпиктет. В чем наше благо. – М.: 2011 – 384 с.

Книги и монографии на иностранных языках

75. Barry, A. Foucault And Political Reason: Liberalism, Neo-Liberalism And The Rationalities Of Government / A. Barry, T. Osborne, N. Rose. - Routledge, 2013. - 292 p.

76. Bernauer, J.M. Michel Foucault and Theology: The Politics of Religious Experience / J.W. Bernauer, J.R. Carrette. - Ashgate, 2004. - 285 p.

77. Bert, J.-F. Michel Foucault et les religions / J.-F. Bert. - Paris, Le

Manuscrit, 2015. - 284 p.

78. Binkley, S. A Foucault for the 21st Century: Governmentality, Biopolitics and Discipline in the New Millennium / S. Binkley, J.Capetillo. - Cambridge Scholars Publishing, 2009. - 399 p.

79. Bratich, J.Z. Foucault, Cultural Studies, and Governmentality / J.Z. Bratich, J. Packer, C.McCarthy. - SUNY Press, 2003. - 369 p.

80. Buchanan, Ian. Deleuze and Guattari's Anti-Oedipus: a reader's guide / I. Buchalan - N.Y.; L.: Continuum, 2008. - 182 p.

81. Bunton, R., Petersen A. Foucault, Health and Medicine / R. Bunton, A. Petersen. - Routledge, 2002. - 288 p.

82. Burchell, G. The Foucault Effect / G. Burchell, C. Gordon, P. Miller. - The University of Chicago Press, 1991 - 299 p.

83. O'Farrell, C. Beyond Foucault: New Perspectives on Bentham's Panopticon / C. O'Farrell, A. Brunon-Ernst, C.Laval, E. de Champs, J.Cléro, G.Tusseau, M.Leroy, M. Bozzo-Rey. - Ashgate Publishing, Ltd., 2013. - 246 p.

84. Dehaene, M. Heterotopia and the City: Public Space in a Postcivil Society / M.Dehaene, L. De Cauter. - Routledge, 2008. - 360 p.

85. Dillon, M. Foucault on Politics, Security and War / M. Dillon, A. Neal. - Springer, 2015. - 243 p.

86. Dreyfus, H.L. Michel Foucault: Beyond Structuralism and Hermeneutics / H.L. Dreyfus, P. Rabinow - Routledge, 2014. - 256 p.

87. Dyrberg, T. Foucault on the Politics of Parrhesia / T. Dyrberg. - Springer, 2014. - 141 p.

88. Elden, S. Foucault's Last Decade / S. Elden. - John Wiley & Sons, 2016 - 272 p.

89. Elden, S. Space, Knowledge and Power: Foucault and Geography / S. Elden. Routledge, 2016. - 390 p.

90. Farrar, M.E. Building the Body Politic: Power and Urban Space in Washington / M.E. Farrar. - University of Illinois Press, 2008. - 183 p.

91. Fendler, L. Michel Foucault / L. Fendler. - A&C Black, 2014. - 156

p.

92. Fontana-Giusti, G. Foucault for Architects / G. Fontana-Giusti. - Routledge, 2013. - 200 p.

93. Foucault, M. Discours et vérité: Précédé de La parrêsia / M. Foucault, Frédéric Gros.- Librairie Philosophique Vrin, 2016. - 320 p.

94. Foucault, M. Du gouvernement des vivants. Cours au College de France, 1979-1980 / M. Senellart. - Paris, Seuil-Gallimard, 2012. - 320 p.

95. Foucault, M. L'origine de l'herméneutique de soi. Conférences prononcées à Dartmouth College 1980 / H.-P. Fruchaud, D. Lorenzini. - Paris, Vran, 2013. - 168 p.

96. Foucault, M. On The Government of the Living: Lectures at the Collège de France, 1979-1980 / M. Foucault,. - Springer, 2014. - 365 p.

97. Foucault, M. Power / Knowledge. Selected Interviews and Other Writings 1972-1977 / Edited by Colin Gordon. - Pantheon Books, New York, 1980 - 261 p.

98. Gabbard, D. A. Michel Foucault and Power Today: International Multidisciplinary Studies in the History of the Present / D.A. Gabbard D., A.Beaulieu. - Lexington Books, 2005. - 196 p. - p. 61-83

99. Golder, B. Re-reading Foucault: On Law, Power and Rights / B. Golder. - Routledge, 2013. - 254 p.

100. Gordon, C. Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings, 1972-1977 / C. Gordon. - Pantheon Books, 1980. - 270 p.

101. Graham, K.J.E.. Disciplinary Measures from the Metrical Psalms to Milton / J.E.K. Graham - Routledge, 2016 - 220 p.

102. Gros, F. Foucault et la folie / F. Gros. - Paris, Presses Universitaires de France, 1997. - 136 p.

103. Gros, F. Michel Foucault / F. Gros. - Presses universitaires de France, 2010. - 124 p.

104. Harter, N.W. Foucault on Leadership: The Leader as Subject / N.W. Harter. - Routledge, 2016. - 138 p.

105. Harvey, D. Spaces of Hope / D. Harvey. - Berkeley: University of California Press, 2000.

106. Hetherington, K. The Badlands of Modernity: Heterotopia and Social Ordering / K. Hetherington. - L.: Routledge, 1997.

107. Honneth, A. The Critique of Power. Reflective Stages in a Critical Social Theory / A. Honneth. - The MIT Press, Cambridge, Massachusets and London, England, 1991. - 335 p.

108. Horujy, S.S. Practices of the Self and Spiritual Practices: Michel Foucault and the Eastern Christian Discourse / S.S.Horujy. - Wm. B. Eerdmans Publishing, 2015. - 207 p.

109. Hughes, J. Deleuze and the genesis of representation / J. Hugles. - N.Y.; L.: Continuum, 2008. - 208 p.

110. Jones, C. Reassessing Foucault: Power, Medicine and the Body / C. Jones, R. Porter. - Routledge, 2002. - 240 p.

111. Kelly, M.G.E. The Political Philosophy of Michel Foucault / M.G.E. Kelly. - Routledge, 2010 - 200 p.

112. Kremer-Marietti, A. Foucault et l'archéologie du savoir: présentation, choix de textes, bibliographie / A. Kremer-Marietti. -Seghers, 1974. - 243 p.

113. Kreps, D. Gramsci and Foucault: A Reassessment / D. Kreps. - Ashgate Publishing, Ltd., 2015. - 210 p.

114. Kusch, M. Foucault’s Strata and Fields: An Investigation into Archaeological and Genealogical Science Studies / M. Kusch. - Springer Science & Business Media, 2012. - 272 p.

115. Laclau, E. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics / E. Laclau, C. Mouffe.- Verso, 2001. - 198 p.

116. Lemke, T. Biopolitics: An Advanced Introduction / T. Lemke, M.J. Casper, L.J. Moore. - NYU Press, 2011 - 158 p.

117. Lemke, T. Foucault, Governmentality, and Critique / T. Lemke. - Routledge, 2015. - 144 p.

118. Macey, D. Michel Foucault / D. Macey. - Reaktion Books, 2004. -

160 p .

119. Marks, J. Gilles Deleuze. Vitalism and Multiplicity / J. Marks. - Sterling, VA; L.: Pluto Press, 1998. - 204 p.

120. May, T. The Philosophy of Foucault / T. May. - Routledge, 2014 - 192 p.

121. McGushin, E.F. Foucault's Askesis: An Introduction to the Philosophical Life / E.F. McGushin. - Northwestern University Press, 2007. - 347 p.

122. McHoul, A. A Foucault Primer: Discourse, Power And The Subject / A. McHoul, W. Grace - Routledge, 2015. - 169 p.

123. Merquior, J. G. Foucault / J. G. Merquior. - University of California Press, 1985. - 188 p.

124. Morton, S., Bygrave, S. Foucault in an Age of Terror: Essays on Biopolitics and the Defence of Society / S. Morton, S. Bygrave. - Springer, 2008. - 234 p.

125. Moss, J. The Later Foucault: Politics and Philosophy / J. Moss. - SAGE, 1998. - 224 p.

126. Negri, A. Multitude: War and Democracy in the Age of Empire / A. Negri, M. Hardt. - Penguin, 2005. - 448 p.

127. Negri, A.. Commonwealth / A. Negri, M. Hardt. - Harvard University Press, 2009 - 448 p.

128. O'Farrell, C. Michel Foucault / C. O'Farrell. - SAGE, 2005. - 200 p.

129. O'Leary, T. Foucault and Philosophy / T. O'Leary, C. Falzon. - John Wiley & Sons, 2010. - 272 p.

130. Patton, Paul. Deleuze and the Political / P. Patton. - L.; N.Y.: Routledge, 2000. - 116 p.

131. Pirkko, M-D. Foucault, Sport and Exercise: Power, Knowledge and Transforming the Self / M-D. Pirkko, R. Pringle. - Routledge, 2007. - 264 p.

132. Schuld, J. Foucault and Augustine: reconsidering power and love / J. Schuld J. - University of Notre Dame Press, 2003. - 299 p.

133. Scott, J.C. Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed / J.C. Scott. - New Haven: Yale University Press, 1998.

134. Smart, B. Michel Foucault: Critical Assessments / B. Smart. Psychology Press, 2002 - 150 p.

135. Smith, E. Foucault's Heterotopia in Christian Catacombs: Constructing Spaces and Symbols in Ancient Rome / E. Smith. - Springer, 2014. - 203 p.

136. Taylor, C. The Culture of Confession from Augustine to Foucault: A Genealogy of the 'Confessing Animal' / Taylor C. - Routledge, 2010. - 312 p.

137. Taylor, D. Michel Foucault: Key Concepts / D. Taylor. - Routledge, 2014.- 276 p.

138. Zamora, D. Critiquer Foucault: Les années 1980 et la tentation néolibérale / D. Zamora. - Editions Aden, 2014. - 468 p.

139. Zamora, D. Foucault and Neoliberalism / D. Zamora, M.C. Behrent . - John Wiley & Sons, 2016. - 152 p.

140. Zarka, Y. C. L’autre voie de la subjectivité / Y.C. Zarka. - Paris, Beauchesne. – 2000

Статьи

141. Автономова, Н. С. История как археология знания в концепции Мишеля Фуко / Н.С. Автономова // Современная структуралистская идеология: генезис политологических концепций. - М.: ИФАН, 1984. - С. 30 – 48.

142. Автономова, Н. С. Концепция «археологического знания» / Н.С. Автономова // Вопросы философии. 1972. - № 10. - С. 116 – 132.

143. Автономова, Н. С. От «археологии знания» к «генеалогии власти» / Н.С. Автономова //Вопросы философии. - 1978 - № 2. - С. 145-153.

144. Беззубова, О.В. «Другие пространства» Мишеля Фуко: современные стратегии интерпретации / О.В. Беззубова // Вестник

гражданских инженеров. - 2011. - № 2 (27). - с. 199–204.

145. Болотова, У.В. Философия модерна - истоки и влияние // Инновационная наука. 2015. - №3. - с.188-191.

146. Вен, П. Фуко: революция в историографии / Пер. с фр. Г. Галкина, С. Козлов // Новое лит. обозрение. 2001. № 3 (49). С. 1020

147. Визгин, В.П. Мишель Фуко – теоретик цивилизации знания / В.П. Визгин // Вопросы философии, 1995. - № 4. - С.116-126.

148. Гепхарт, В. Места правосудия: судебная архитектура между сакральными и профанными строениями. Социологическое обозрение . - Том 6. - № 3. - 2007. - с. 21-33.

149. Донзло, Ж. Управление либеральными обществами — эффект Фуко в англоязычном мире / Ж. Донзло, К. Гордон // Логос. - 2008. - No 2. - с. 3 — 20.

150. Ильин, И. П. Жак Деррида — постструктуралист sans pareil //Общественные науки за рубежом. РЖ. Литературоведение. Серия 7, № 1-2. М., 1993. - с. 3 - 27.

151. Ильин, И. П. Ролан Барт — от «текстового анализа» к «наслаждению текстом» //Российский литературоведческий журнал, № 7. М., 1995. - с. 133 - 153.

152. Квят, А.Г. «Все будет иначе»: городской пикник как гетеротопия / А.Г. Квят // Вестник Томского государственного университета. - 2014. - №388 – с. 65-75.

153. Кильдюшов, О.В. Мишель Фуко как исследователь «полицейского государства»: программа, эвристические проблемы, перспективы изучения / О.В. Кильдющов. - Социологическое обозрение., 2014. - Т. 13. - № 3. - с. 9–32.

154. Кобылин, И.И. Исток и сингулярность: Дж. Агамбен и М. Фуко о рождении био-власти // Философия и общество. Выпуск №3(63) - 2011. - с. 171-183.

155. Курочкина, Л. Я., Первушина, В. Н. Концепция власти М. Фуко

/ Л.Я. Курочкина, В.Н. Первушина // Вестник ВГТУ. - 2013. - №6-1 – С.116-119.

156. Лизина, Н.В. Практики власти как управленческие отношения в работах М. Фуко / Н.В. Лизина. - Известия Алтайского Государственного Университета, 2011. - № 2-2. - с. 206-209.

157. Лиотар, Ж.-Ф. Заметки о смыслах "пост"/ Ж.-Ф. Лиотар // Иностранная литература. - 1994.– № 1.– С. 56-59.

158. Макарычев, А.С. Суверенитет, власть и политическая субъектность: две линии критической теории / А.С. Макарычев. - Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС, 2010. - Т. 6. - № 4. - с. 22–53.

159. Монсон, П. Юрген Хабермас и современность / П. Монсон // Современная западная социология: теории, традиции, перспективы. СПб.: Нотабене, 1992. - С. 307 -345.

160. Новаков, А. А. Религиозно-политический субъект на границах дискурса М. Фуко / А.А. Новаков // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. - 2014. - №9 (180) – С.231-236.

161. Новиков, В. Т., Новикова, О. В. Феномен власти в классической и современной философии: сравнительный анализ / В.Т. Новиков, О.В. Новикова // Философия и социальные науки: научный журнал. – 2011. - № ¾. - С. 40-46.

162. Новикова, Н.Л. Тремаскина, И.В. // Модернизм и постмодернизм: к проблеме соотношения // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и ис,кусствоведение. 2011. - №2 – с. 19-25.

163. Руднев, Ю.В. Два тела Фуко. Очерк современного состояния Foucault Studies / Ю.В. Руднев // Полития, 2015. - № 4. - с. 48-68

164. Сиушкин, А.Е. Анализ власти в политической теории постмодерна / А.Е. Сиушкин // Наука. Общество. Государство. - 2014. - №2. - С. 1-8.

165. Соболева, И.В.. Карл Шмитт и левая мысль. Пределы совместимости концепций. - Логос №5 [89], 2012 - с. 178-195.

166. Филиппов, А.Ф. Гетеротопология родных просторов / А.Ф. Филиппов // Отечественные записки. - 2002. - № 6–7. - с. 48–62.

167. Фливберг, Б. Хабермас и Фуко теоретики гражданского общества / Б. Фливберг // Социологические исследования. - 2000. - № 2. - С. 57 — 72.

168. Фрейзер, Н. Фуко о современной власти: эмпирические прозрения и нормативная путаница [Электронный ресурс] / Н. Фрейзер // Новое литературное обозрение – 2013. – N 88. – Режим доступа: http://www.nlobooks.ru/node/3422

169. Фурс, В. Н. Полемика Хабермаса и Фуко и идея критической социальной теории / В.Н. Фурс / / Логос. - 2002. - № 2. - с. 120-152.

170. Чайковский, Д. В. Трансформации власти в дискурсе постмодерна / Д. В. Чайковский // Известия Томского политехнического университета [Известия ТПУ]. — 2009. — Т. 315, № 6: Экономика, философия, социология и культурология. — с. 92-96.

171. Чайковский, Д.В. Трансформации власти в дискурсе постмодерна / Д.В. Чвйковский // Известия Томского политехнического университета, 2009. - Т. 315. - № 6. - с. 92-96.

172. Шмитт, К. Разговор о власти и о доступе к властителю // Социологическое обозрение Том 6. - № 2. - 2007. - с. 27-38.

Статьи на иностранных языках

173. Alston, R. Foucault’s Empire of the Free / R. Alston. - Foucault Studies, 2017. - No. 22. - pp. 94-112

174. Bailey, A.J. Migration. recession and an emerging transnational biopolitics across Europe / A.G. Bailey. - Geoforum, 2013. - Volume 44. - p. 202-210.

175. Biebricher, T. Habermas, Foucault and Nietzsche: A Double Misunderstanding / T. Biebricher. - Foucault Studies, 2005. - No 3. - pp. 1-26

176. Bogard, W. Discipline and Deterrence: Rethinking Foucault on the

Question of Power in Contemporary Society / W. Bogard - The Social Science Journal, 1991. - Volume 28. - N 3. - p. 325-346.

177. Brady, M. Ethnographies of Neoliberal Governmentalities: from the neoliberal apparatus to neoliberalism and governmental assemblage / M. Brady. - Foucault Studies, 2014. - No. 18. - pp. 11- 33

178. Bussolini, J. What is a Dispositive? / J. Bussolini. - Foucault Studies, 2010. - No 10. - pp. 85-107

179. Cook, D. "Is power always secondary to the economy?" Foucault and Adorno on Power and Exchang / D. Cook. - Foucault Studies, 2015. - No. 20. - pp. 180-198

180. Crawshaw, P. Governing at a distance: Social marketing at the (bio)politics of responsobility / P. Crawshaw.- Social Science and Medicine, 2012. - Volume 75. - p. 200-207.

181. Donzelot, J., Gordon, C. Governing Liberal Societies – the Foucault Effect in the Englishspeaking World / J. Donzelot, C. Gordon - Foucault Studies, 2008. - No. 5. - pp. 48-62

182. Dupont, D. Foucault contra Foucault: Rereading the `Governmentality" papers / D. Dupont, F. Pearce // Theoretical Criminology, 2001. - Volume 5. - N2 – P. 123-128.

183. Faubion, J. Heterotopia: and Ecology / J. Faubion // Heterotopia and the City: Public Space in a Postcivil Society / Ed. by Michiel Dehaene. - N.Y.: Routledge, 2008.- p. 31–39.

184. Fillion, R. Freedom, Truth, and Possibility in Foucault's Ethics / R. Fillion. - Foucault Studies, 2005. - No 3. - pp. 50-64

185. Grace, W. Foucault and Deleuze: Making a Difference with Nietzsche / W. Grace. - Foucault Studies, 2014. - No. 17. - pp. 99- 116

186. Hamann, T.H. Neoliberalism, Governmentality, and Ethics / T.H. Hamann. - Foucault Studies, 2009. - No 6. - pp. 37-59

187. Jessop, B. From micro-powers to govenmentality: Foucault's work

on statehood,state formation,statecraft and state power / B. Jessop. - Political Geography, 2007. - Volume 26. - p. 34-40.

188. Kazi, T. Foucault and Weber on Leadership and the Modern Subject / T. Kazi. - Foucault Studies, 2017. - No 22. - pp. 153-176

189. Li, T.M. Fixing Non- market Subjects: Governing Land and Population in the Global Sout h / T.M. Li. - Foucault Studies, 2014. - No. 18. - pp. 34- 48

190. Lippert, R.K. Neo- Liberalism, Police, and the Governance of Little Urban Things / R.K. Lippert. - Foucault Studies, 2014. - No. 18. - pp. 49- 65

191. McCarthy, T. The Critique of Impure Reason: Foucault and the Frankfurt School / T. McCarthy // Political Theory. - Vol. 18. - No. 3 (Aug., 1990), pp. 437-469.

192. McSweeney, J. Foucault and Theology / J. McSweeney // Foucault Studies, 2005. - No 2. - pp. 117-144

193. Ojakangas, M. Impossible Dialogue on Bio-power: Agamben and Foucault / M. Ojakangas. - Foucault Studies, 2005. - No 2. - pp. 5-28

194. Oksala, J. Violence and the Biopolitics of Modernity / J. Oksala. - Foucault Studies, 2010. - No. 10. - pp. 23-43

195. Read, J. A Genealogy of Homo-Economicus: Neoliberalism and the Production of Subjectivity / J. Read. - Foucault Studies, 2009. - No 6. - pp. 25-36

196. Ryder, A. Foucault and Althusser: Epistemological Differences with Political Effects / A. Ryder. - Foucault Studies, 2013. - No. 16. - pp. 134-153

197. Simpson, Z. The Truths We Tell Ourselves: Foucault on Parrhesia / Z. Simpson. - Foucault Studies, 2012. - No 13. - pp. 99-115

198. Snoek, A. Agamben's Foucault: An overview / A. Snoek. - Foucault Studies, 2010. - No. 10. - pp. 44-67

199. Taylor, C. Foucault and the Ethics of Eating / C. Taylor. - Foucault Studies, 2010. - No. 9. - pp. 71-88

200. Topinka, R.J. Foucault, Borges, Heterotopia: Producing Knowledge

in Other Spaces / R.J. Topinka. - Foucault Studies, 2010. -No. 9. - pp. 54-70

201. Urbach, H. Writing Architectural Heterotopia / H. Urbah // The Journal of Architecture, 1998. - No. 3 (4). - p. 347–354.

202. Ure, M.V. Senecan Moods: Foucault and Nietzsche on the Art of the Self / M.V. Ure. - Foucault Studies, 2007. - No 4. - pp. 19-52

203. Vainio, A. Forest owners and power: A Foucualdian study on Finnish forest policy / A. Vainio, R. Paloniemi. - Forest Policy and Economics, 2012. - Volume 21. - p. 118-125.

204. Winkel, G. Foucault in the forests - A review of the use of Foucauldian concepts in forest policy analysis / G. Winkel. - Forest Policy and Economics, 2012. - Volume 16. - p. 81-92.

205. Yates, C. Stations of the Self: Aesthetics and Ascetics in Foucault's Conversion Narrative. - Foucault Studies, 2010. - No. 8. - pp. 78-99

Диссертации

206. Аласания, К.Ю. Теоретические и методологические основания анализа политической власти в постмодернизме :На материале работ французских мыслителей второй половины XX - начала XXI века: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01 / К.Ю. Аласания - М, 2006. - 147 с.

207. Ашкеров, А.Ю. Философские проблемы современного социально-антропологического познания: дис. ... д-ра. филос. наук: 09.00.01 / А.Ю. Ашкеров - М, 2005. - 459 с.

208. Вишневский, О.О. Соотношение политики и рациональности в политической теории Мишеля Фуко: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01 / О.О. Вишневский - М, 2005. - 197 с.

209. Гашков, С.А. Эволюция социально-философских концепций М. Фуко и К. Касториадиса: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / С.А. Гашков - СПб, 2009. - 192 с.

210. Голобородько, Д.Б. Концепции разума в современной французской философии: М. Фуко и Ж. Деррида: контекст полемики: дис. ...

канд. филос. наук: 09.00.13 / Д.Б. Голобородько - М, 2006. - 217 с.

211. Доровских, В.И. Государственно-правовые взгляды Мишеля Фуко: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.08 / В.И.Доровских - Ростов-на-Дону, 2009. - 142 с.

212. Кириллов, П.Е. Дискурс М. Фуко как методология анализа современных социальных институтов и процессов: дис. ... канд. философ. наук: 09.00.11 / П.Е. Кириллов. - М, 2006. - 139 с.

213. Матвиенко, Т.Н. Научно-педагогическая концепция П.М. Фуко: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Т.Н. Матвиенко - Волгоград, 2012. - 166 с.

214. Томпсон, Э. Проблема власти в трудах Мишеля Фуко: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01 / Э. Томпсон - Ростов-на-Дону, 2001. - 134 с.